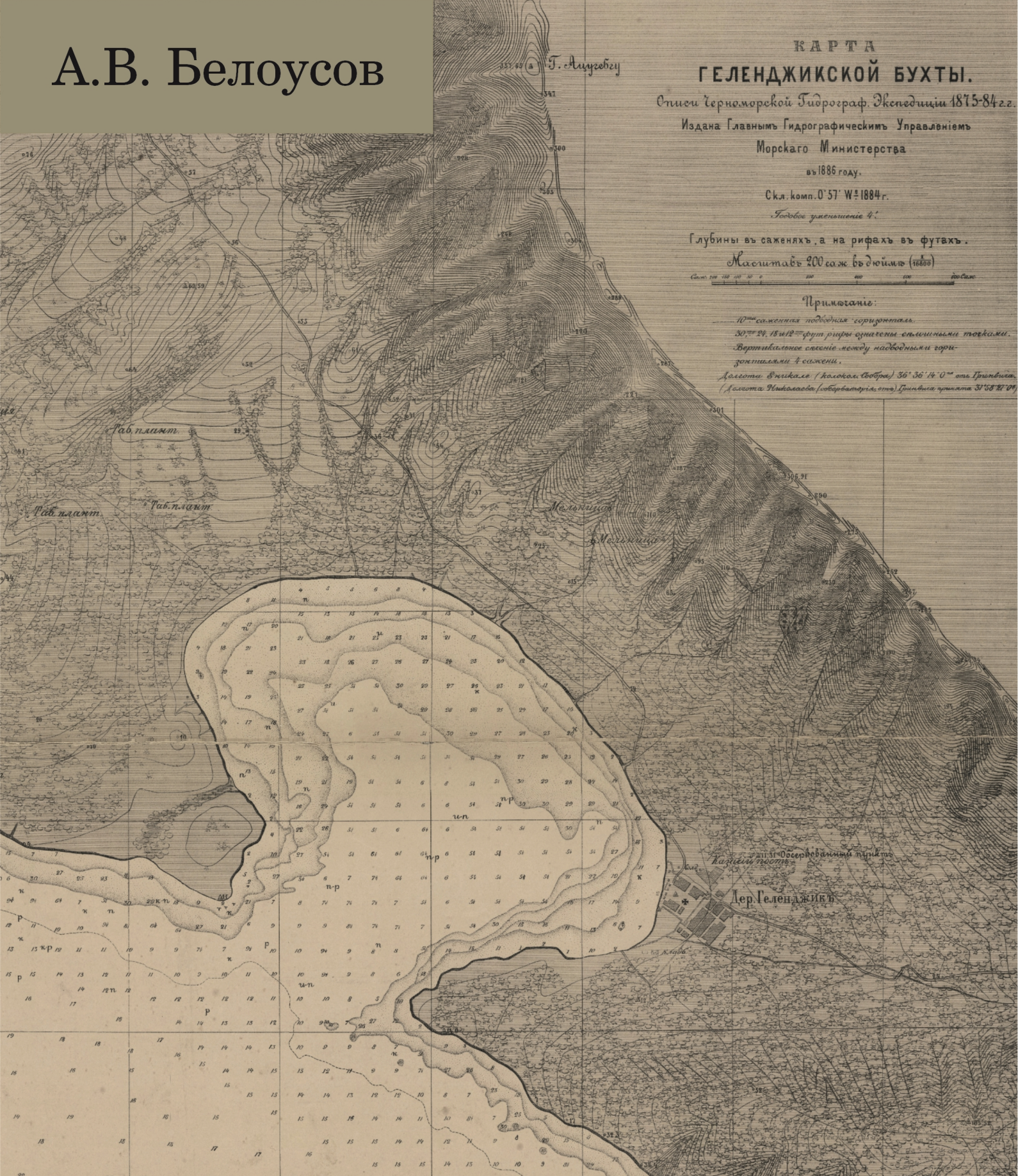

А.В. Белоусов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ГЕЛЕНДЖИКА:
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Артем Васильевич Белоусов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГЕЛЕНДЖИКА:
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
(постановка вопросов и попытка осмысления)

УДК 902.2
ББК 63.4(2), 63.4(3)
Б43

Белоусов А.В. Археологические памятники Геленджика: ранний железный век (постановка вопросов и попытка осмысления). – 2025. 144 с.
URL: <https://www.litres.ru/71618230/>

Вниманию читателей предлагается книга, посвященная археологическим памятникам Геленджика раннежелезного века. Археологические материалы этой эпохи долгое время хранились в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея, лишь частично опубликованные в 60-е гг.

Помимо подробного описания воссоединенных и недавно введенных в научный оборот материалов, в книге поднимаются вопросы культурной атрибуции памятников оставленным населением, проживавшим в приморской зоне, их культурные и торговые связи с Кавказом, Северо-Восточным Причерноморьем и Крымом, а также выявляются миграционные процессы в регионе. Поднимается вопрос о хронологии не только памятников региона г. Геленджик, но и культурно тесно связанных поселений каменско-ливленцевской группы эпохи бронзы.

Для историков, археологов, преподавателей вузов и школ, студентов, а также всех, интересующихся древностями Северо-Западного Кавказа.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение.....	4
Глава I. Геленджикская стоянка. Проблемы хронологии каменско-ливенцовской группы памятников.....	5
Глава II. Погребения	52
2.1. Фальшивый Геленджик.....	52
2.2. Михайловский Перевал.....	57
2.3. Дольмен Бетта	60
2.4. Геленджикский могильник.....	71
Глава III. Случайные находки.....	89
Глава IV. Миграционные процессы на Северо-Западном Кавказе в раннежелезном веке.....	92
Заключение.....	123
Список иллюстраций	124
Список литературы	130

ВВЕДЕНИЕ.

Ранний железный век, определяемый сейчас для Северного Причерноморья в рамках середины X – VII вв. до н.э., период больших изменений не только для нашего региона, но и для всей Евразии. В этот период происходят значительные миграции населения на Северном Кавказе, меняются металлургические и керамические традиции, обряды погребений.

Археологическая картина приморской зоны, являющейся периферией степной и горной зоны, ранее была известна по довольно скудному материалу, известному по публикациям 50-60-х гг. И.И. Аханова и А.А. Иессена, что делало весьма затруднительным проведение каких было сравнений, выявление закономерностей и пр. Но с недавнего времени в свет вышел ряд публикаций с участием автора, где был введен в научный оборот значительный пласт находок раннего железного века, хранящийся в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея.

В данном исследовании сведены воедино и переосмыслены имеющиеся поселенческие и погребальные материалы, сделана попытка их культурной атрибуции и периодизации. Параллельно были подняты аналогичные вопросы и для памятников, расположенных на Северо-Восточном Причерноморье, Крыму и Кавказе с которыми имелись явные культурные и торговые связи, без рассмотрения которых археологическая картина нашего региона была бы неполноценной, не встроенной в логическую систему взаимоотношений. Также поднят вопрос и о истоках традиции погребений в каменных ящиках, появившейся на приморских могильниках в VIII в. до н.э.

Автор выражает глубокую признательность М.Ю. Федосову, совместно с которым проводились историко-археологические исследования региона и внесший весомый вклад при подготовке материалов к публикации. А также сотрудникам Геленджикского историко-краеведческого музея и лично главному хранителю фондов И.А. Королевой, принимавшей активное участие в нескольких археологических экспедициях в г. Геленджик и п. Дивноморское. Без ее всесторонней помощи материалы раннего железного века, представленные в этом исследовании, не были бы опубликованы.

ГЛАВА I. ГЕЛЕНДЖИКСКАЯ СТОЯНКА. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ КАМЕНСКО-ЛИВЕНЦОВСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ.

Геленджикская стоянка малоизвестный науке памятник археологии, расположена она на северном берегу Геленджикской бухты (рис. 1) и известна лишь по частичной публикации материалов И.И. Ахановым (Аханов, 1961б). Целью данной работы является не только ввод в научный оборот материалов, хранящихся в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея, по каким-то причинам, не попавшим в публикацию, но и попытка переосмыслить всю коллекцию с учетом современных представлений о культурно-исторической ситуации в изучаемом регионе в эпоху бронзы.

Первое исследование места расположения стоянки предпринял весной 1886 г. археолог и один из основателей Исторического музея В.И. Сизов. Он оставил следующее описание Геленджикской бухты. «Северный, противоположный берег представляет весьма небольшое возвышение, покатое к морю. На этом возвышении много курганов, образующих сплошной могильник, уходящий от моря в густой лес к северу и северо-востоку». Им было раскопано шесть курганов, четыре из которых имели погребальные урны с обрядом трупосожжения, судя по приведенным иллюстрациям относящихся к эпохе раннего средневековья. Два кургана имели каменные ящики из вертикально стоящих плит, сооруженные на дневной поверхности и имевшие каменный кромлех. Одно погребение было одиночное, второе парное, костяки были вытянуты на спине и имели северную ориентировку (Сизов, 1889, с. 65-67). Такие погребения в каменных ящиках с северной и северо-восточной ориентировкой будут известны в приморской зоне начиная от VIII-VII вв. до н.э. до первых веков нашей эры (Аханов, 1961а; Малышев, 2011, с. 230; Новичихин, 2010, с. 194-195). Больше раскопок курганов на этом участке бухты не проводилось, и со временем могильник был полностью уничтожен застройкой и разграблениями.

Сама стоянка была открыта в 1928 г. профессором МГУ Б.С. Жуковым, проводившим в 1928-1929 гг. разведывательные работы с целью выявления дольменов в районе Новороссийска и Геленджика (Формозов, 2008, с.78). На участке северного берега бухты, на территории рыбзавода, вместе со студентами-практикантами Б.С. Жуковым были проведены рас-

копки выявленного памятника, который был им датирован поздним неолитом (Аханов, 1954б, л. 1). Находки, полученные в результате раскопок, были сданы в Геленджикский музей и частично представлены в экспозиции (Щеглов, 1958, л. 1). К сожалению, не сохранилось конкретики по поводу того, что именно было найдено и что было выставлено в экспозиции. Работа в фондах ГИКМ не прояснила этот вопрос, по словам сотрудников музея, часть довоенных коллекций и описей была утеряна во время эвакуации музея.

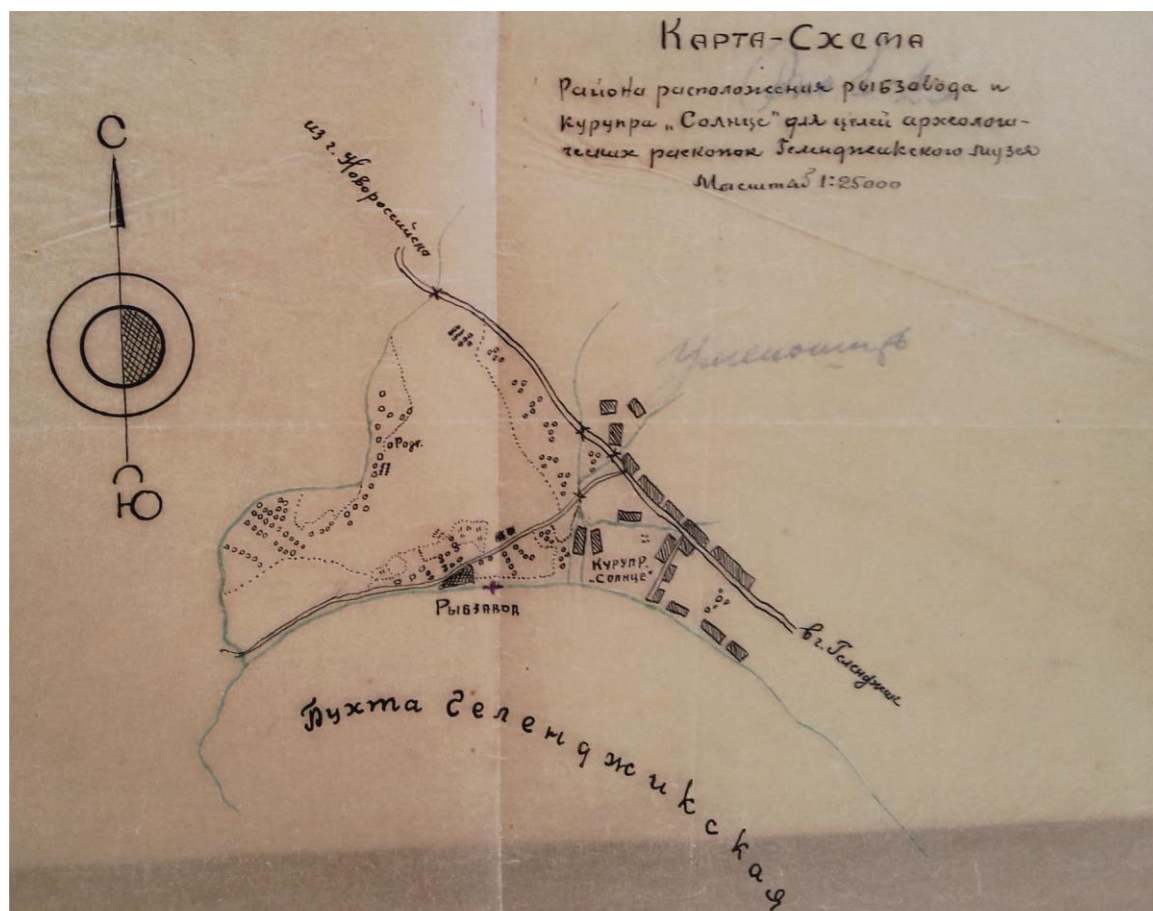

Рис. 1. Место расположения стоянки на плане г. Геленджик (по Аханов, 1958, 2-1/1).

В следующем году в Геленджик приезжает «инженер технической помощи сельского хозяйства на Кубани», а в будущем сотрудник музея, Д.Е. Щеглов. Обследуя окрестности Геленджика, он осмотрел и место раскопок Б.С. Жукова. Д.Е. Щеглов акцентирует внимание на том, что сохранившиеся отвалы были насыщены фрагментами раковин, что в целом не свойственно для бухты. Восточнее раскопа им были обнаружены пятна

двух хозяйственных ям на обрушаемом участке берега, темные пятна которых хорошо читались на фоне светлых суглинков. В их заполнении были обнаружены угли, кости и фрагменты керамики. О обнаружении ям им было сообщено хранителю фондов музея В.И. Красину, который после совместного посещения местонахождения пообещал провести раскопки (Щеглов, 1958, л. 1). Об исследовании этих двух ям мы имеем только сообщение, что это произошло в середине 30-х гг., но без каких-либо уточняющих подробностей (Аханов, 1954б, л. 1).

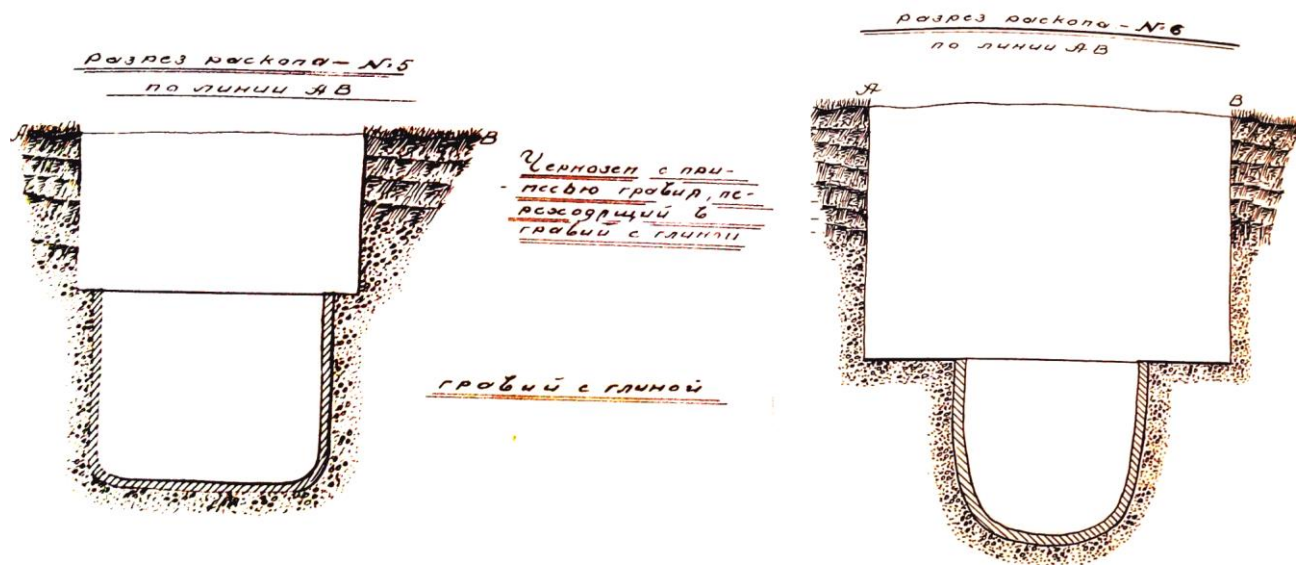

Рис. 2. Профили хозяйственных ям №№5-6 (по Аханов, 1958, 2-1/12).

В конце 1949 г. обрушение береговой линии обнажило новые объекты, хозяйственные ямы и скопление раковин. В этом году сотрудниками музея и школьного краеведческого кружка было исследовано 3 ямы, все они были глубиной около 0,8 м и имели глиняную обмазку по всем стенкам толщиной до 5 см. Обмазка была отмечена И.И. Ахановым отдельно, как глина, отличающаяся темно-бурый цвет. В следующем, 1950 г., было раскопано еще три ямы, аналогичные по структуре (Аханов, 1954б, л. 2), четвертая исследована Д.Е. Щегловым, и еще одна в 1954 г. (Щеглов, 1958, л. 1-2). Над ямами делались небольшие прирезки, на некоторых участках сохранился культурный слой мощностью до 1 м, содержащий фрагменты керамики и костей животных (рис. 2) (Аханов, 1954б, л. 3).

Важно отметить, что глина темно-бурого цвета, описанная как обмазка вышеупомянутых ям, в целом не свойственна для окрестного побережья. Помимо совсем небольших, разбросанных по Маркотхскому хребту,

ее выходов, рядом имеется только одно относительно крупное месторождение такой глины, на юго-восточном склоне водораздела рек Мезыбь и Хотей, к северу от пос. Джанхот. Сейчас там расположена действующая гончарная мастерская, хозяин которой С.А. Дудин любезно проконсультировал автора о местных глинах, ее свойствах и распространении. Мы не сомневаемся, что люди того времени знали о этом месторождении и проводили добычу глины. Обмазка хозяйственных ям могла служить для гидроизоляции, что особенно актуально в зимний период с его обильными осадками.

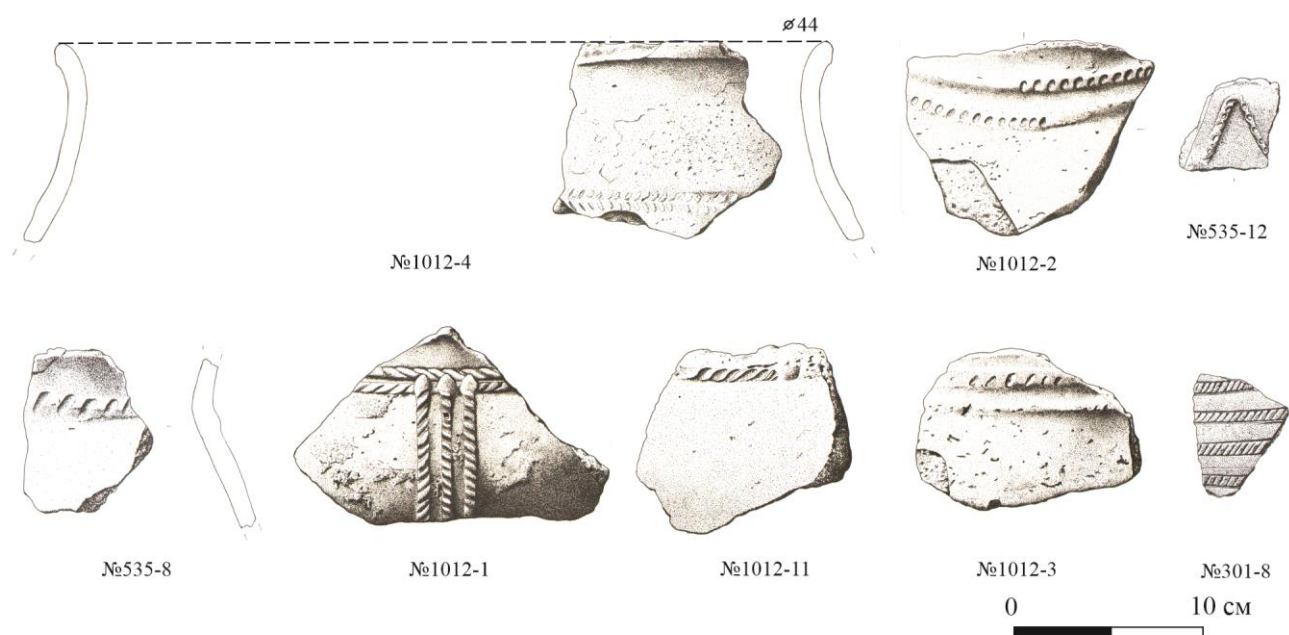

Рис. 3. Материалы Геленджикской стоянки с валиковой орнаментацией из фондов ГИKM. №№ 301 - 8; 535 - 8, 12. 1012 - 1-4, 11.

Возвращаясь к описанию коллекции, начнем с характеристики керамики с валиковой орнаментацией как наиболее массовой на стоянке. Все фрагменты выполнены из плохо отмученной глины с примесями дресвы, слюды и ракушки. Внешняя поверхность светло-коричневая, хорошо обработана; внутренняя черная, с неглубокими расчесами. Тесто пористое. Орнамент представлен горизонтальными налепными валиками с косыми расчлененными вдавлениями (рис. 3, №535 - 8, 12, №1012 - 1-3, 11, рис. 6, 4) или семечковидными вдавлениями, образующими «елочку» (рис. 3, №1012 - 4). Парные валики наносились на плечики округлобоких сосудов,

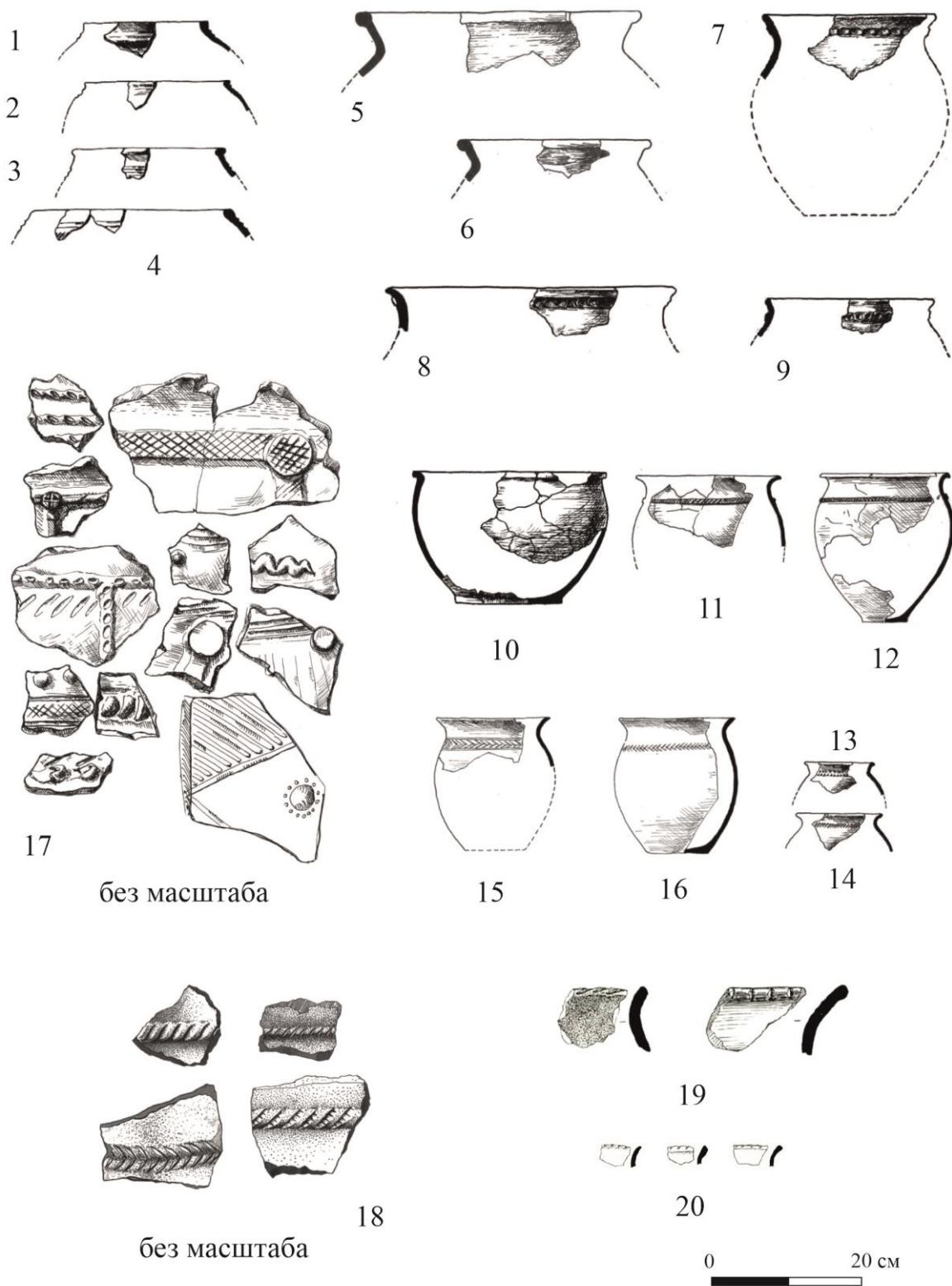

Рис. 4. Керамика Северной Колхиды. Тамышское поселение: 1-4 - шаровидные сосуд, 11-14 - горшки; Бамборское поселение: 5-6 - раструбные сосуды, 7-9 - сосуды с валиком, 10, 15-16 - горшки, 17-18 - фрагменты орнаментированных стенок (по Габелия, 2014); 19 - венчики пифосов, 20 - венчики горшков доантичного периода из поселения на холме Верещагина (по Джопуа, 2009). 1-20 - глина.

точные размеры которых реконструировать не удалось, однако, судя по толщине стенок до 1,4 см и крутизне изгиба, они были довольно крупными. Особо стоит обратить внимание на фрагмент орнаментированной стенки с сочетанием двух горизонтальных валиков и отходящих от них трех вертикальных, направленных к середине тулова сосуда, и на фрагмент стенки с валиком в виде зигзага (рис. 3, №535 – 13, №1012 – 1). К ним же стоит отнести фрагмент стенки с резной орнаментацией, имитирующей валиковую (рис. 3, №301 – 8).

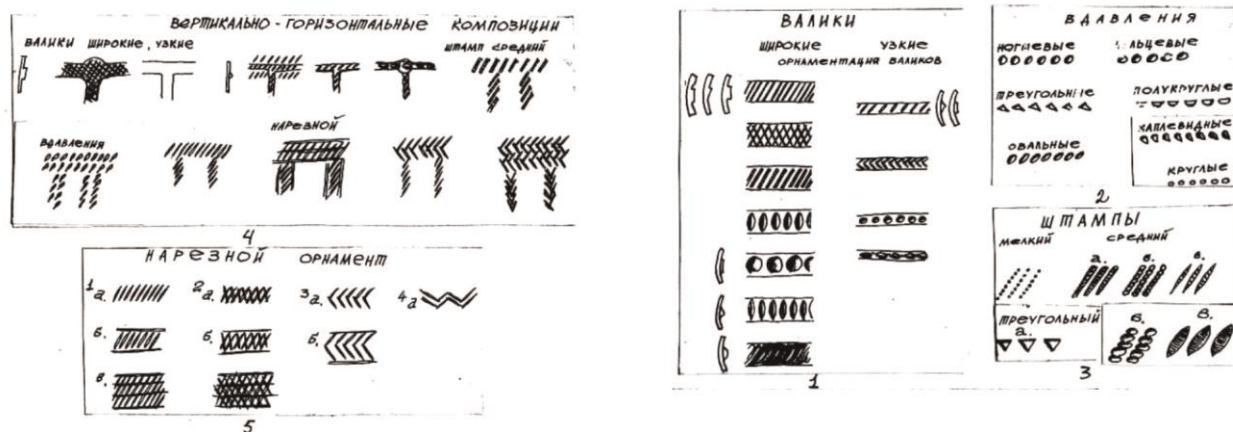

Рис. 5. Орнаментальная техника и композиции Тамышского поселения (по Габелия, 2014).

Подобная керамика известна на памятниках Кавказа, но на наш взгляд на современном этапе изучения в исследованиях не хватает обобщения в рамках всего Кавказа. Начнем мы рассмотрение с Северной Колхиды. Тарные толстостенные сосуды (пифосы), предназначенные для хранения воды, молока, а также зерна, встречены на поселениях в большом количестве. В настоящее время там известно порядка двадцати поселений колхидской культуры. Наиболее исследованными считаются Тамышское поселение, где выделено два горизонта, нижний XI - IX вв. до н.э. и верхний VIII – VII вв. до н.э., пифосы с валиковым орнаментом были характерны для обоих периодов (рис. 4, 11-12), и Бамборское поселение (окраина г. Гудаута), датируемое VIII – VII вв. до н.э. Керамические находки поселений сильно фрагментированы, а в погребальной практике такие сосуды во второй половине II тыс. до н.э. не использовались (за исключением одного погребения на Красномаяцком могильнике), но тем не менее А.Н. Габелия описывает пифосы Бамборского поселения как большие сосуды яйцевидной формы с высокой дуговидной шейкой, заканчивающейся ото-

гнутом венчиком и широкогорлые толстостенные (1,8-2 см) сосуды больших размеров (рис. 4, 7-9, 17-18). Остальные различия касались только орнаментального мотива и особенности обработки поверхности (Габелия, 2014, с. 38, 58-59, 69, 81, 97-98). Также А.Н. Габелия была составлена схема-классификация орнаментов керамики Тамышского поселения. Наиболее распространенным орнаментом является валиковый, опоясывающими шейки и тулова пифосов, а также сочетанием горизонтальных и вертикальных валиков (рис. 5).

На Южном Кавказе пифосы с валиковым орнаментом были широко распространены на памятниках Лчашен-Мецаморской культуры, хронологические рамки которой охватывают XV – середину VII вв. до н.э. (Badalyan et al., 2008, p. 47; Avetisyan et al., 2019, p. 89). Тут нужно оговориться, что валиковая орнаментация была распространена не только в Лчашен-Мецаморской культуре, но поскольку ее памятники наиболее изучены на Кавказе, то мы будем апеллировать именно к ней.

В период МВА III¹ (рубеж XVIII/XVII – кон. XVI в. до н.э.), который характеризуется как «переходный» период от культуры Триалети-Ванадзор к Лчашену, происходит постепенная смена расписной керамики на совершенно новую традицию орнаментации: пластичной (валиковой), штампованной и резной (прочерченной) техники. Материалы переходного периода известны по погребениям из могильников Апаран I, II, Дзори Берд, Цахкалани и др. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 47, pl. IV; p. 50, pl. II, p. 85, pl. III; p. 277-278, pl. III-IV). Новая техника орнаментации станет господствующей на Кавказе вплоть до античной эпохи, а такой элемент, как валик, продолжит использоваться и в более позднее время (рис. 7, 10-13, 15-17). Хронологическая позиция памятников Лчашен-Мецаморской культуры достаточно хорошо обоснована и опирается на ближневосточные, в особенности иранские импорты, а также на радиоуглеродное датирование поселений и погребений.

Прекрасные примеры орнаментированных сосудов мы видим в материалах поселения Гехарот на северо-западе Армении (рис. 6, 10-18).

---

¹ Здесь и далее мы используем принятую на Южном Кавказе периодизацию:

MBA – Middle Bronze Age, 2400-1500 гг. до н.э.;

LBA – Late Bronze Age, 1500-1200 гг. до н.э.;

EIA – Early Iron Age, 1200-900 гг. до н.э.;

MIA – Middle Iron Age, 900-700 гг. до н.э. (Avetisyan, Bobokhyan, 2012, p. 8, fig. 2).

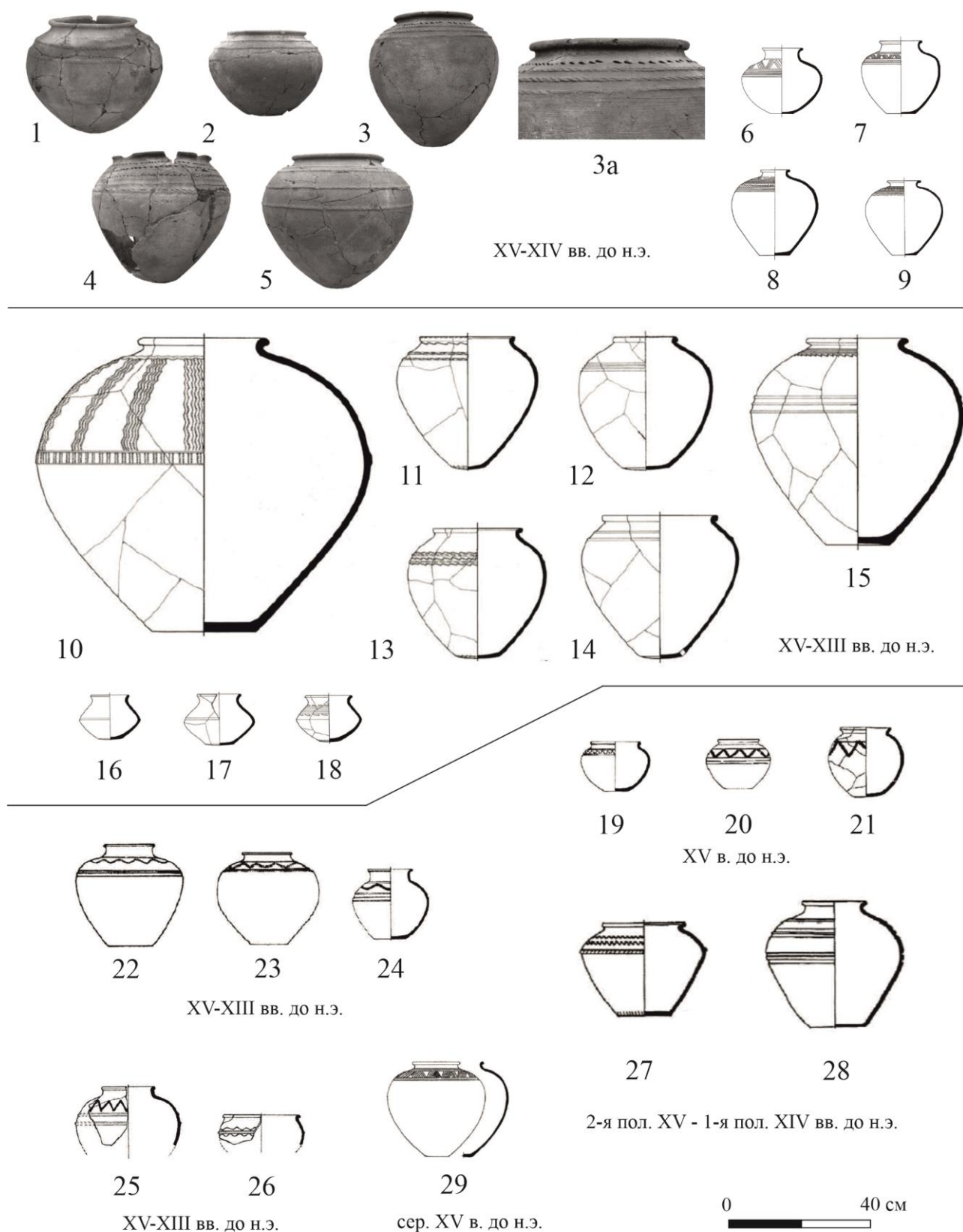

Рис. 6. Керамика Южного Кавказа периода ЛБА. Сафар-Хараба: 1- п. 69, 2 - п. 94, 3, 3а - п. 116, 4- п. 120, 5 - п. 107, 6 - п. 2, 7 - п. 11, 8 - п. 17, 9 - п. 10 (по Narimanishvili, 2010); 10-18 - Гехарот (по Badalyan et al., 2008); Цахкалани: 19 - п. 23, 20 - п. 12, 21 - п. 18; 22-24 - Талин п. 8; 25-26 - Гехарот п. 1; 27-28 -к. Саснашен; 29 - Газанотс п. 3 (по Badalyan, Avetisyan, 2007). 1-29 - глина.

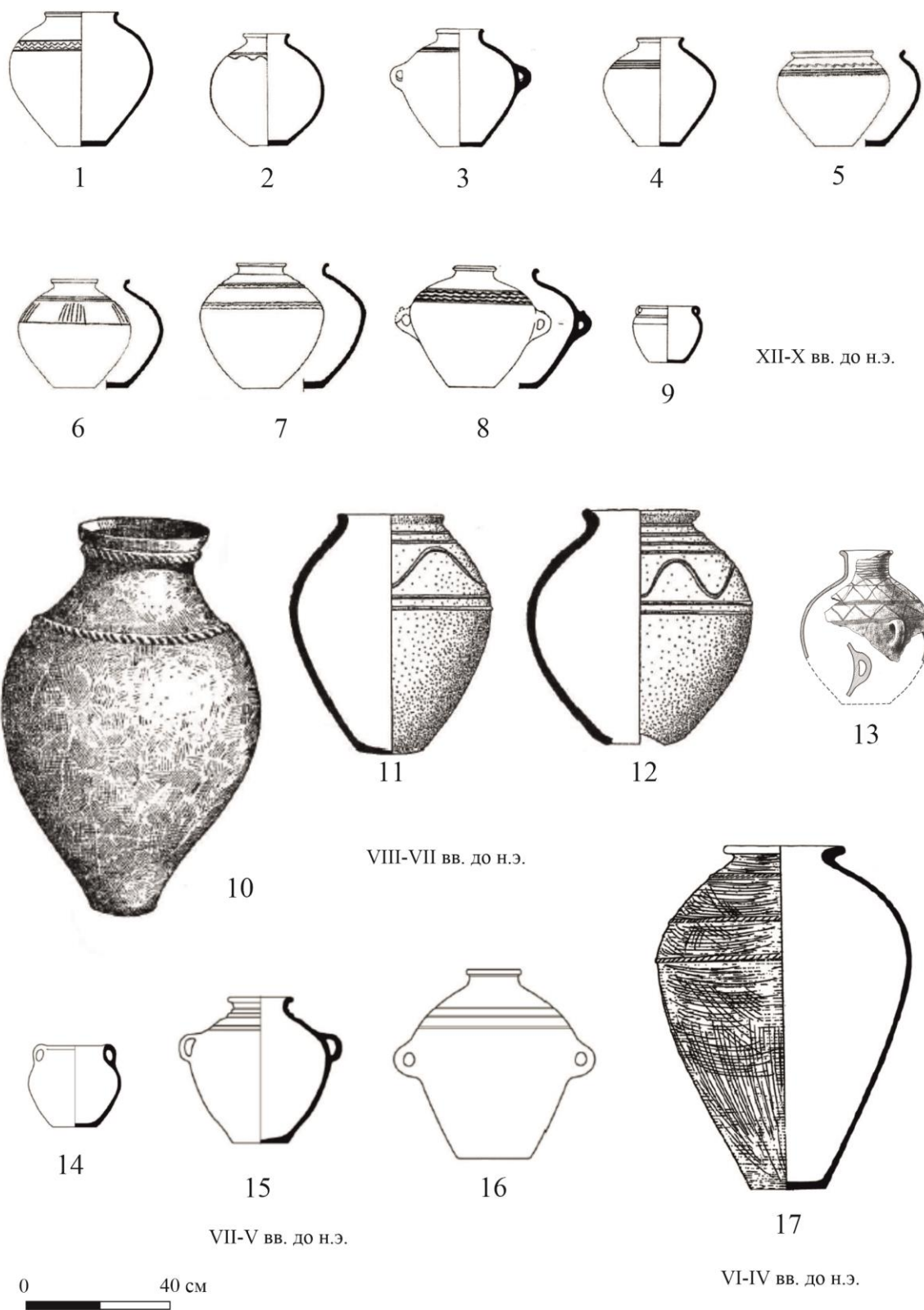

Рис. 7. Керамика Южного Кавказа EIA-MIA и ахеменидского периодов. Мастара: 1-2 - п. 24, 3-4 - п. 5, 5-6 - п. 17, 7 - п. 9; Талин: 8 - п. 18 (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 9 - Талин п. 14 (по Avetisyan, 2009); 10 - Аргштихинили; 11-12 - Кордлар (по Медведская, 2018); 13 - Бамборское (по Габелия, 2014); 14-16 - Иберия (по Gamkrelidze, 2021); 17 - Цахкаовит (по Khatchadourian, 2018). 1-17 - глина.

Важность их заключается не только в том, что найденные там пифосы представлены целыми формами, что является нечастым для поселений, но и то, что для слоев Гехарота Па-в имеется серия из шестнадцати AMS радиоуглеродных дат, дающих нам диапазон их бытования в рамках XV – XIII вв. до н.э. (Badalyan et al., 2008, p. 69).

Рис. 8. Карта расположения памятников иллюстрации материалов которых использовались в главе I. 1- Геленджикская, 2 - Дивноморское, 3 - Бамборское, 4 - поселение на холме Верещагина, 5- Тамышское, 6 - Ноахвamu, 7 - Сафар-Хараба, 8 - Хором, 9 - Артик, 10 - Гехарот, 11 - Гехарот, 12 - Мастара, 13 - Цахкаовит, 14 - Талин, 15 - Цахкалани, 16 - Саснашен, 17 - Аргиштихинили, 18 - Газанотс, 19 - Ханлар, 20 - Картахбур, 21 - Ганджачая, 22 - Джафар Абад, 23 - Кордлар, 24 - Тли, 25 - Маджалис, 26 - Харачой, 27 - Берикей, 28 - Манас, 29 - Тарки, 30 - Каякент, 31 - Гинчи, 32 - Гатын-Кале, 33 - Нестеровский, 34 - Аманкол, 35 - Хабазское, 36 - Клинярское, 37 - пос. у Кисловодска, 38 - Былым, 39 - Этокское, 40 - пос. у Железноводска, 41 - Гамовская Балка, 42 - Анапская I, 43 - Каменка, 44 - Ливенцовско-Каратаевская, 45 - Нижнегниловское, 46 - Симферопольское, 47 - Бамбур.

Образцы керамики с валиковой орнаментацией периодов LBA и EIA представлены среди находок ярких могильников Грузии и Армении, таких как Артик, Талин, Цахкалани, Сафар-Хараба, Гехарот, Агарак, Апаран I, Газанотс, Хнаберд, Кучак I, Мастара, Ширахаван, Имера и др. (рис. 6 – 1-9, 19-29; 7, 1-8; 8).

Каждый пифос имеет уникальную орнаментальную композицию, но все они имеют общие признаки:

- округлобкость сосудов;
- орнамент наносится в верхней половине сосуда;
- орнамент имеет геометрические мотивы, состоящие из горизонтальных прямых или извилистых линий, треугольников (зигзаг) или реже волны, а также вертикальными линиями, создающими сектора;
- орнамент может наноситься в виде наlepных валиков, быть резным или создаваться штампом;
- способ орнаментации может быть, как унитарным, так и сочетать на одном сосуде разные техники.

Схожие мотивы имели и другие типы керамики, как горшки или миски, но наносились они только резной или штампованной техникой (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 33, pl. VII; p. 35, pl. I; p. 47, pl. V; p. 71, pl. III; p. 96-97, pl. V-VI; p. 110-111, pl. VII-VIII; p. 119, pl. III; p. 167, pl. VIII; p. 169, pl. IX; p. 189-190, pl. II-III; p. 214-215, pl. II-III; p. 225, pl. I; p. 240, pl. IX; p. 251, pl. VII; p. 283, pl. VII; Badalyan et al., 2008, fig. 22, *a-i*; Narimanishvili, 2010, pl. XV, 1-5, 8, 11-13; XVI, 1-16).

Конечно, кроме яйцевидных, известны пифосы овальной и реповидной формы, равно как и более сложный декор в виде расчесов по корпусу сосуда, обильного нанесения горизонтальных желобков, каннелюр и наличия ручек на середине тулова, что характерно для периода EIA (рис. 7, 3, 8, 13, 15-16) (Avetisyan, 2009, p. 61-62, fig. 1, 5; 2, 14; 4, 6, 9), либо нанесения горизонтальных валиков на нижней части тулова (Narimanishvili, 2010, p. 353-354, pl. XII, 6, 13; XIII, 1-16; Тушишвили, Амиранашвили, 1980, с. 125, табл. LVI, 4). Приведенные выше признаки можно считать базовыми для керамики Лчашен-Мецаморской культуры.

Аналогичные пифосы известны и на Северном Кавказе. Краткий обзор начнем с Северо-Восточного Кавказа, где подобные сосуды в значи-

тельном количестве встречены на памятниках каякентско-харачоевской культуры, таких как могильники Харачой, Каякент, Тарки, Берикей, Маджалис и др., составляющие второй этап культуры и считающиеся периодом ее наивысшего расцвета. Орнаментация сосудов состоит из горизонтальных валиков, от одного до трех, расположенных на плечиках округлобоких сосудов. Сами валики украшались вдавлениями или косыми насечками. Помимо этого, имели место и «свисающие» валики, расположенные либо строго вертикально, либо под углом и, как правило, обрывающиеся, не достигая середины тулова сосуда. Помимо пластичного орнамента, имелся резной, в виде треугольников или «елочки», расположенной в один или несколько рядов в горизонтальном или вертикальном положении (рис. 9, 1-13) (Круглов, 1958, с. 60; Марковин, 1969, с. 48, рис. 3, 1, 3; рис. 18-20).

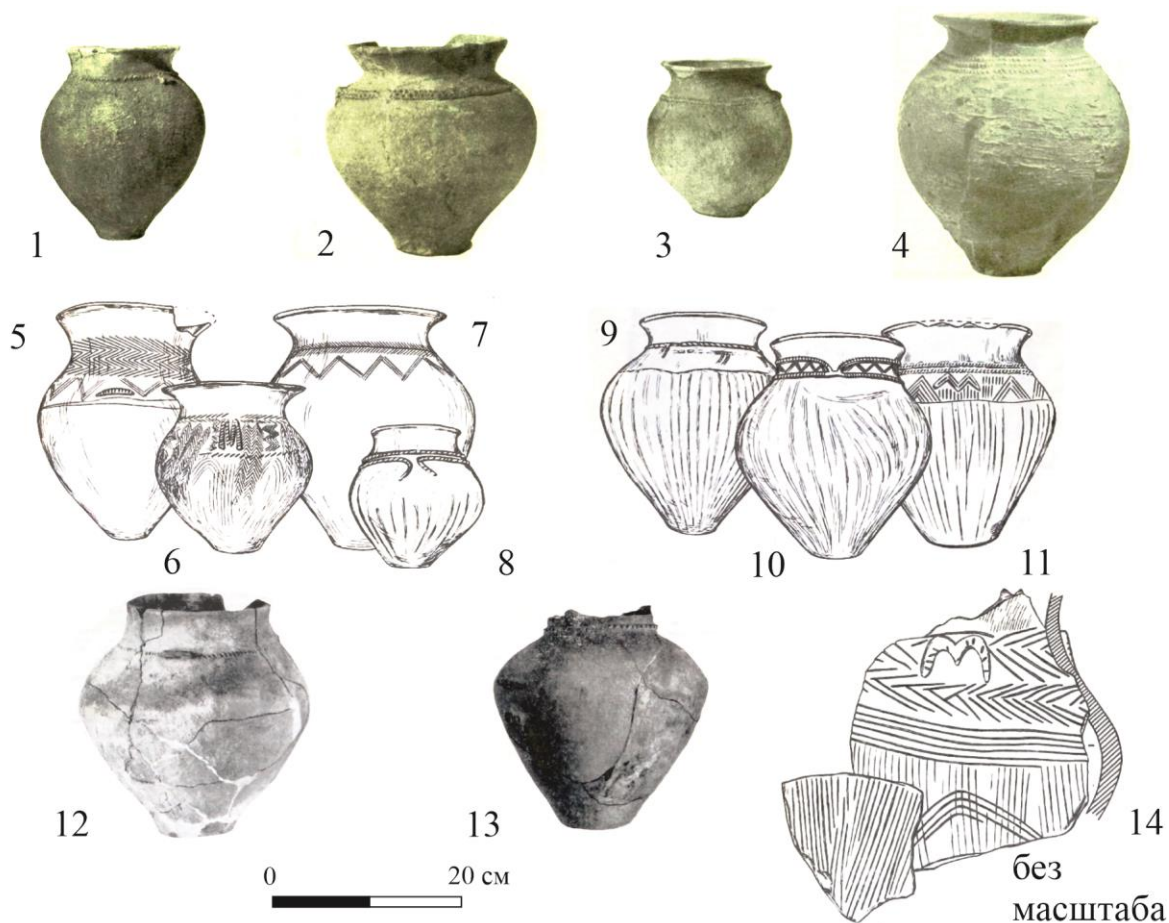

Рис. 9. Керамика Северо-Восточного Кавказа XV-XIII вв. до н.э. Харачой: 1 - п. 50, 2 - п. 49, 3 - п. 38, 8 - п. 29, 12 - ящик 1; 4 - Маджалис п. 1; Каякент: 5 - п. 4, 6 - п. 23; 7 - Берикей п. 3; 9 - каменный ящик у с. Тарки; 10 - случайная находка в г. Махачкала; 11, 14 - Манас к. 2 п. 4; 13 - находка у с. Согунты. 1-4 (по Круглов, 1958), 5-14 (по Марковин, 1969). 1-14 - глина.

Следует отметить, что для Северо-Восточного Кавказа одной из ост-рейших проблем является хронология памятников. В 1978 г. В.Г. Котови-чем была предложена схема бронзового века Северо-Восточного Кавказа, которая с некоторыми правками 1980 г, внесенными совместно с О.М. Давудовым, и правками 1982 г., внесенными уже самим В.Г. Котовичем, используется по настоящее время. Однако, как указывает Р.Г. Магомедов, из-за дефицита хорошо датированных памятников, особенно для периода, предшествующего каякентско-харачоевской культуре, общее состояние с периодизацией и хронологией нельзя назвать удовлетворительным. Для периода поздней бронзы, которая для нас представляет интерес, ситуация намного лучше, В.Г. Котович датировал второй этап культуры 1500-1250 гг. до н.э., К.Х. Кушнарера в целом соглашалась с этой хронологической позицией, но все же замечала, что некоторые изделия из бронзы, найден-ные в могильниках второго этапа, известны на Кавказе и в более позднее время, что вполне может служить поводом для омоложения верхней даты (Кушнарера, Марковин, 1994, с. 352; Магомедов, 1998, с. 187). В любом случае мы видим, что распространение пифосов в этом регионе является синхронным с ранними этапами Лчашен-Мецаморской культуры.

Несколько иная картина складывается на памятниках кобанской культуры, для которой использование пифосов в погребальном обряде не было распространено, как и на территории Северной Колхиды. Извили-стый валик был распространен на горшках, типичных для восточного ва-рианта кобанской культуры, где валик на центральной или верхней части сосуда присутствовал на памятниках 1-й половины I тыс. до н.э. как, к примеру, на поселениях Бамут, Сержень-Юрт, Курчалой и пр. (Козенкова, 1982, с. 74). Поселенческий материал Ставрополя и Кабардино-Балкарии имеет разную степень изученности, но показывает, что в керамической коллекции культуры присутствуют сосуды с резной техникой орнамен-тации или с наlepным волнистым валиком, причем преобладает резная имитация горизонтальных и вертикальных, прямых или извилистых ва-ликов. Можно выделить такие памятники, как поселения Хабазское, Эток-ское, Клинярское, Былым, Сармаково, Лесгорское, Бештаугорское, Гор-но-Джуцкое, пос. у г. Железноводска и пр. (рис. 10, 1-6) (Козенкова, 1989б, табл. IV, 1, 32; V, 7, 19; VII, 27; VIII, 21; IX, 18; XI, 8, 26; XIII, 16). Многие из них известны по сборам подъемного материала, на Сармаковском посе-

лении проводились шурфовочные работы. Поселения датированы от конца II тыс. до н.э. до IV в. до н.э. (Козенкова, 1989б, с. 25, 28-30, 40-41, 43, 46). На Геленджикской стоянке подобный резной орнамент есть на фрагменте стенки сосуда с четырьмя горизонтальными полосами заполненных косой штриховкой (рис. 5, №301 – 8).

Систематические раскопки поселения Сауар на территории Северной Осетии показали значительное присутствие сосудов с валиковой орнаментацией и прочерченной извилистой линией. А.П. Мошинским при датировании и атрибуции памятника были проведены аналогии с керамикой Северной Колхиды, в т.ч. и с уже упомянутым Бамборским поселением, что он назвал достаточно интересным фактом, как свидетельство проникновения в среду кобанской культуры из Закавказья керамики, характерной для конца II тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. до н.э. Само же поселение было датировано V – IV вв. до н.э. (Мошинский, 2019, с. 161-163), хотя следует отметить, что приведенная им аргументация хронологии поселения не совсем ясна.

Интересен факт нахождения зооморфной орнаментации, так в пяти случаях в слоях начала – середины V в. до н.э. изогнутые валики завершаются змеиными головками (Мошинский, 2019, с. 161). Для лчашенской керамики зооморфный стиль не является характерным, однако известны исключения. Так, орнамент в виде наlepных змееподобных фигур впервые встречается на закавказской посуде в V – IV тыс. до н.э., но более известен подобный орнамент на памятниках XV/XIV вв. до н.э. – начала I тыс. до н.э., преимущественно в южных районах Закавказья, к примеру, в святилищах Двина и Мецамора (Погребова, 2011, с. 57; Енгибарян, 2019, с. 282).

Еще один сосуд с тремя валиками на верхней части тулова известен из материалов раскопок элитарного погребения Аманкол в Кабардино-Балкарии, которое датируется концом XII в. до н.э., причем В.И. Козенковой было подчеркнуто, что материалы погребения являются характерными для Баксанского ущелья (рис. 10, 7) (Козенкова, 1989б, с. 25, 147, табл. XXXVII, Г-7).

Значительный материал с валиковой орнаментацией был обнаружен в гроте Гамовская Балка в верховьях р. Уруп. Раструбные венчики сосудов имеют прямые аналогии с керамикой Северной Колхиды. Помимо этого, на многих сосудах имеется прочерченный или штампованный орнамент в ви-

де зигзага (рис. 11, 1-12). Э.С. Шарафутдинова сопоставила материал, прежде всего венчики пифосов с валиковым орнаментом, с керамикой Ливенцовско-Каратаевской крепости и пришла к выводу о его идентичности, на основании чего впоследствии памятник датировали финалом средне-бронзового века. Открытие памятника Э.С. Шарафутдиновой считалось важным для понимания процессов миграции на Северо-Западном Кавказе. По ее мнению, предположение С.Н. Братченко о кавказском происхождении населения крепости получало подтверждение (Братченко, 1976, с. 127; Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 86-87).

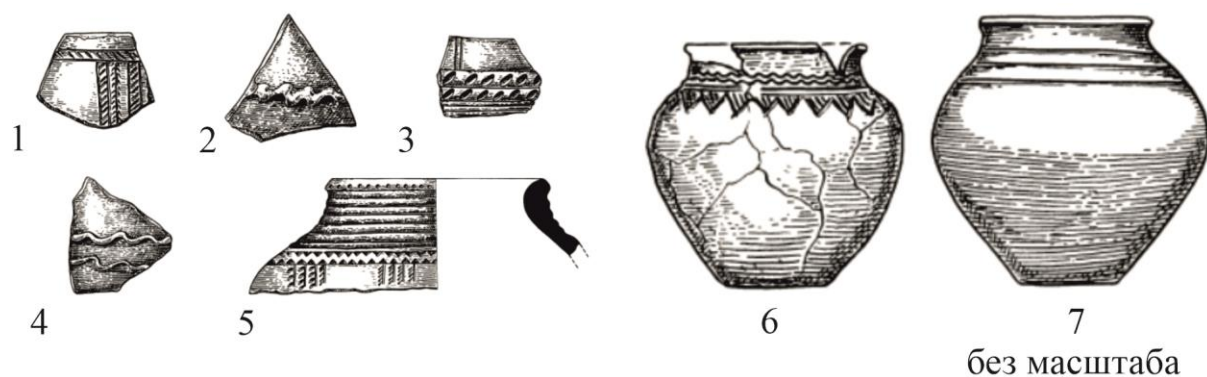

Рис. 10. Керамика кобанской культуры. 1 - Хабазское; 2-3 - Клинярское; 4 - пос. у Кисловодска; 5 - Этокское 1; 6 - Былым; 7 - Аманкол (по Козенкова, 1989). 1-7 - глина.

Нам известно, что период бытования сосудов с валиковым орнаментом на Кавказе весьма продолжительный, но, тем не менее, мы считаем, что с хронологической позицией Гамовской Балки можно определиться более точно. Э.С. Шарафутдиновой был выделен седьмой тип керамики, он представляет из себя «бочонковидные банки со стянутым устьем, под которым нанесен врезной или зубчатый узор из горизонтальных линий» (рис. 11, 15-17) (Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 88). Такой тип орнаментации хорошо известен на Кавказе как «рифленая» керамика. Она характерна для периодов ЕІА-МІА, орнамент наносился на венчики мисок или горшков и состоял из нескольких прочерченных горизонтальных линий. Помимо Кавказа, рифленая керамика распространена была также в Восточной и Юго-Восточной Анатолии (Avetisyan, 2009, p. 71, fig. 3; Khatchadourian, 2011, p. 469-470). В раннежелезном веке на Северо-Западном Кавказе мы также увидим этот стиль орнаментации, нанесенный на черпаки (Эрлих, 2005, с. 158-159, рис. 119, 1-7, 12-15). Стоит также заметить, что в погребении 43 могильника Тли, относимого к ранней

группе, имеется сосуд с аналогичной формой орнаментации (рис. 23, 3), что в целом не характерно для такого раннего периода. Помимо Ливенцовско-Каратаевской крепости, Э.С. Шарафутдинова провела аналогию с керамикой Геленджикской стоянки, с материалами которой она ознакомилась в фондах местного музея (Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 88).

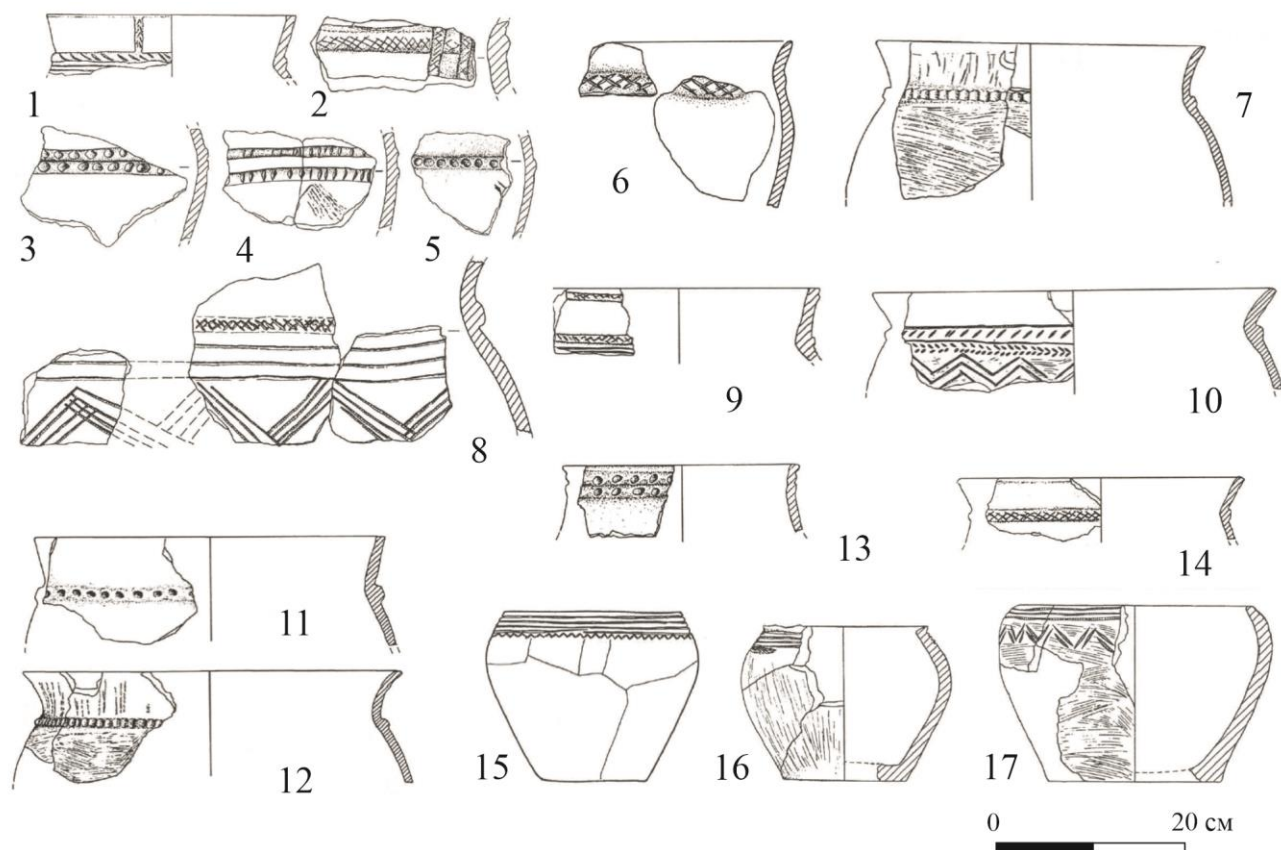

Рис. 11. Керамический материал Гамовской Балки. 1-12 - сосуды с валиковой и штампованой орнаментацией, 15-17 - сосуды с «рифленой» орнаментацией (по Каминская, Шарафутдинова, 1999). 1-17 - глина.

Известен сосуд с валиковой орнаментацией и прочерченным зигзагом между валиками в могильнике Анапская I к. 10, п. 8. Погребение было отнесено В.А. Трифоновым к батуриному варианту предкавказской катакомбной культуры. В том же могильнике (к. 9 п. 2; к. 7 п. 13) имелись и округлобокие сосуды с валиком без резной композиции (рис. 12, 1-3). В выделяемом им батуринском варианте аналогичных сосудов более не известно, сами погребения датирующего материала не имели, впрочем, схожая ситуация и с другими погребениями батуринских памятников, поэтому их хронологическая позиция определяется по аналогии некоторых типов керамики и украшений, и отнесена В.А. Трифоновым к позднему этапу

предкавказской культуры (Трифонов, 1991, с. 104, 110-112, рис. 2, 12). Особое внимание стоит уделить наличию ручек в центральной части тулова на сосуде из к. 10 п. 8. Как уже писалось выше, такие ручки появляются на керамике Южного Кавказа только в период ЕІА и продолжают бытовать после периода МІА (Avetisyan, 2009, p. 69, 72, fig. 1, 10-11; 4, 4; Gamkrelidze, 2021, p. 602, tab. IV, 5-6; p. 610, tab. II, 1-2).

Рис. 12. Сосуды из могильника Анапская I. 1 - к. 10 п. 8; 2 - к. 9 п. 2; 3 - к. 7 п. 13 (по Трифонов, 1991). 1-3 - глина.

В итоге мы видим, что в горной части Северного Кавказа, на всем его протяжении, начиная от поздней стадии среднего бронзового века и вплоть до раннего железного века, бытовал характерный для Южного Кавказа стиль орнаментации. хоть и в разных техниках, но распространен он был достаточно широко. Это значимый фактор, имеющий важнейшее значение для понимания взаимосвязей Северного и Южного Кавказа.

Подобная керамика с валиковой орнаментацией хорошо известна на ряде приморских поселений Северного Причерноморья и Приазовья, таких как Ливенцовско-Каратаевская крепость на Нижнем Дону, Каменка, Глейки, Маяк, Чалки, Планерское I и пр. на Керченском полуострове (Братченко, 2006; Кислый, 2003-2004; Кривцова-Гракова, 1955; Рыбалова, 1974; Тощев, 2007). Традиционно их принято датировать, согласно версии С.Н. Братченко, финалом среднебронзового века, но все же надо сказать о разнообразии точек зрения на хронологию этих памятников. Так, изначально применительно к крымским памятникам И.Т. Кругликова и О.А. Кривцова-Гракова рассматривали эту керамику как пережитки катакомбной культуры на позднесрубных поселениях, а вернее ее элементов в виде валиков, нанесенных на округлобокие сосуды (Кривцова-Гракова, 1955, с. 108). Позже для поселения Каменка В.Д. Рыбалова выделила два хронологических этапа. Нижний она отнесла к самому концу существования на Дону и Днепре культуры многоваликовой керамики и первому этапу сруб-

ной культуры, а второй этап соотнесла с сабастиновским периодом поздней бронзы (Рыбалова, 1974, с. 47-49). С отличной от позиции В.Д. Рыбаловой версией выступил В.А. Колотухин. Опираясь на факт отсутствия многоваликовой, а вернее аналогичной многоваликовой, посуды на сабастиновских памятниках, он предложил синхронизировать нижний этап с культурой многоваликовой керамики (т.е. финалом среднебронзового века), а верхний с раннесрубным этапом, когда еще поздние памятники многоваликовой керамики продолжали свое существование (Колотухин, 1983, с. 281).

Я.П. Гершкович, рассматривая вопросы хронологии и эволюции сабастиновского керамического материала, указывал, что на крымских памятниках каменско-ливенцовской группы она присутствует на многих поселениях, причем на поселении Каменка сабастиновская керамика присутствует как в раннем, так и в позднем этапах (Гершкович, 1997, с. 141). А.А. Е. Кислый датировал уже выделяемую им на базе каменско-ливенцовской группы каменскую культуру в пределах XVII – нач. XV вв. до н.э., но при этом не разделял материалы поселения Каменка на этапы, указав на то, что керамика в них не имеет различий (Кислый, 2003-2004, с. 124). Опираясь на материалы поселения Планерское I Г.Н. Тощев соотносил нижний горизонт поселения с периодом катакомбной культурой на основании нахождения молоточковидной костяной булавы, а верхний слой с культурно-исторической общностью многоваликовой керамики, при этом он предлагает называть верхний горизонт памятника не каменской, а каменско-планерской культурой (Тощев, 2007, с. 159-160, 171, рис. 57, 13). Помимо этого, упомянутые крымские памятники были включены в сабастиновскую культуру, с уточнением только для поселения Каменки о наличии там слоя финала среднебронзового века (Березанская и др., 1986, с. 88).

Что касается Ливенцовской крепости, то С.Н. Братченко датировал ее в рамках XX – XVIII/XVII вв. до н.э., соотнеся время существования с культурой многоваликовой керамики (Братченко, 2006, с. 229). В сторону удревнения памятника выступил Р.А. Мимоход, на основании того, что в погребении 6 из заполнения рва, которое стратиграфически относится к периоду после гибели крепости, был найден костяной медальон, который он датировал 2100-2000 гг. до н.э. (Мимоход, 2022а, с. 259), а О.П. Ларенок

удревнила период основания крепости в позднекатакомбный период (Ларенок, 2023, с. 155).

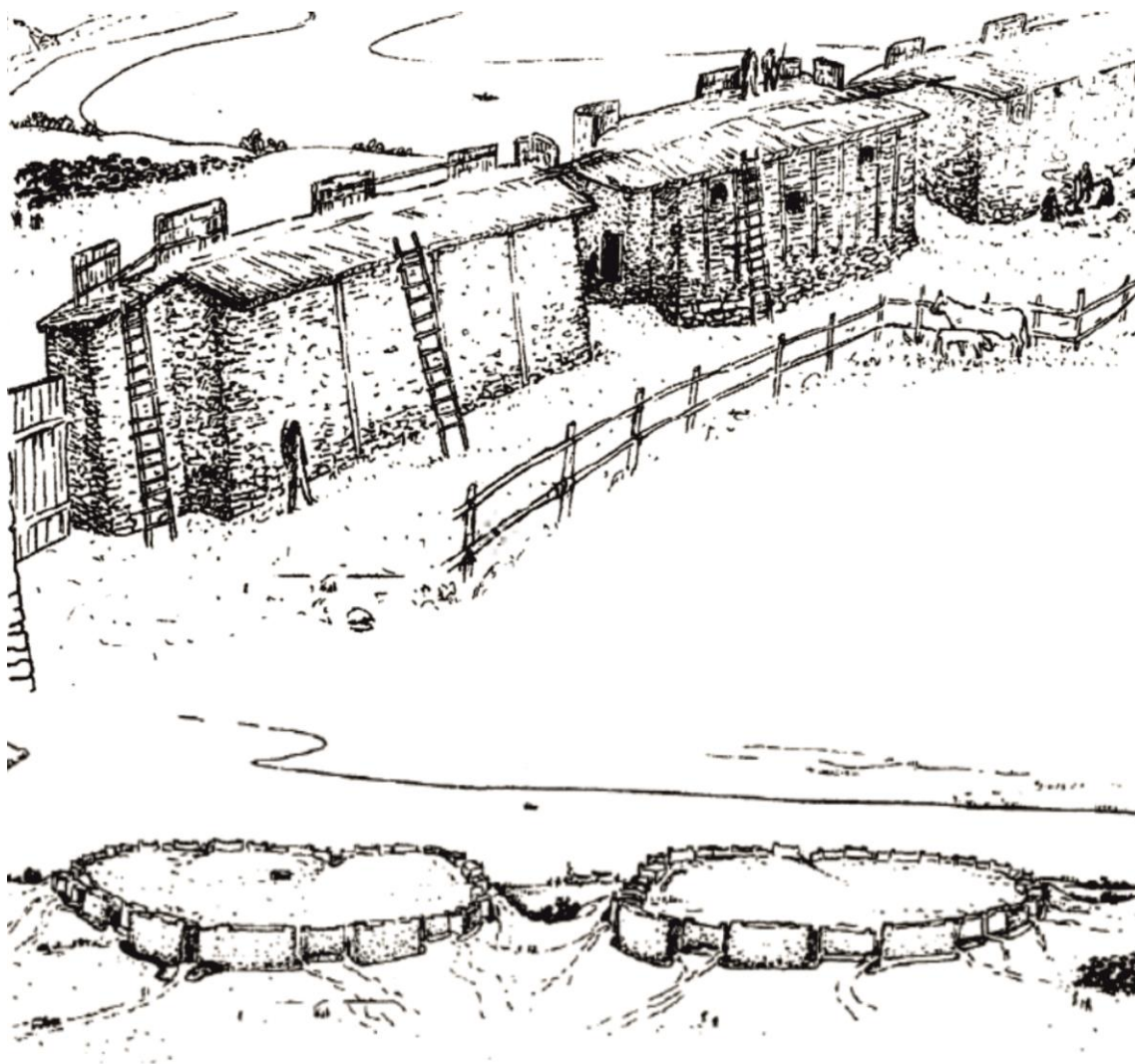

Рис. 13. Реконструкция Ливенцовско-Каратаевской крепости (по Братченко 2006).

Помимо перечисленного, существует группа поселенческих памятников в бассейне среднего течения р. Северский Донец, расположенных компактно у реки в междуречье Красной и Айдара и формирующих помимо дельты Дона еще один «анклав» в степной зоне. Поселения эти разновременные, стратиграфически культурный слой с интересующей нас керамикой не выделялся, а количественно она представлена на памятниках неравномерно. К сожалению, в закрытых комплексах она не известна и лишь выделена С.Н. Санжаровым из общего массива, как имеющая ана-

логию с материалами Ливенцовско-Каратаевской крепости (Санжаров, 2010).

Итак, мы видим, что мнения исследователей расходятся в диапазоне от средней бронзы до сабастиновского этапа позднебронзового века, но поскольку мы видим, что ряд типов керамики, найденной на этих памятниках, имеет признаки, характерные для «пифосов» Лчашен-Мецаморской культуры, вопрос хронологической позиции необходимо разобрать более подробно.

Для начала нужно сказать, что первостепенное значение для нас будут иметь материалы сооружений Ливенцовской крепости, как закрытые и отдельно описанные комплексы. Несколько иная ситуация на поселении Каменка, где В.Д. Рыбалова выделяла хронологические этапы, не исходя из стратиграфической ситуации, а эмпирическим путем, раскопы были разбиты в разных частях памятника и ей было допущено, что часть исследованных жилищ имеют более раннюю позицию, а часть позднюю. К сожалению материалы при публикации были даны не отдельно по комплексам, а группами 1, 2 и 6 жилища были отнесены к раннему этапу, а 3-5 и 7-12 к позднему (Рыбалова, 1974, с. 19, 31). Мы испытываем определенные сомнения в корректности данной градации в виду взаимовстречаемости некоторых форм керамики и орнаментальных мотивов, но тем не менее там представлен материал, представляющий для нас значительный интерес.

В стратиграфическом плане двуслойным оказалось поселение Планерское I, имея в нижнем горизонте закрытые комплексы (жилища). Г.Н. Тощев предлагает отождествлять керамический материал из них с нижним горизонтом Кировского поселения, однако существует проблема из-за того, что найденный керамический материал представляет собой маловыразительные фрагменты венчиков и доньев без каких-либо морфологических особенностей. Орнаментированным оказался только один фрагмент шаровидного сосуда с одним горизонтальным валиком в верхней части тулова. По поводу найденной там костяной молоточковидной булавы тоже есть сомнения, поскольку найдена она была вне комплексов то датировать она может лишь саму себя (Тощев, 2007, с. 110). При таких же условиях была найдена и каменная булава грушевидной формы (Тощев, 2007, с. 159, рис. 57, 4). Такие формы, наравне с шаровидными булавами, известны на Кав-

казе и описаны В.И. Козенковой среди находок начала I тыс. до н.э. с указанием, что они относятся к архаическим формам и известны в течение продолжительного времени начиная с конца III тыс. до н.э., то есть хронологическим индикатором булава быть не может (Козенкова, 1982, с. 25). Подобная шаровидная булава происходит и из поселения Каменка (рис. 2, 7) (Рыбалова, 1974, рис. 9, 4). Верхний слой Планерского I, бесспорно, имеет материалы, аналогичные каменским, но он не имеет закрытых комплексов. Были найдены 25 очагов, но, судя по описанию, проследить какие бы ни было конструкции не представилось возможным, четкого датирующего материала слой не имел (Тощев, 2007, с. 151).

Теперь надо обратиться к тем материалам опираясь на которые исследователи проводили датирование памятников. Для поселения Каменка это роговой псалий из жилища 1 (рис. 14, 5), В.Д. Рыбалова и С.Н. Братченко как хронологический репер для него использовали аналогичную находку из IV гробницы Микен, которая датируется 1570-1550 гг. до н.э., но в 1970-е гг. В.Д. Рыбалова еще оперировала более широкой датой, предложенной А.М. Лесковым в рамках XVI-XV вв. до н.э. для аналогичных изделий в Северном Причерноморье (Кузмина, 1994, с. 179; Рыбалова, 1974, с. 22, 47). Сейчас В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов выделили такие псалии в отдельный тип – «архаичные», изготавливались они из эпифизов крупного рогатого скота и являются цельными в отличие от составного костяного псалия из гробницы Микен. В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов синхронизируют их с потаповскими и покровско-абашевскими древностями. Известен фрагмент подобного псалия со срубного поселения Бабич-1 в Башкирии. Оговаривается, что архаичный их облик указывает не на раннюю хронологическую позицию, а на «варваризацию», обусловленную материалом изготовления (Григорьев, 2022, с. 167). Общее количество датированных псалиев невелико, и они не могут выступать датирующим маркером.

Далее следует отметить костяной медальон, их найдено было два экземпляра и оба, судя по описанию, найдены вне комплексов (рис. 14, 6) (Рыбалова, 1974, с. 22, 24). Некоторые исследователи их называют пряжками, но В.В. Рогудеев привел весьма убедительные аргументы в пользу того, что такие костяные изделия использовались как медальоны (Рогудеев, 2015), интересно, что подобные медальоны находят прямые аналогии

на памятниках 2-й половины III тыс. до н.э. – 1-й половины II тыс. до н. э. Латвии, Литвы, Финляндии и на памятниках культуры шаровидных амфор, только выполненные из янтаря (Лысенко, 2011, с. 139). Профилированные костяные изделия с двумя отверстиями, аналогичные находкам в Каменке, присутствуют в материалах финала средней бронзы, конца II этапа Днепро-Донецкой бабинской культуры, затем их распространение смещается на запад. Верхняя же граница их бытования относится к XVI в. до н.э. для Лесостепного Поднепровья и XV – рубеж XV/XIV вв. до н.э. для позднего этапа культуры многоваликовой керамики Северо-Западного Причерноморья. В Поднепровье верхняя дата основывается на радиоуглеродном датировании, а для памятников Северо-Западного Причерноморья на синхронизации с культурой Монтеору карпатского региона (Литвиненко, 2009, с. 70-71; Лысенко, 2011, с. 127, рис. 2; Савва, 1992, с. 145-146, 173-175).

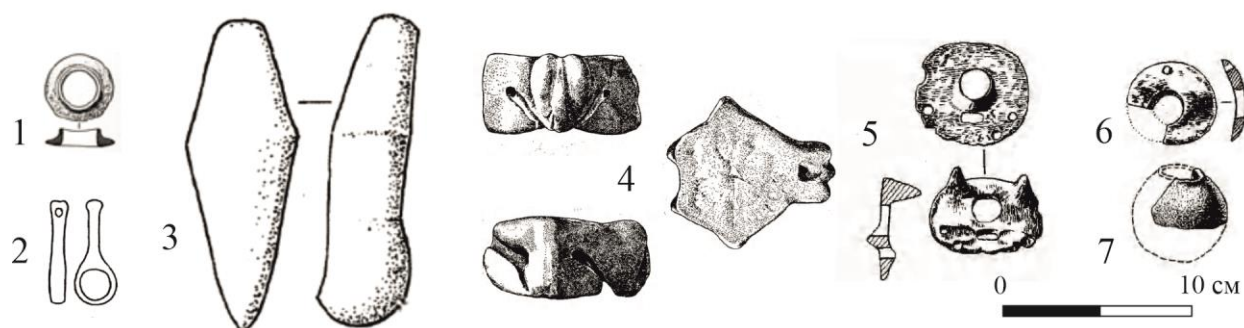

Рис. 14. Ливенцовско-Каратаевская крепость: 1 - медальон из каратаевского участка (по Мимоход, 2022б); 2 - медальон из п. 6; 3 - топор (по Братченко, 2006). Каменка: 4 - скульптурное изображение лягушки; 5 - роговой псалий; 6 - медальон; 7 - булава (по Рыбалова, 1974). 1-2, 4-6 - кость, 3, 7 - камень.

Вернемся к Ливенцовско-Каратаевской крепости. При раскопках каратаевского участка в слое был найден костяной медальон с одним отверстием и бортиком вокруг него (рис. 14, 1). Они характерны для начала II этапа Днепро-Донецкой бабинской культуры, а верхняя граница их бытования в Лесостепном Поднепровье относится к XVIII – XVII вв. до н.э. и XVII-XVI вв. до н.э., т.е. ранним этапом культуры многоваликовой керамики для Северо-Западного Причерноморья (Литвиненко, 2009, с. 70; Лысенко, 2011, с. 127, рис. 2; Мимоход, 2022а, с. 258; Мимоход, 2022б, рис. 238, 13; Савва, 1992, с. 145).

Следующей находкой, уже из ливенцовского участка, является каменный топор бородинской группы с «вычурным полуциркулярным лез-

вию» без сверлины (рис. 14, 3). На плане раскопа, опубликованном С.Н. Братченко, не указано, где именно он был найден, поскольку имелись еще находки фрагментов топоров, но по плану видно, что все они были вне комплексов (Братченко, 2006, с. 145, рис. 75, 6; 81-82). Всего топоров этой группы известно восемнадцать, причем именно этот экземпляр наиболее похож из всей группы на бородинский топор. Из них к хорошо датированным можно отнести только два, найденных в погребениях – по одному в Верхнем Подонье и в Нижнем Поволжье, оба имеют атрибуцию покровской культуры и датируются первыми веками II тыс. до н.э. Еще три происходят с поселений, но к сожалению, не из закрытых комплексов, один экземпляр из самого клада, все остальное – случайные находки. Неизвестно место происхождения топоров, они не характерны ни для Кавказа, ни для Урала или Карпат. М.Т. Кашуба даже предположила возможность местного производства топоров представителями бабинской культуры (Кашуба, 2022, с. 121-123, рис. 1-2).

Следующая находка уже является стратифицированной, относящаяся к погребению 6 заполнения рва крепости, т.е. совершенному уже после разрушения и заполнения рва. С.Н. Братченко выделил костяной медальон (определенный им как «пряжка») как определяющую хронологию крепости (рис. 14, 2). Поскольку рвы прорезали курганы с погребениями донецкой катакомбной культуры среднего и позднего периодов, то это было им обозначено как *terminus post quem* для крепости, а каменско-ливенцовские, к которым он относил и погребение 6, вместе со срубными погребениями в заполнении рвов как *terminus ante quem* (Братченко, 2006, с. 222).

Опираясь на датировку аналогичных изделий на Северо-Восточном Кавказе второй четвертью II тыс. до н.э., им было допущено, что находка из погребения 6, обрядность которого предположительно синхронна бабинской культуре, относит его дату к стыку финального этапа средней и поздней бронзы (Братченко, 2006, с. 93). Иногда в литературе ошибочно указывают, что С.Н. Братченко датировал это изделие финалом средне-бронзового века, но это не так. Он никак не датировал его и лишь использовал хронологию Северо-Восточного Кавказа В.Г. Котовича, где подобные находки относились к начальному периоду поздней бронзы, хотя прямой ссылки на В.Г. Котовича у С.Н. Братченко нет.

Для уточнения хронологических позиций изделий вернемся на Кавказ и обратимся к материалам, на которые ссылался С.Н. Братченко. В могильнике Гинчи на Северо-Восточном Кавказе, в каменном склепе №2 были совершены множественные погребения, на втором ярусе (ярусы были перекрыты крупными камнями) найден костяной медальон (рис. 15, 10). М.Г. Гаджиев, опираясь на сходство конструкции склепа с характерными для каякентско-харачоевской культуры погребальными сооружениями и нахождением на этом ярусе костяной стрелы, отнес склеп к последним векам II тыс. до н.э. (Гаджиев, 1969, с. 157, рис. 10, 12-13). Это был начальный период культуры, которая в целом датировалась Е.И. Крупновым XII – VII (позже IV) вв. до н.э. Затем В.Г. Котович отнес ее ранний этап к 1600-1500 гг. до н.э. (Кушнарева, Марковин, 1994, с. 335, 351-352).

Рис. 15. Медальоны и материалы комплексов. Ганжачая ж. 58: 1 - медальон, 2 - браслет, 3 - пуговица (по Гуммель, 1940); 4 - медальон Ливенцовско-Каратаевская крепость (по Братченко, 2006); Гатын-Кале п. 7: 5 - булавка, 6 - медальон, 7 - медальон, 8 - кинжал (по Марковин, 1960); 9 - медальон, Джафар Абад к. 8 (по Ghadim, 2011); Гинчи: склеп №2, 2-й ярус: 10 - медальон, 11 - булавка, 12 - стрела, 13-16 - керамика (по Гаджиев, 1969); 17 - медальон, Ханлар п. 18 (по Гуммель, 1940); 18 - медальон Донифарс (по Козенкова, 1990). 1, 4, 6, 9, 10, 12, 17-18 - кость, 2-3, 5, 7-8, 11 - бронза, 13-16 - глина. Масштаб: а - для кости и бронзы, б - для керамики.

Костяные наконечники стрел хорошо известны на кобанских поселениях и могильниках. В.И Козенкова относит их к III типу и датирует X – рубежом VIII-VII вв. до н.э. (рис. 15, 12) (Козенкова, 1982, с. 14, табл. X, 16-21). Помимо этого, на втором ярусе была найдена бронзовая булавка. Несмотря на то, что края ее сильно повреждены, у нее прослеживается дисковидность навершия (рис. 15, 11), причем на диске имеется небольшое

отверстие. Такие булавки широко представлены в материалах могильника Тли, относимых Б.В. Теховым к ранней группе (XVI-XIII вв. до н.э.) (Техов, 1977, с. 38, рис. 39, 1, 5). Известны они и в Верхне-Кобанском могильнике, где датируются серединой XII – X вв. до н.э., и будут также распространены в западном варианте кобанской культуры (Козенкова, 2013, с. 55).

Важной для нас является и керамика из могильника Гинчи. Среди находок второго яруса имеются сосуды с ручками в форме «заостренных ушек» (рис. 15, 14). Такая керамика известна в культуре Гинчи (Магомедов, 1998, с. 311, рис. 71), но, как уже писалось выше, хронологическая позиция памятников не является надежно обоснованной. Если рассматривать регион шире, то аналогичные выступы или заострения на ручках разных сосудов хорошо известны на Кавказе, в Восточной Анатолии и Северо-Западном Иране, где являются хронологическим маркером периодов EIA и MIA (Avetisyan, 2009, p. 69, 72, 75, fig. 1, 10; 4, 4; 7, 1, 4, 14; Danti, 2013, p. 349, fig. 17.8, *w*; Khatchadourian, 2011, p. 478, fig. 20.2, *j*), поэтому мы считаем эту хронологическую привязку более надежной. Остальные типы керамики, такие как кружки и чаши с ручками у венчика, амфорки, также имеют прямые аналогии в керамике Кавказа (рис. 15, 13, 15-16). Широкое распространение они имеют и на памятниках Западного и Северо-Западного Ирана XII – VIII вв. до н.э. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 240, pl. IX, 8, pl. XII, 12; Overlaet, 2003, p. 77, fig. 54; Rezaei et al., 2015, pl. 2, 7-8, 4, 1-3, 6, 1-2). Подытоживая, мы можем сказать о том, что костяной медальон можно датировать рубежом II – I тыс. до н.э.

По схеме В.Г. Котовича погребение 7 и весь могильник Гатын-Кале были отнесены к финальному гинчинско-гатынкалинскому этапу гинчинской культуры и датировалось в рамках XVII – XVI вв. до н.э. (Магомедов, 1998, с. 170). Однако, интересующее нас погребение (Марковин, 1960, с. 65, рис. 27, 8-9, 11, 14) можно датировать по кинжалу (рис. 15, 6, 8). Аналогии ему хорошо известны на Кавказе, подобные кинжалы или «ножи» срубного типа являются степными импортами и определяются сабастиновско-раннебелозерским периодом в рамках XIII – XI вв. до н.э. (Козенкова, 2013, с. 91, рис. 45, 1, 5). Также в погребении была найдена булавка, аналогичная описанной выше, только с нанесенным орнаментом (рис. 15, 5), и массивный бронзовый медальон с орнаментом «бегущая спираль» (рис. 15,

7). Подобные бронзовые медальоны очень редки для Кавказа. Еще в 20-е гг. прошлого века М.И. Ростовцев предположил, что их следует соотносить с эллинистическим периодом (Muscarella, 1988, p. 441), хотя сейчас очевидно, что данный экземпляр относится к эпохе поздней бронзы. Подобный орнамент известен на керамике Центральной Колхиды и на бронзовых браслетах кобанской культуры, которые датируются концом II – началом I тыс. до н.э. (Козенкова, 2013, рис. 22, 10; Куфтин, 1950, с. 195), хотя его появление на Южном Кавказе известно еще с периода MBA II (XXII – рубеж XVIII/XVII вв. до н.э.) в культуре Триалети-Ванадзор, а появление его на Кавказе исследователи связывают с минойским влиянием (Куфтин, 1950, с.195-196, рис. 51; Puturidze, 2016, p. 145, pl. VIII, 15-16, 21, IX, 2, 8, 13, X, 17).

Так же на Северном Кавказе известна находка подобного медальона из могильника Донифарс (рис. 15, 18), В.И. Козенкова отнесла находку к периоду Кобан II (XII – начало X вв. до н.э.) (Козенкова, 1990, с. 77, рис. 7).

На территории Восточного Кавказа костяной медальон был найден Я.И. Гуммелем в могильнике Ханлар п. 18 (рис. 15, 17) (Гуммель, 1940, с. 71, фиг. 30, I-15), которое относится к группе поздних курганов, датированных разными исследователями либо концом II тыс. до н.э., либо рубежом II – I тыс. до н.э. (Погребова, 2011, с. 68-69). Помимо курганов, Я.И. Гуммелем проводились раскопки поселения Ганджачая, где в сооружении №58, состоящем из четырех помещений, был найден аналогичный медальон, а также бронзовая пуговица и браслет (рис. 15, 1-3). Выпуклая пуговица в Лчашен-Мецаморской культуре известна с периода LBA, а на Северном Кавказе они появляются в первых веках I тыс. до н.э. и продолжает бытовать также и в скифский период (Козенкова, 1982, с. 38-39, табл. XXIV, 4, 5; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 97, pl. IV, 11). Браслет дает нам более узкую дату, моделированные по всей длине глубокими перемычками бронзовые браслеты широко распространены на Кавказе и Северо-Западном Иране в периоды EIA и MIA (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 155, pl. III, 12; Danti, 2013, p. 366, fig. 17.19, g-h, j-k; Yengibaryan, 2019, p. 36, fig. 6, 9, 12).

Можно еще привести в пример находку из могильника Джафар Абад к. 8 в Северо-Западном Иране (рис. 15, 9). Погребение было датировано 1200-800 гг. до н.э. Примечательно, что там также был обнаружен браслет, аналогичный найденному в сооружении №58 (Ghadim, 2011, s. 197, çiz. 46).

Таким образом, мы видим, что с высокой вероятностью погребение 6 было совершено значительно позже, в период финала позднебронзового или раннежелезного веков и не может служить для памятника как *terminus ante quem* поскольку прочие погребения из рва крепости будут иметь более раннюю датировку.

Теперь следует перейти к керамическим материалам закрытых комплексов, которые на Ливенцовско-Каратаевской крепости представлены восемью сооружениями. В коллекции орнаментированная керамика составляет 40%, самый распространенный мотив – горизонтальная линия, по технике исполнения преобладает валик – 62% (из них многоваликовых – 6%), затем шнуровая – 11%, прочерченная – 9%, прочие – 18%. Нанесен орнамент на верхнюю часть округлобоких сосудов, прежде всего на горловину и плечики. В нижней части орнамент нанесен у трех сосудов, и все они относительно небольших размеров (рис. 16, 1-13, 16) (Братченко, 2006, с. 122).

Как мы видим, мотив и техника орнаментации, морфология сосудов аналогична кавказским пифосам, хронологическая позиция которых описывалась выше. Интересно отметить, что на одном сосуде из сооружения 8 (рис. 16, 8), орнаментированном мелким зигзагом по валикам, на тулове имеется частично сохранившийся налеп, аналогичный «м»-образным знакам в каякентско-харачоевской керамике (рис. 9, 6, 14).

Как аналогию можно привести в пример найденный на могильнике Артик на территории Армении сосуд с «м»-образным знаком, расположенным среди орнаментированной композиции, датируемый периодом LBA (рис. 23, 4) (Братченко, 2006, с. 110, рис. 52, 5; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 71, pl. III). Единственный регион с аналогичным нанесением знака «м» на керамику, но в технике росписи, известен авторам в Юго-Восточном Иране, например, на поселении Бамбур (рис. 23, 1-2), где подобные орнаменты относятся к периоду Тепе Яхья IVB (2400-2100 гг. до н.э.). Сложно сказать, связано ли происхождение «м»-образного знака с территорией Ирана, или нет. Возможно, со временем представление о географии и хронологии данного орнамента расширится, но все же это сравнение кажется нам достаточно любопытным (Matthews et al., 2022, p. 309, fig. 9.35; Lamberg-Karlovsky et al., 2001, p. 276).

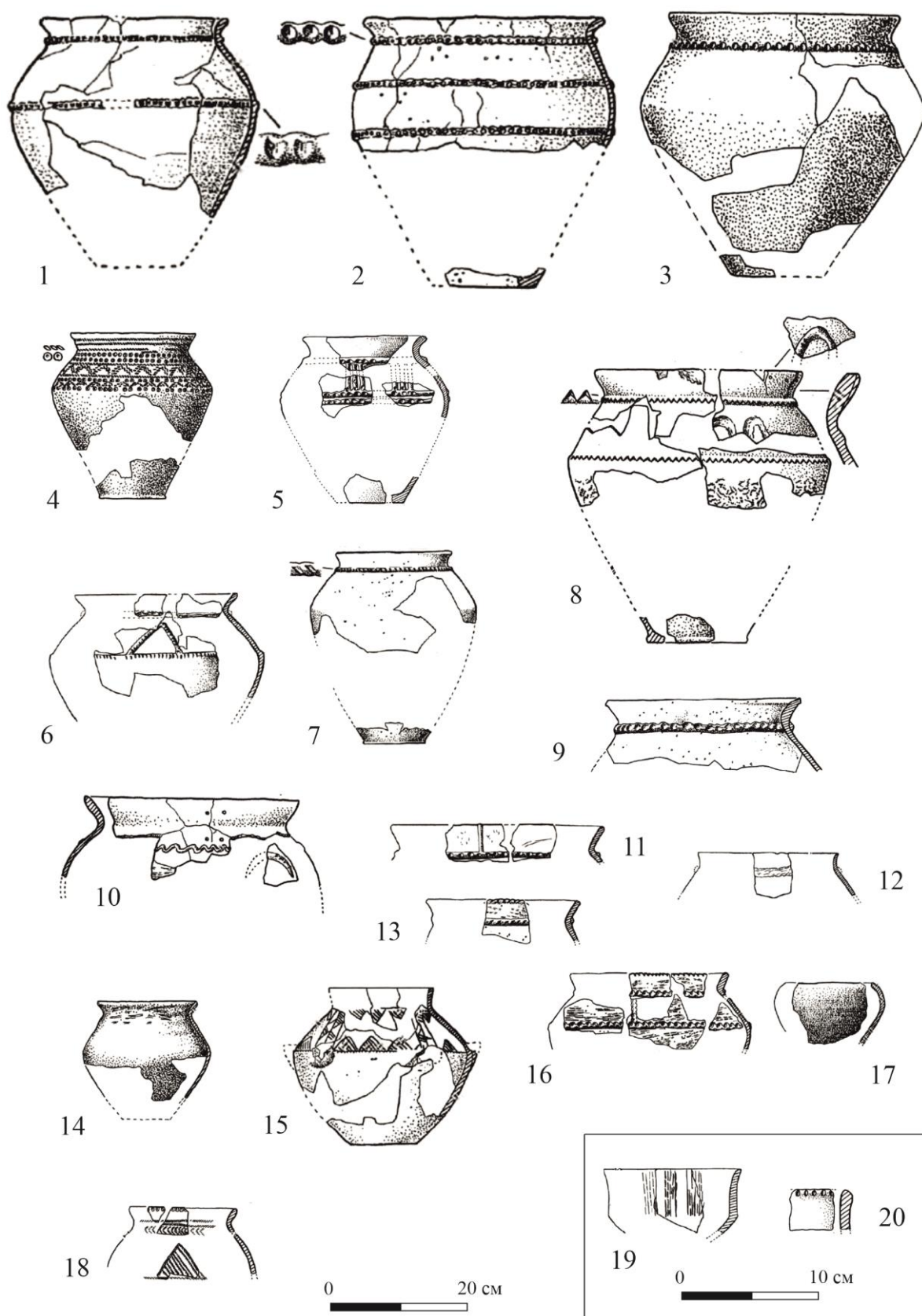

Рис. 16. Керамика Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сооружение 4: 1-2, 9, 19; сооружение 1 - 3-4, 12-14, 20; сооружение 5 - 5, 15, 18; сооружение 6 - 6-7, 11, 17; сооружение 8 - 8, 10; сооружение 7 - 16 (по Братченко. 2006). 1-20 - глина.

Помимо крупных сосудов кавказская керамика представлена горшками. Биконический сосуд с небольшим раструбным венчиком из сооружения 1 (рис. 16, 14), на Кавказе они хорошо известны по целым формам из слоя Па-б Гехарота XV – кон. XIII вв. до н.э. (рис. 6, 16-18). Это самое раннее появление такого типа сосуда, он продолжает свое бытование и в периоде ЕІА и будет распространен на территории Северо-Западного Ирана и Восточной Анатолии (Братченко, 2006, с. 96, рис. 38, 2; Техов, 1977, с. 71, рис. 60, 6; Avetisyan, 2009, p. 70, fig. 2, 14; Badalyan et al., 2008, fig. 23, *a-c, e*; Danti, 2013, p. 350, fig. 17.9, *l*; Khatchadourian, 2011, p. 482, fig. 23, *h*).

Бесшейный сосуд закрытой формы из сооружения 5 (рис. 16, 17) имеет аналогию в п. 43 тлийского могильника, которое отнесено Б.В. Теховым к периоду XVI – XIII вв. до н.э. (рис. 23, 3). Подобный сосуд, имеющий отличие лишь в незначительно выделенном наружу венчике, найден и в кургане Саснашен на территории Армении, где датирован 2-й половиной XV – 1-й половиной XIV вв. до н.э. (Братченко, 2006, с. 103, рис. 45, 3; Техов, 1977, с. 24, рис. 21, 1; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 225, pl. I, 4). В более поздний период (VIII – VII вв. до н.э.) они будут распространены на территории Колхиды, но с одной небольшой петельчатой ручкой (Avetisyan, Bobokhyan, 2008, fig. 19, 7-8).

Округлобокий сосуд с горизонтальным орнаментом в виде елочки на плечиках и вдавлениями по краю венчика (рис. 16, 18, 20) находит аналогии на кавказских памятниках. В частности, такой орнамент появляется с периода МВА III в керамике II и III горизонтов Узерлика. На Северо-Восточном Кавказе такой тип орнаментации становится распространен во втором периоде каякентско-хараचоевской культуры, что мы уже рассматривали выше, но наибольшее распространение он получит в более позднее время ЕІА и будет бытовать и в ахеменидский период, в том числе на памятниках Центральной и Северной Колхиды (рис. 6, 11, 8, 15-16, 11, 5-6, 14, 19, 12) (Братченко, 2006, рис. 48, 8; Габелия, 2014, с. 78; Куфтин, 1950, с. 186, рис. 48, 37, 53-54; Avetisyan, 2017, p. 63, fig. 6, 30, 45-46; Badalyan et al., 2008, p. 82, fig. 33, *i*). Орнамент в виде вдавлений по краю венчика тоже типичен для Кавказа. Если в Северной Колхиде, имеющей дефицит датированных поселенческих памятников поздней бронзы, мы их видим на доантичных материалах (рис. 4, 19-20) (Джопуа, 2009, рис. 52,

8-26, 53, 1-7, 10, 12), то аналогичная орнаментация в кобанской культуре известна на поселении Кабардинка 2, где методом радиоуглеродного датирования было получено время их бытования в рамках XIII – XI/X вв. до н.э., с возможным омоложением до IX в. до н.э. (Reinhold и. а., 2007, s. 164, Abb. 34, 11-14). Более ранних датированных памятников на данный момент не известно. Как аналогию, можно привести еще сосуд из могильника Анапская I к. 7 п. 13 (рис. 12, 3) и фрагмент венчика из материалов Геленджикской стоянки (рис. 6, 7).

Форма чаши из сооружения 1 с вертикальными стенками и ребром при переходе к сужающемуся дну (рис. 16, 19) на Ближнем Востоке она является одной из самых архаических и самых распространенных форм керамики. Имея различия в орнаментальной традиции, наличии или отсутствии ручек, она все же сохраняет морфологические особенности на протяжении длительного времени. В верховьях Тигра и Евфрата она известна с середины V тыс. до н.э., в Иране с начала IV тыс. до н.э., присутствуют такие сосуды и в Лчашено-Мецаморской культуре. В качестве хронологического индикатора их использовать весьма затруднительно, но эта чашашний раз показывает южные связи крепости (Братченко, 2006, с. 95, рис. 37, 9; Akkermans, 1988, p. 231, pl. 69, 24; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 240, pl. IX, 3; Lamberg-Karlovsky et al., 2001, p. 65, fig. 2.11).

Сосуд из сооружения 5, орнаментированный двумя рядами треугольников обращенными вершинами друг к другу (рис. 16, 15). В материалах крепости аналогичный ему сосуд найден в к. 11 п. 22 (рис. 18, 5-6). Погребение - неглубокая катакомба с погребенным в позе наездника на правом боку и западной ориентировкой. Аналоги сосуду также известны автору на Кавказе еще в двух экземплярах, из погребений в могильнике Чегем II к. 33 и Дзуарикау к. 8 п. 5. В обоих случаях датировать погребения не представляется возможным (Братченко, 2006, рис. 28, 5, 44, 1; Николаева, 2011, с. 267, 286, рис. 49, II, рис. 91).

Стоит добавить, что на некоторых экземплярах керамики имелись следы применения гончарного круга или поворотного столика (Братченко, 2006, с. 106), что уже имело место на Кавказе в период Лчашен-Мецаморской культуры. Подводя итог рассмотрению кавказского компонента коллекции, мы видим, что у нас представлены сосуды, которые имели довольно большой хронологический диапазон бытования, но

мы совсем не видим форм керамики характерных для поздних периодов, т.е. мы можем говорить, что коллекция формировалась в пределах XV – XIII вв. до н.э.

Теперь мы перейдем к степному компоненту, представленного исключительно сабатиновским материалом. В сооружении 1 найдены усеченноконический баночный сосуд, аналогии которому имеются в ранний и развитые периоды сабатиновского этапа, и сосуд с вертикальными стенками, слабо выделенным венчиком и валиком с насечками под ним, который типичен для всех периодов сабатиновского этапа (рис. 17, 1, 4). Из сооружения 2 происходит сильно выпуклобокий горшок с уступом изнутри на уровне основания шейки, их аналогии известны только в раннесабатиновском периоде (рис. 17, 6) (Братченко, 2006, рис. 37, 5-6, рис. 39, 6; Гершкович, 1997, с. 140). В сооружении 4 найден сосуд с выступающими боками и слабо отогнутым венчиком, орнаментированный двумя волнистыми линиями в центральной части сосуда. И.Н. Шарафутдинова определяет подобные горшки как срубные, относящиеся к раннесабатиновскому времени (рис. 17, 10) (Шарафутдинова, 1982, с. 61, рис. 20, 2, 8). Сильно выпуклобокий сосуд с зауженной S-видной шейкой из сооружения 5 бытовал в течении всего сабатиновского этапа (рис. 17, 2, 7) (Братченко, 2006, рис. 45, 9; Гершкович, 1997, с. 140). Аналогичный ему сосуд найден и в сооружении 6 (рис. 17, 5). Из сооружения 5 также происходит сосуд с ребром выше середины тулова и небольшим раструбным венчиком и орнаментированный двумя горизонтальными линиями насечек. Такие горшки известны в позднесрубное и белозерское время. Например, подобный сосуд мы видим в к. 11 у с. Петро-Михайловка, в стратиграфической колонке срубных погребений этого кургана подобный сосуд был найден в позднем погребении (рис. 17, 7) (Братченко, 2006, рис. 46, 11; Черниенко, 2014, с. 64, рис. 8, 3; Шарафутдинова, 1982, с. 79, рис. 27, 12). Миска из сооружения 6, орнаментированная двумя треугольными валиками под венчиком и защипами по венчику, будет характерна для всего сабатиновского периода в Нижнем Поднепровье (рис. 17, 8) (Братченко, 2006, рис. 48, 1; Гершкович, 1997, с. 140; Шарафутдинова, 1982, с. 91). Баночный выпуклобокий сосуд с незначительно выделенным венчиком из сооружения 7 встречен во всех периодах сабатиновских древностей (рис. 17, 3) (Братченко, 2006, рис. 50, 4; Гершкович, 1997, с. 140). К степной керамике также следует отнести

фрагменты стенок с налестами в виде кнопок (Гершкович, 1997, с. 134, рис. 5, 8, с. 138, рис. 7, 4). С.Н. Братченко тоже отмечал некоторое сходство с позднебронзовой керамикой, но развитие это наблюдение у него не получило (Братченко, 2006, с. 112).

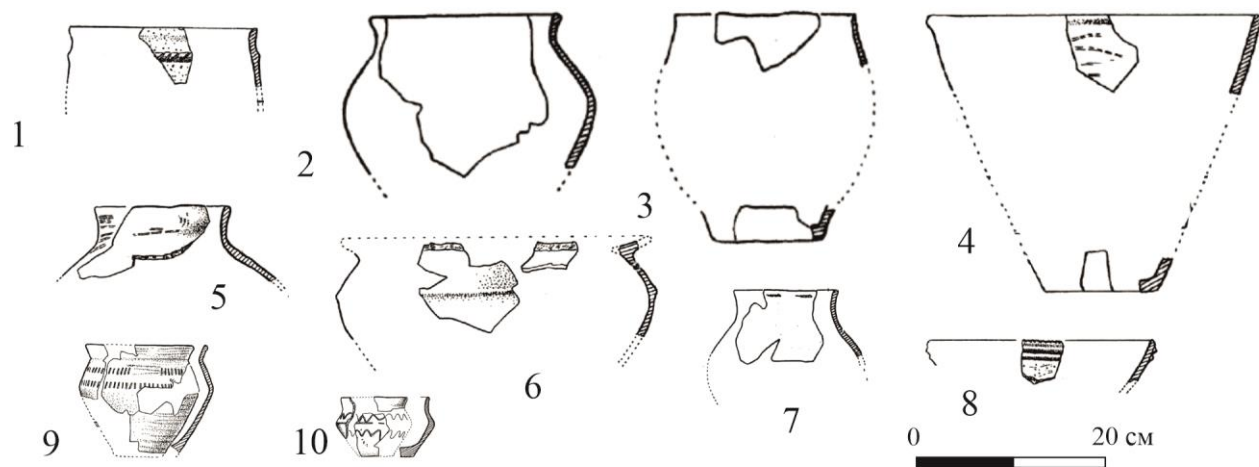

Рис. 17. Керамика Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сооружение 1 - 1, 4; сооружение 5 - 2, 7, 9; сооружение 7 - 3; сооружение 6 - 5, 8; сооружение 2 - 6; сооружение 4 - 10 (по Братченко, 2006). 1-10 - глина.

Взаимовстречаемость керамики из материалов, опубликованных С.Н. Братченко, выглядит следующим образом. В сооружениях 1, 3, 5-7 представлены как кавказские, так и степные образцы керамики. В сооружении 2 степной материал, 4 и 8 имеют только кавказскую керамику. Поскольку керамика из сооружений 2, 4 и 8 встречается с материалом остальных объектов, мы можем говорить о едином времени формирования керамической коллекции. Фраза «на стыке двух культур» как никогда актуальна для Ливенцовско-Каратаевской крепости.

Хронологическая позиция сабадиновской керамики дает нам более узкую дату. Мы имеем образцы керамики, характерные не только для всего периода, но и представленной лишь на раннесабадиновском этапе, из чего можно сделать вывод, что вся коллекция формировалась в раннесабадиновском этапе. Не вдаваясь в подробности вопроса соотношения ранней Сабадиновки с позднебронзовым, раннебронзовым периодами или их рубежом, мы считаем, что будет уместным соотнести материалы из крепости с поселением Новокиевское слой А, по причине того, что большинство типов сабадиновской керамики крепости встречаются в этом слое. По материалам литейной мастерской он датируется XV – XIV вв. до н.э. (Черниенко, 2014, с. 55), что является рубежом раннебронзового и позднебронзового периодов.

Крепость функционировала непродолжительный период, о краткости бытования указывалось С.Н. Братченко. Обосновывалось это бедностью культурного слоя и отсутствием перестроек (Братченко, 2006, с. 156, 166). С крепостью синхронизируется V слой поселения Ливенцовка I и исследованный рядом могильник. Э.С. Шарафутдинова была сторонницей синхронизации раннесабатиновского периода с позднесрубным и датировала весь комплекс XIV в. до н.э. (Братченко, Шарафутдинова, 1996, с. 211-212). К этому времени можно отнести и разрушение крепости, о чем нам говорят погребения из заполнения рва, прежде всего погребения 3, 6, 9 и 10. Из погребения 3 происходит позднесрубный сосуд (рис. 18, 1), аналогии которому мы рассматривали выше (рис. 17, 7). Усеченноконический сосуд из погребения 10 (рис. 18, 3) довольно небольшой по сравнению с сосудом из крепости (рис. 17, 4). Этот тип широко известен на сабастиновских памятниках как раннего, так и развитого этапов (Гершкович, 1997, с. 131; Черниенко, 2014, рис. 4, 1, 9). В погребении 9 был найден бронзовый кинжал (рис. 18, 4). Такие кинжалы изготавливались на протяжении длительного времени. Наиболее поздний известный комплекс с аналогичными изделиями Таманский клад, датированный XIII в. до н.э. (Пелих, 2003, с. 57, рис. 12, 1, 8-9). Погребение 6 выше нами уже разбиралось и совершенно оно могло быть и в более поздний период. Более высокий уровень в заполнении рва крепости, занимали погребения 2, 4 и 13 (рис. 18, 2) отнесенные С.Н. Братченко к позднесрубному периоду (Братченко, 2006, с. 93, рис. 23, 4-5, рис. 25, 5-6). Погребения верхнего и нижнего уровней разделялись не стратиграфической позицией, а глубиной обнаружения, хотя мы видим, что они относятся к одной эпохе.

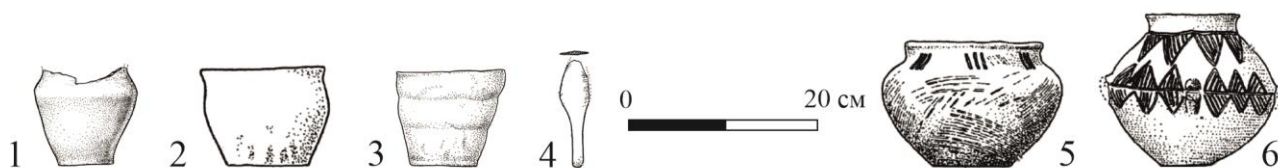

Рис. 18. Материалы погребений Ливенцовско-Каратаевской крепости. 1 - п. 3; 2 - п. 13; 3 - п. 10; 4 - п. 9; 5-6 - к. 11 п. 22 (по Братченко, 2006). 1-3, 5-6 - глина, 4 - бронза.

Что касается найденного топора и медальона на территории крепости, то мы видим, что они не могут быть определяющими для времени ее существования, это находки вне комплексов, а значит вне контекста. Материал комплексов однозначен и представляет из себя массив, к тому же

мы имеем пример перекрестного датирования, поэтому присутствие этих артефактов можно считать случайным. Может быть множество причин того, как они могли там оказаться, например, из погребений, разрушенных при строительстве рвов, тем более что факты повреждения курганов нам известны из исследованных участков.

Таким образом, получается, что крепость была основана на рубеже XV-XIV вв. до н.э. или начале XIV в. до н.э., существовала непродолжительное время и была разрушена в XIV в. до н.э., хотя даты могут быть скорректированы с уточнением хронологии раннесабатиновского этапа.

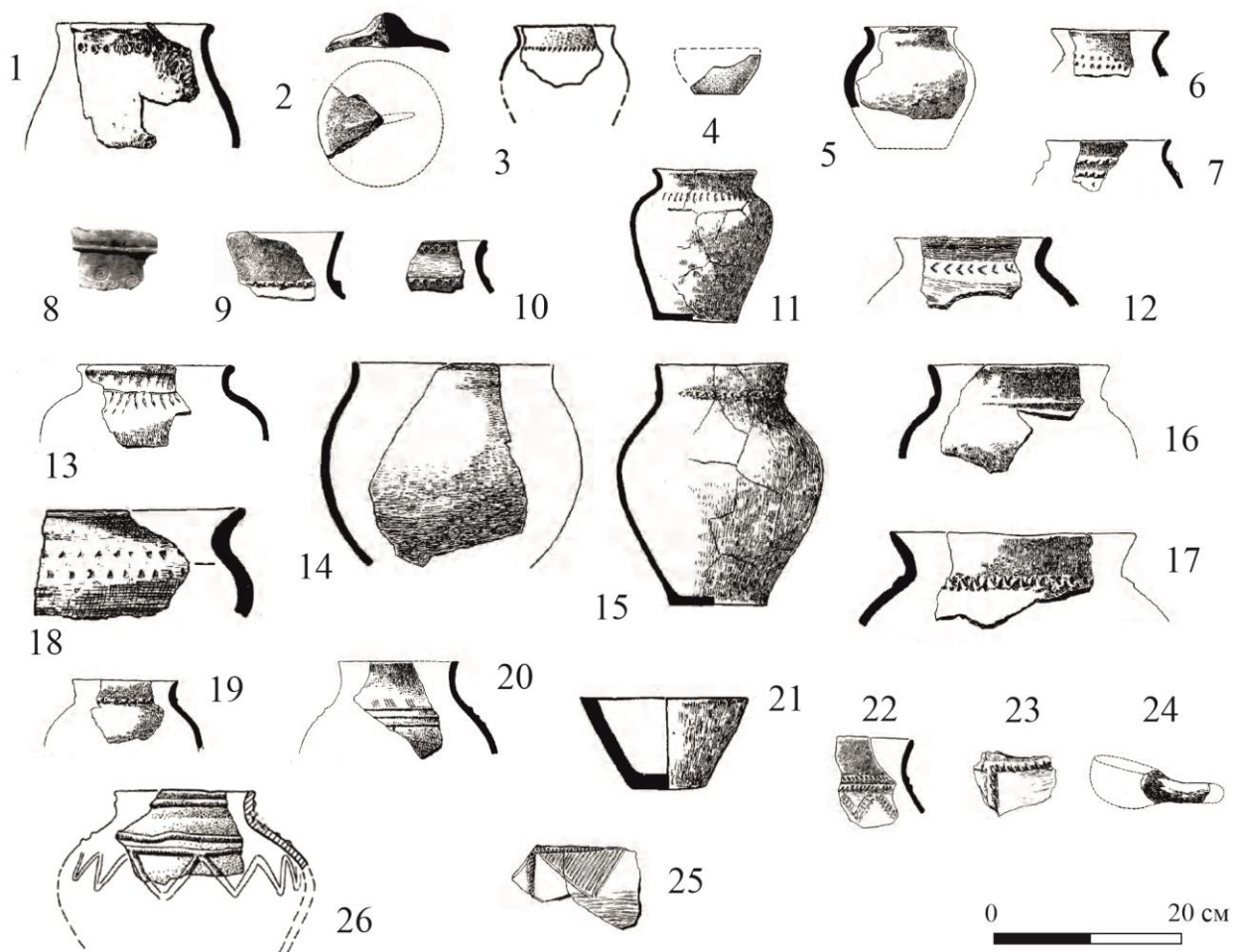

Рис. 19. Керамика поселения Каменка ранний и поздний этапы. Жилища 1,2 и 6 - 1-12; жилища 3-5 и 7-12 - 13-26. 1-25 (по Рыбалова, 1974), 26 (по Братченко, 2006). 1-26 - глина.

Поселение Каменка было изначально датировано как позднебронзовое и его сабаатиновский компонент подробно разбирался исследователями (рис. 19) (Гершкович, 1997; Рыбалова, 1974). Керамическая коллекция в

Каменке в целом идентична донским материалам, поэтому мы остановимся лишь на тех находках который не представлены в крепости, поскольку они важны для понимания общей картины.

Керамическая крышка (рис. 19, 2), относимая В.Д. Рыбаловой к раннему этапу, имеет небольшой изгиб с уплощенной выступом-ручкой (Рыбалова, 1974, рис. 4, 2). В период поздней бронзы крышки для степных памятников являются редкими находками, и, судя по морфологии, данный экземпляр относится именно к степным крышкам. На Кавказе крышки появляются только в период ЕІА, они имеют петельчатую ручку, либо ручку «пуговицу», могут быть тонкими и сильно изогнутыми и иметь дополнительное ребро, либо быть массивными, плоскими и иметь резной или штампованный орнамент (Габелия, 2014, с. 61,-62, 72-73, табл. XXII, 7-8, табл. XXIII; Шарафутдинова, 1982, с. 98; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 217, pl. V, 2).

На поселении мы видим и гораздо более поздний материал, такой, как горшок с яйцевидным туловом и покатыми плечиками (рис. 19, 11, 13). Аналогии ему известны в раннем железном веке и скифский период и имеют значительное географическое распространение от Северо-Западного Причерноморья до Нижнего Поволжья, известна находка подобного сосуда в Ленинахабле на Северо-Западном Кавказе, а также в погребении 4 могильника №1 у с. Эргета в Западной Грузии, датированное рубежом VII – VI вв. до н.э. (Лукияшко, 2012, с. 129, табл. CXCI, 1, CCI, 6, CCII, 2; Микеладзе, 1982, с. 32, табл. XLV, 2; Рыбалова, 1974, рис. 4, 13; Эрлих, 2005, с. 165, рис. 127, 5).

К поздним материалам относятся и сосуды с орнаментом в виде двойного горизонтального ряда округлых или треугольных штампов (рис. 20, 9-10) (Рыбалова, 1974, рис. 4, 10, 14, 14). Такой тип орнаментации известен на Кавказе с периода МВА III и был широко распространен в рамках Лчашен-Мецаморской и Колхидской культур (рис. 20, 1-8) (Габелия, 2014, табл. XXVIII, 8; Avetisyan, 2009, fig 4, 5; Avetisyan, 2017, fig. 17, 6; Badaljan et al., 1992, p. 40, fig. 7, 10; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 189, pl. II, 20-21, p. 215, pl. III, 4-5; Engibaryan u. a., 2013, taf. 7, 7, 35, 8). Несмотря на это, в Северном Причерноморье такой орнамент появляется достаточно поздно. В конце II тыс. до н.э. и доантичное время мы видим его на памятниках Кизил-Кобинской культуры, а в дельте Дона они представлены

на поселениях кобяковского типа Хапры и Нижнегниловское (рис. 20, 11-12) (Потапов, 2010, рис. 62, 4, 11; Сенаторов, 2001, с. 71, рис. 30, 4, 34, 1, 3, 6, 214, 1-3; Шарафутдинова, 1980, табл. V, 4, VIII, 6, XII, 1, XIV, 2). В раннескифский и скифский периоды помимо указанных районов этот орнаментальный мотив на севере становится более распространенным, появляется он и в кобанской культуре (рис. 20, 13-15) (Дараган, 2011, с. 419; Лукьяшко, 2012, с. 171, табл. ССII, 6, 8; Козенкова, 1982, с. 76, табл. LI, 4). Стоит добавить, что автором при исследовании селища Дивноморское под Геленджиком в доантичном горизонте были обнаружены сосуды, имевшие аналогичный орнаментальный мотив (рис. 20, 16), материал готовится к публикации, где вопросы, связанные с географией распространения и хронологией, будут рассмотрены более подробно.

Стоит также обратить внимание на фрагмент венчика с валиком по его краю и спиральными штампами на горловине (рис. 19, 8) (Рыбалова, 1974, рис. 11, 12). Такой орнамент также встречается как на колхидской, так и лчашенской керамике (Куфтин, 1950, табл. 34, 1-6, рис. 48, 81; Brodbeck-Jucker, Kunze, 2023, p. 67, fig. 9).

Закончим обзор интересным артефактом – скульптурным изображением лягушки, вырезанным из позвонка животного (рис. 14, 4). Изделие любопытно тем, что подобные артефакты были распространены на Южном Кавказе с середины II тыс. до н.э. Изготавливались они из различного материала: золота, камня, фаянса и считаются амулетами, хотя изделия из золота могли использоваться ювелирами в качестве гирь. В этот период амулеты в виде лягушек имели широкое распространение и на Ближнем Востоке (Рыбалова, 1974, рис. 12; Шаншашвили и др., 2016, с. 141, табл. XL, 4-11).

Итак, мы видим, что помимо сабастиновского материала, который относит поселение Каменка к XIV – XIII вв. до н.э., есть и более поздний материал, хотя возможно керамика с двойным кольчатым штампом вполне могла бытовать и в этот период. Возможно, что поселение существовало продолжительное время, тем более что В.Д. Рыбаловой были описаны три разных типа жилищ.

Подытоживая рассмотренный материал, надо указать, что Каменско-Ливенцовская группа – это «проблемные» памятники. Они задавали больше вопросов, чем давали ответов и причиной этих проблем была кера-

мика с валиковой орнаментацией. Именно из-за нее исследователи и обращались к этапу финала средней бронзы. Помимо проблемы хронологии памятников, исследователи поднимали и другие вопросы. Почему памятники находятся только в приморской зоне, неизвестно и пространство керамической традиции, а ведь так локально керамическая традиция бытовать не может. Почему на крепости фортификационные сооружения довольно развитой формы, а аналогий или иных оборонительных сооружений на поселениях в Северном Причерноморье неизвестно.

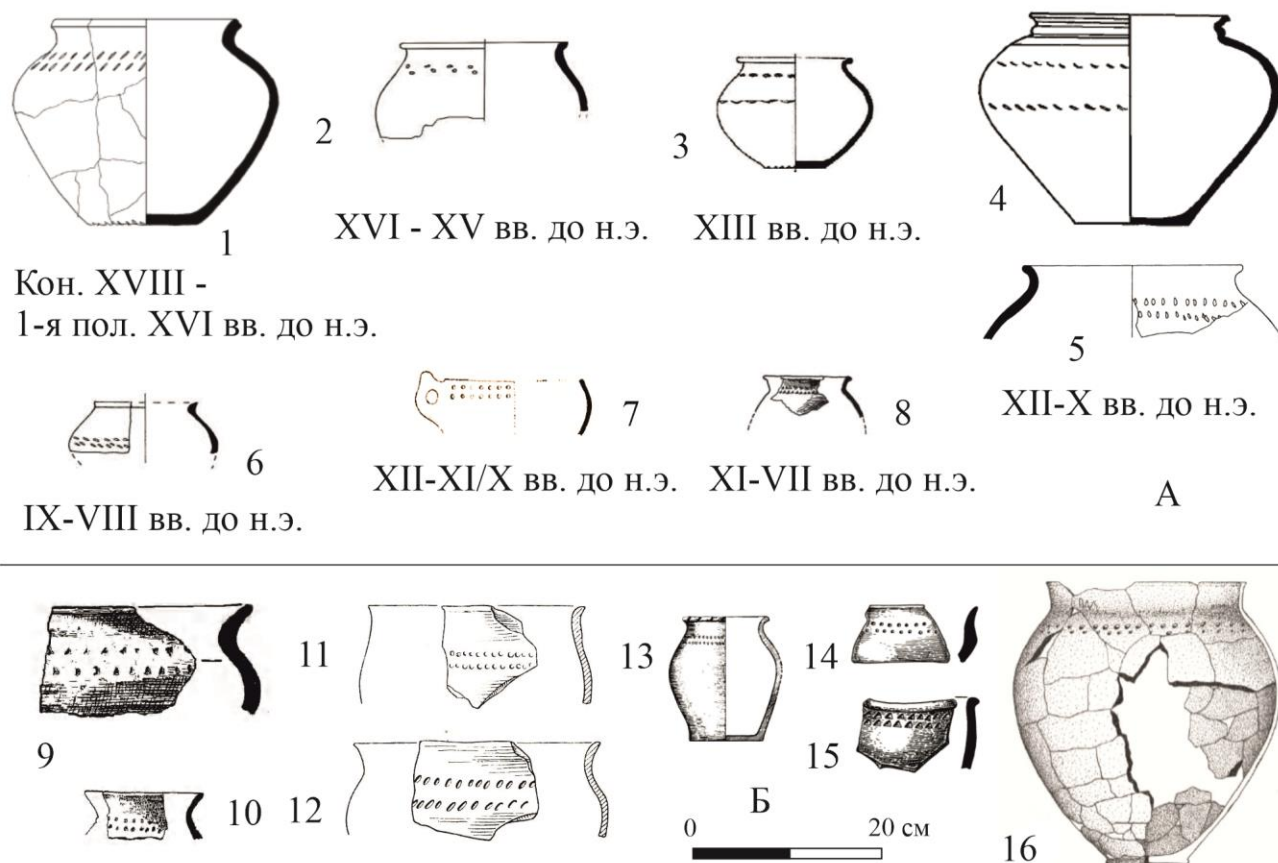

Рис. 20. Керамика с двойным рядом кольчатого штампа. А - керамика Южного Кавказа: 1 - Цахкалани п. 39; 2 - Картахбур п. 10; 3 - Мастара п. 7; 4 - Талин п. 5; 5 - Хором; 6 - Картахбур п. 14; 7 - Ноахвamu; 8 - Тамышское. Б - керамика Северного Кавказа и Северного Причерноморья: 9-10 - Каменка; 11-12 - Нижнегниловское; 13 - Нестеровский п. 37; 14 - пос. у Железноводска; 15 - Хабазское; 16 - Дивноморское. 1, 3-4 (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 2, 6 (по Engibaryan и. а., 2013); 5 (по Badaljan et al., 1992); 7 (по Куфтин, 1950); 8 (по Габелия, 2014); 9-10 (по Рыбалова, 1974); 11-12 (по Шарафутдинова, 1980); 13 - (по Козенкова, 1982); 14-15 (по Козенкова, 1989). 14-15 - без масштаба. 1-16 - глина.

Решение этих проблем в рамках Северного Причерноморья упиралось к поиску связей бабинских и каменско-ливенцовских памятников и все хронологические изменения были направлены на то, чтобы встроить

памятники в какую-то логическую систему. Выход виделся на Кавказе, но, на Северо-Западном Кавказе исследователями указывались лишь материалы отдельных погребений, которых было явно недостаточно для решения стоящих вопросов, лишь открытие Гамовской Балки стало важным подтверждением того, что кавказское направление верное (Братченко, 2006, с. 219, 226, 229-230, 237; Кислый, 2003-2004; Колотухин, 1983; Рыбалова, 1974, с. 25).

За последние четверть века представление об археологии Южного Кавказа серьезно изменилось. Раскопки поселенческих памятников Лчашен-Мецаморской культуры стали носить системный характер, количество информации выросло как количественно, так и качественно. Современное состояние изучения Кавказа позволяет по-новому взглянуть на памятники каменско-ливенцовской группы и, мы надеемся, нам удалось выстроить логическую цепь, которая решает хронологическую проблему через атрибуцию керамических материалов с валиковой орнаментацией с материалами Южного Кавказа.

Теперь же мы попытаемся ответить на вопрос почему кавказский материал оказался в этом регионе. В середине II тыс. до н.э. на Кавказе происходят значительные изменения, связанные с событиями на Ближнем Востоке. С укреплением царства Митанни, после победы над Ассирией, происходит перемещение торговых путей, идущих из Центральной Азии в Восточное Средиземноморье севернее озер Ван и Урмия, Кавказ становится активным участником международной торговли. Нельзя сказать, что торговых связей не было в предыдущие периоды, в данном случае речь идет о масштабах этой торговли. Период XV – 2-й половины XIV вв. до н.э. считается временем политического влияния Митанни на Кавказ, в это время происходит демографический бум, растет количество поселений, что сильно отличается от предыдущего периода, известного больше по курганным погребениям. Что очень важно, начинается строительство крепостей, которые исчисляются десятками и играют важную роль в течение всего периода Лчашен-Мецаморской культуры. Со 2-й половины XIV в. до н.э., после военного поражения Митанни, на Южном Кавказе начинается доминирование Ирана, что выражено прежде всего импортом луристанских оловянистых бронз, в этот период появляются и кобанские бронзы (период Протокобан датируется началом XIV – 1-я половиной XII вв. до н.э.). До-

минирование Ирана продолжалось вплоть до IX в. до н.э., до формирования Урартского царства (Козенкова, 1989а, с. 42; Шаншашвили и др., 2016, с. 154-161; Avetisyan et al. 2019, p. 87, 98-99).

Исследование керамической коллекции крепостей и могильников Северо-Западной Армении выявило интересный факт. Было установлено, что центров производства керамики только для исследуемого региона было несколько, распространение ее во внутрирегиональной торговле носило характер, сравнимый с массовым производством и распространением керамики в географически обширных империях. По мнению А. Грина, это очень любопытное явление, которое можно назвать гончарной экономикой и к которому нужно отнести крайне внимательно для понимания процессов, происходивших на Южном Кавказе (Greene, 2012, p. 310, 316).

Исследователями не раз проводилось сравнение расположений памятников эпохи бронзы с античной эпохой, так Ливенцовско-Каратаевскую крепость сравнивали с Елизаветовским городищем и Танаисом. Крымские памятники также располагались там, где позже возникнут античные города Пантикапей, Тиритака, Киммерик и др. (Братченко, 2006, с. 180-181, 230; Кислый, 2003-2004, с. 118). К сожалению, это сравнение ими не было раскрыто в полной мере. Сложность состояла в том, что Боспор выполнял роль посреднической морской торговли, что и отразилось в его географии, а объяснить эту географию в рамках первой или даже второй четверти II тыс. до н.э. не представлялось возможным. Однако те изменения, которые произошли на Кавказе в середине II тыс. до н.э., наполняют приморские памятники смыслом и, мы считаем, что именно торговые отношения привели к появлению кавказских материалов в Северном Причерноморье. Что являлось предметом или предметами торговли и ее масштабом вопрос дискуссионный.

Немного затронем тему крепостей на Кавказе. Строительство их началось с самого начала существования Лчашен-Мецаморской и сопредельных синхронных культур, включая регион Восточной Анатолии, фактически одновременно с появлением поселений. Крепости, обычно строились на скальных выступах, образующих естественную преграду с одной или двух сторон и укреплялись одной или несколькими циклопическими каменными стенами. Крепости содержали свидетельства ритуальной, производственной и административной деятельности, но не имели суще-

ственных бытовых сооружений. В среднем их площадь составляла около 1,5 га, а относительно крупные поселения находились вблизи крепостей, и их площадь могла насчитывать уже десятки гектар. Уже Урартское царство на захваченных территориях разрушает циклопические крепости и строит новые из обработанного камня, в которых размещался гарнизон. Там будет наблюдаться интересное явление, заключающееся в том, что на поселениях будет бытовать лчашенская керамика, а в крепостях находки будут представлять ванскую керамическую традицию. (Avetisyan et al. 2019, p. 99; Badalyan et al., 2008, p. 45; Greene, 2012, p. 309).

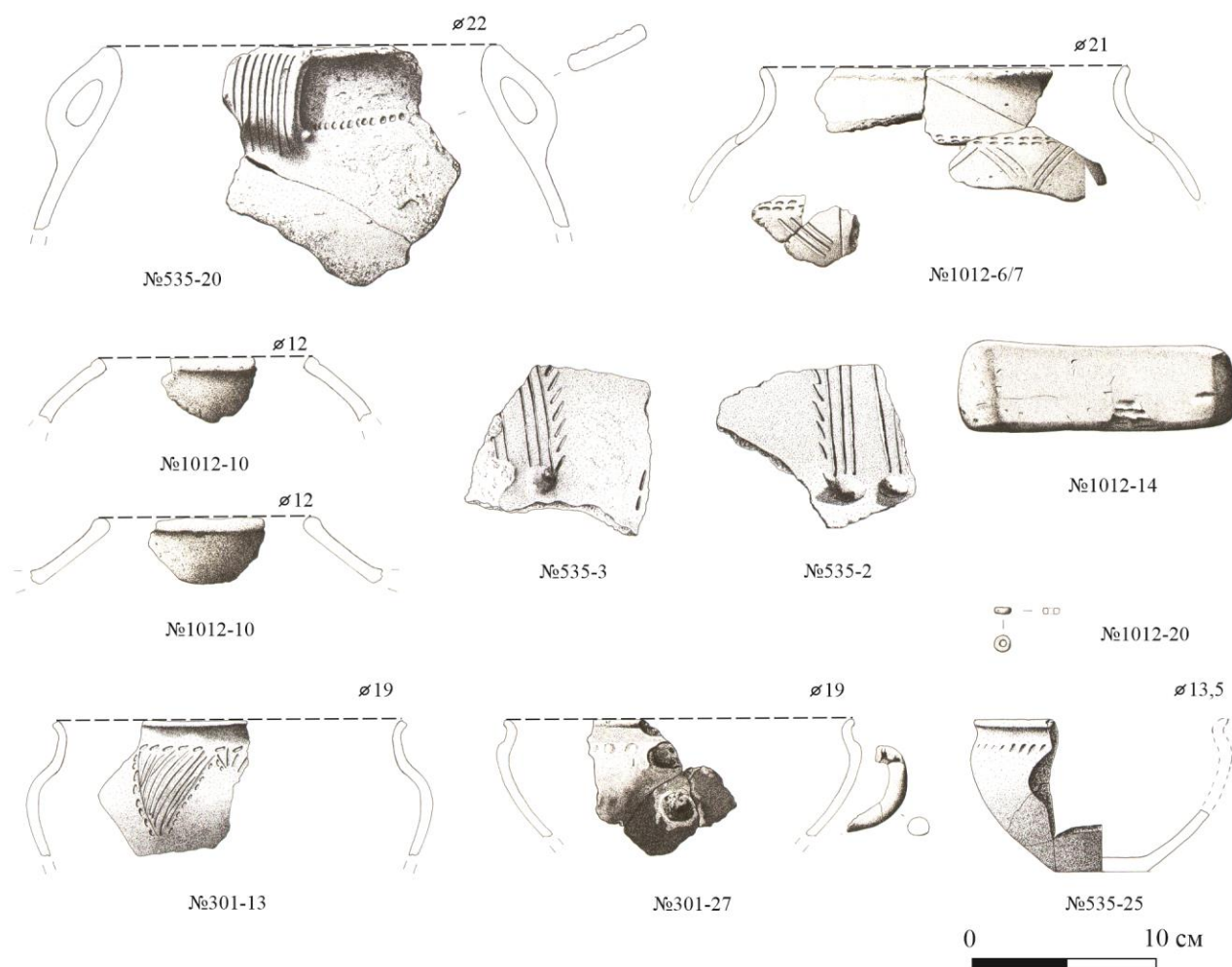

Рис. 21. Материалы Геленджикской стоянки из фондов ГИКМ. №№ 301 - 8, 13, 27; 535 - 2, 3, 8, 12, 20, 25. 1012 - 1-4, 6-7, 10-11, 14, 20. №№ 301, 535 и 1012 - 1-4, 6-7, 10-11 - глина, 1012 - 14, 20 - камень.

В последнее время вышел ряд работ, которые переосмысливают роль и значение крепостей. Наиболее любопытным нам кажется вывод, к которому пришла группа исследователей из Дартмутского колледжа. Исследо-

вав около 400 позднеримских крепостей верховьев Тигра и Евфрата, они пришли к выводу, что крепости не функционировали как пограничная линия, предназначенная для блокирования вторжений персидских армий или для предотвращения набегов кочевых племен. Они выполняли функцию поддержки межрегиональной торговли и связи. Крепости строились не для того, чтобы разделять регионы, а для того, чтобы их объединять, крепость – это инфраструктура торговли, то, что сейчас мы бы смогли назвать «логистическим центром» (Casana et al., 2023).

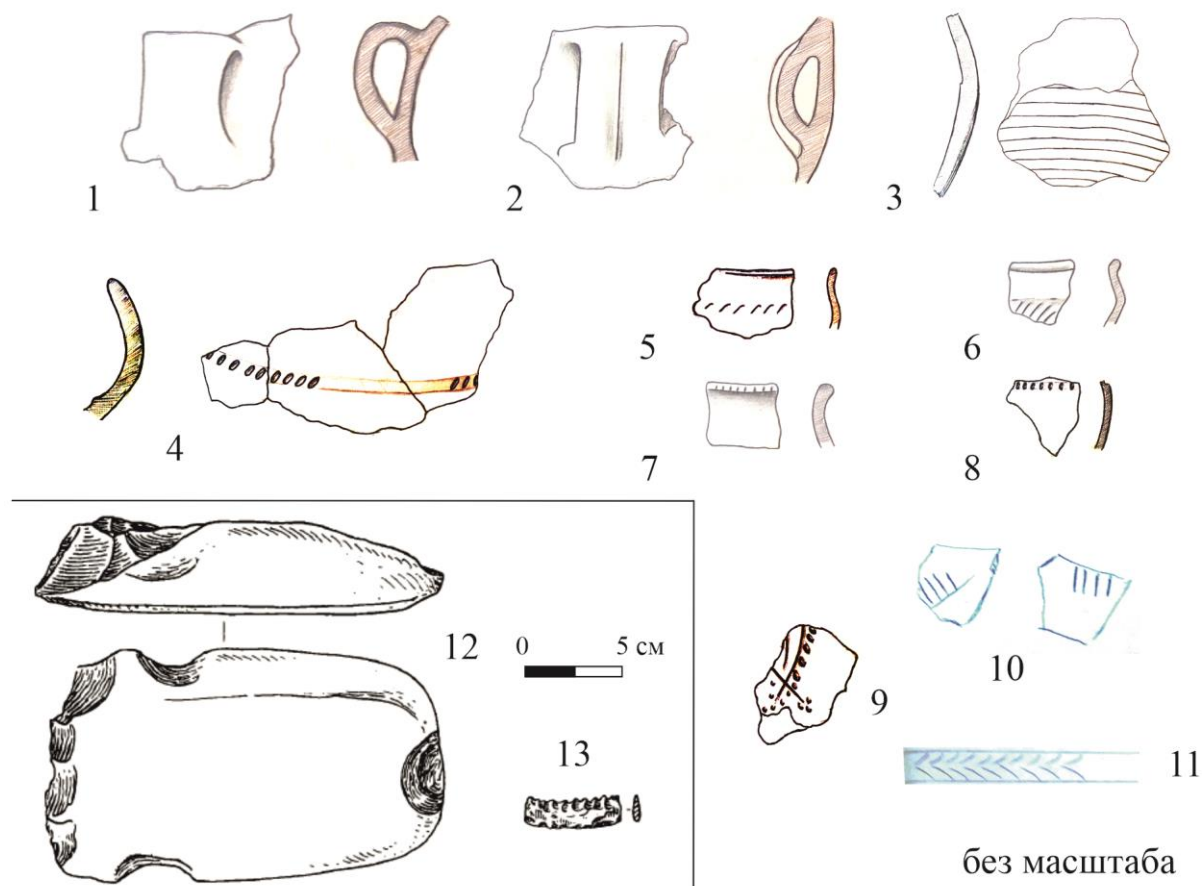

Рис. 22. Рисунки материалов Геленджикской стоянки из отчета И.И. Аханова. 1 - табл. IX, л. 7; 2 - табл. VIII, л. 6; 3 - табл. V, л. 4; 4 - табл. III, л. 2; 5-7 - табл. VII, л. 5; 8-9 - табл. IV, л. 3. (по Аханов, 1958, 2-1/14); 10-11 - орнаменты лепных сосудов, (по Аханов, 1958, 2-1/15); 12 - каменное грузило; 13 - кремневая пила, (по Аханов, 1961б). 1-11 - глина, 12 - галька, 13 - кремнь.

Возможно, именно подобная интерпретация наиболее подходит для Кавказа, где крепости и новые торговые пути возникали одновременно, и рассмотрение аналогичной по архитектуре Ливенцовско-Каратаевской крепости с точки зрения центра коммуникаций со степью наиболее удачно.

С другой стороны, непродолжительный период ее существования говорит, что она не смогла вписаться в политический ландшафт Северного Причерноморья.

Закончив рассмотрение вопросов, связанных с пифосами, имеющими валиковую орнаментацию, повлекшими за собой столь обширное, но необходимое отступление от первоначальной темы, перейдем к следующим материалам Геленджикской стоянки. Среди них выделяется двуручная амфора с уплощенной гофрированной ручкой и линией вдавлений по корпусу (рис. 21, №535 – 20). Как двуручная она определена автором по аналогиям, распространенным на Южном Кавказе. Такие амфоры с ручкой, прикрепленной к венчику, появляются на Кавказе в период ЕІА и известны вплоть до V в. до н.э. (рис. 7, 9, 14). Исследователями считается, что они происходят от кипрских амфор, появившихся во 2-й половине III тыс. до н.э. и широко распространившихся в Восточном Средиземноморье во II тыс. до н.э., а уже в самом конце тысячелетия мы видим эти амфоры на Южном Кавказе (Avetisyan, 2009, fig. 6, 6; Gamkrelidze, 2021, p. 610, pl. II, 11; Shanshashvili, Narimanishvili, 2016, p. 15, pl. VI, 9). Важно отметить, что морфологически полностью идентичные сосуды известны в Кура-Аракской культуре, разница заключается лишь в том, что керамика Кура-Аракса имеет лощение, верхняя поверхность черная или серая, внутренняя розовых оттенков, а амфоры конца II – середины I тыс. до н.э. не имеют лощения, а обработка поверхности не отличается от иных типов сосудов (Кушнарева, Марковин, 1994, табл. 5, 20-21; Badalyan et al., 2008, p. 50, 56, fig. 12, f). Так, образец из Геленджика схож по структуре теста и примесям с уже рассмотренными пифосами.

Два венчика шаровидных сосудов (рис. 21, №1012 – 10), схожие по структуре теста и примесей с рассмотренными образцами, имеют аналогии с материалами Тамышского поселения (рис. 4, 1-4).

Чаша, орнаментированная горизонтальной линией зубчатого штампа (рис. 21, №535 – 25), известна на урартских поселениях, где такой тип чаш широко распространен. Датировка у них достаточно узкая и ограничена VIII в. до н.э. Известна подобная чаша и на Бамборском поселении, только без орнамента на тулове и на грунтовом могильнике Келермес в п. 49 на Северо-Западном Кавказе (Габелия. 2014, таб. XIII, 3; Галанина, 1989, с. 78, рис. 11, 2; Kroll, 1976, s. 118). Разница с чашами, появившимися в VII

в. до н.э. и бытовавшими в ахеменидский период заключается в том, что последние не имеют выпуклых боков и венчик у них сильно выступает за относительно ровные стенки (Kroll, 1976, s. 120-121).

Двуствольная ручка кувшина (рис. 22, 2) характерна для колхидской культуры. На Северо-Западном Кавказе аналогичные находки известны из поселения Шушук, датированного радиоуглеродным методом XIII – XII вв. до н.э. (Эрлих, 2021, с. 32, 35, рис. 4-5). Вторую ручку сложно атрибутировать в виду фрагментарности стенки сосуда, к которому она прикреплена (рис. 22, 1).

Сосуд с паркетным орнаментом и горизонтальной линией парных наколов (рис. 21, №1012 – 6/7) находит параллели в кизил-кобинской культуре. Подобная керамика, но с одним рядом наколов, известна на поселении Черная Речка и в могильнике Верхне-Юхарино в период V-УБ (2-я половина VIII – начало VII вв. до н.э.). Подобный орнамент нанесен на корчагу из погребения Клунниково к. 6 на Нижнем Дону, отнесенного к предскифской эпохе (Кравченко, 2010, рис. 142, а, 3, b, 4, 196; Лукьяшко, 2012, с. 131, табл. СХСII, 6).

Рис. 23. Керамика имеющая аналогии с материалами Северного Кавказа. 1-2 - Бамбур (по Matthews et al., 2022); 3 - Тли п. 43 (по Техов, 1977); 4 - Артик (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 5-6 - Симферопольское (по Крис, 1981). 1-2 - без масштаба. 1-6 - глина.

Два галыштатских черпака говорят нам о связях с лесостепным Поднепровьем. Оба тонкостенные, с плотным и качественно отмученным тестом с примесью слюды, черного цвета, хорошо залощенные (рис. 21, №301 – 13, 27). Орнаментальный мотив состоит из простых свисающих вниз треугольников, заполненных косыми линиями и окаймленных зубчатым штампом, или простым штампом во втором случае, что говорит о жабо-

тинских подражаниях басарабской орнаментальной традиции фракийского гальштата. Если в Карпато-Подунавском регионе при формировании мотива применялся только штамп, то жаботинская керамика формирует орнамент резной техникой с применением зубчатого штампа. Известна такая керамика в горизонтах Жаботин I-II, конец IX – VIII вв. до н.э. Подобная керамика хорошо известна и в Крыму, прежде всего на Симферопольском (рис. 23, 5-6) и Инкерманских поселениях, датируемых VIII – VII вв. до н.э., где, помимо лощеной, появляется еще и обычная лепная посуда, на которой повторяется данный орнаментальный мотив, сама керамика датируется в рамках периодов V-УБ и VI-УБ (2-я половина VIII – 1-я половина VI вв. до н.э.) (Дараган, 2011, с. 419, 424; Кравченко, 2010, рис. 146, 7, 10, 17, 147, 1, 172, 5; Крис, 1981, таб. 23, 6, 12; Сенаторов, 2001, рис. 8, 4, 29, 5). Скорее всего, к ним так же стоит отнести фрагменты керамики, известные по рисункам из отчета (рис. 22, 6, 8-10). Судя по морфологии и орнаменту, они вполне могут относиться к жаботинской керамике.

Фрагменты стенок лепных сосудов с совмещенной пластичной и резной орнаментацией (рис. 21, №535 – 2, 3) имеют аналогии на поселениях Уч-Баш и Сахарная Головка в Крыму. Скорее всего, они являются фрагментами стенок корчаг, но их фрагментарность не позволяет говорить более уверенно. Хронологическая позиция крымских аналогий не ясна и может относиться к предантичному или античному периодам (Сенаторов, 2001, рис. 18, 6, 32, 1).

В публикации И.И. Аханова, готовившейся в 1954 г., есть зарисовка елочного орнамента, окаймленного горизонтальными линиями. Находки с таким орнаментом были фрагментарны, и поэтому им была сделана только зарисовка мотива (рис. 22, 11). Мы выше уже затрагивали этот тип орнамента, поэтому ограничимся отсылкой к аналогиям с керамикой Бамборского поселения VIII – VII вв. до н.э. (рис. 4, 15-16) (Габелия, 2014, табл. XIV, 1-2). По иным рисункам фрагментов керамики (рис. 22, 3, 5) сложно сказать, что-то определенное.

К изделиям из камня относится терочный камень, одна поверхность которого имеет следы сработанности (рис. 21, №1012 – 14). Помимо этого экземпляра, были найдены фрагменты терочных камней в разных ямах, грузило из крупной гальки (рис. 22, 12) (определенное И.И. Ахановым как мотыга), каменная буса шайбовидной формы (рис. 21, №1012 – 20), пилка

(рис. 22, 13) и множественные отщепы из коричневого кремня (стоит добавить, что в ближайшей округе выходов кремня нет). Аналогичные кремневые пилки являются частыми находками в кобанской культуре относимые к X – VII вв. до н.э., а также в Центральной Колхиде, например, они известны в среднем и верхнем слоях поселения Ноахвamu которые сейчас датируются XI/X – VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 9, табл. V, 1-5; Куфтин, 1950, табл. 54).

В 1965 г. Восточно-Причерноморским отрядом ЛОИА АН под руководством И.Б. Брашинского проводились разведочные работы на территории г. Геленджик. При обследовании бухты им было указано о обнаружении «культурных остатков в северо-западной части бухты. (...) у спуска к пляжу турлагеря «Трудовые резервы» в обрыве берега замечено две ямы (...). Около рыбозасолочного цеха была обнаружена еще одна яма (...). Начиная от территории дома отдыха «Голубая волна» (западнее ям исследованных И.И. Ахановым – прим. авт.) тянется мощный (в некоторых местах до 1,2 м) культурный слой (...) в слое значительное число обломков керамики, костей животных, обломки зернотерок, угли. (...) слой тянется до самого Тонкого мыса. (...) На границе между домом отдыха «Голубая волна» и международным молодежным лагерем обнаружено погребение (...). Глубина его от поверхности 1,60 м. Погребение разрушено морем. Из погребального инвентаря сохранились лишь бронзовое колечко и железный предмет неясного назначения в виде заостренного штыря со «штырем» на нижнем конце для вставки в втулку. Сколь-нибудь точной датировке погребение не поддается» (Брашинский, 1966, л.4-5).

Таким образом, мы можем сказать, что стоянка датируется в рамках VIII – VII вв. до н.э., однако нижнюю границу следует оставить открытой, так как пока не до конца ясна хронология бытования двуствольных ручек, да и пифосы могли появиться в более ранний период. Стоянка синхронна ранним приморским погребениям, совершенным в каменных ящиках, и возможно тем погребениям, которые были исследованы В.И. Сизовым. На Кавказе стоянка синхронна Бамборскому и верхнему горизонту Тамышского поселений колхидской культуры, заключительному этапу Лчашен-Мецаморской и «классическому» этапу кобанской культур. В VI в. до н.э. стоянка уже не существовала по причине отсутствия находок антично-

го материала. В это время появляется поселение на Тонком мысу, расположенное западнее вдоль берега в 1,5 км (Онайко, 1980).

Сейчас набережная укреплена, но осмотр, произведенный автором, показал, что на территории пансионатов «Солнечная» и «Голубая волна» примыкающих к интересующему нас участку набережной, имеются весьма значительные участки с зелеными насаждениями, которые не были затронуты какой-либо застройкой или коммуникациями. Памятник на государственной охране не стоит.

Итак, мы увидели, что керамическая традиция Южного Кавказа достаточно широко представлена на территории Северного Кавказа, где она, может, и не была прямым импортом, но вполне могла быть местным подражанием. Также нами были уточнены хронологические позиции некоторых памятников Северного Причерноморья, имевших контакты с Кавказом, введена в научный оборот часть материалов и переосмыслена воссоединенная коллекция Геленджикской стоянки. Мы попытались представить общую картину связей Кавказа и Северного Причерноморья, которые, несомненно, носили долгий и системный характер, и где рассмотренные нами памятники являются лишь эпизодами этих связей, хотя и достаточно яркими. Конечно, тема взаимосвязи Северного Причерноморья с Кавказом весьма обширна, и не ограничивается только теми типами и орнаментальными мотивами керамики, которые мы рассмотрели, она значительно шире и в области погребальных традиций и каменного домостроительства, мы лишь попытались представить общую систему этих связей, для чего этого нам пришлось охватить значительные географические пространства и хронологические периоды.

***

Таблица 1. «Результаты определений остатков животных из раскопок неолитической стоянки произведенных И. Ахановым на берегу Геленджикской бухты / Краснодарский край/»*.

Домашние		Дикие	
Крупный рогатый скот (Bos taurus)	396	Кабан (Sus scrofa ferus)	2
Мелкий рогатый скот (Ovis aries, Capra hircus)	106	Олень (Cervus elaphus)	6
Свинья домашняя (Sus scrofa domesticu)	55	Рысь (Felis lynx)	2
Лошадь (Equus caballus)	2	Заяц (Lepus europaeus)	1
дикая? домашняя?		Дельфин (Delphinidae)	262
		Рыба (Fiscea)	1
		Сухопут. -виногр. улитка (Helix (...))	1
		Морские моллюски (родов: Donax, Cardium, Mytilus, Venus)	16

9.II.1951.

Старш. науч. сотрудник ЗИН АН СССР
М.К. Верецагин

*(По Аханов, 1958, л. 4. Остеологический материал из раскопок 1949-50х гг. был разобран по ямам, мы же в таблице приводим итоговые данные. Кроме того, в письме М.К. Верецагина указывалось, что многие кости были погрызены собаками или шакалами).

ГЛАВА II. ПОГРЕБЕНИЯ.

2.1. Фальшивый Геленджик (Дивноморское) (ГКМ-1151). В сентябре 1955 г. при проведении плантажной распашки на севере Фальшивого Геленджика (рис. 24, 25) под виноградник были обнаружены четыре погребения, исследование которых проводил сотрудник Геленджикского музея Д.Е. Щеглов. Все погребения имели каменные ящики, однако повреждения от плантажных работ не позволили исследовать конструкции *in situ*. Три могилы оказались разграбленными. Погребение №4 также было повреждено, но тракторист В.А. Лисункин и охранник виноградника собрали найденный там материал и передали его в музей. При обнаружении погребения «плантажным плугом (тракторист) приподнял наверх большую плиту, более двух метров длиной. На плите были кости человека. Под костяком небольшая тонкая плита, прикрывавшая углубление в большой плите. Площадь углубления, примерно, 40х40 см». (Щеглов, 1957, с. 27).

Среди находок, найденных в этом углублении, были два бронзовых наконечника копья. Один из них (рис. 26, 1) имеет перо лавролистной формы с округлым в сечении ребром жесткости, переходящим в цельнолитую конусовидную втулку. Длина изделия 15,5 см, длина пера 7,5 см, ширина в наибольшей части 2,8 см; отверстие для крепления на втулке симметричное на высоте трех сантиметров. Втулка у основания ромбовидная, нижняя часть деформирована. Такой наконечник по классификации В.И. Козенковой типологически наиболее близок к 1 отделу 1 типа, датируется весьма широко от XIII – IX вв. до н.э. (клад из ст. Упорная) до V в. до н.э.; но в эту классификацию включены как бронзовые, так и железные наконечники (Козенкова, 1995, с. 35). Такие находки не характерны для памятников, расположенных в прибрежной зоне. Наиболее близкая находка аналогичного копья известна по подъемному материалу возле ст. Крымская (Иессен, 1951, с. 112, рис. 49, 2), а также семь (один из них фрагментирован) лавролистных наконечников происходят из кургана 2 могильника Холмский 1 (Василиненко и др. 1993, с. 22-23, рис. IX, 1-8).

Второй наконечник (рис. 26, 2) имеет остролистное перо с ромбовидным в сечении ребром жесткости, переходящим в литую конусовидную втулку. Длина изделия 14,5 см, длина пера 7,7 см, ширина в наибольшей части 3,3 см, отверстие для крепления на втулке симметричное на высоте

1,7 см. Относится ко 2 отделу 1 типа и датируется весьма широко XIII – нач. VII вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 39). К ближайшим аналогиям можно отнести бронзовые наконечники из случайных находок на р. Адерба (Иессен, 1951, с. 113, рис. 50, 2, 6) и два копья из Геленджикских каменных гробниц (к. 8 – 2 гр.; к. 2 – 3 гр.) (Аханов, 1961а, с. 145, рис. 4, 1, 6).

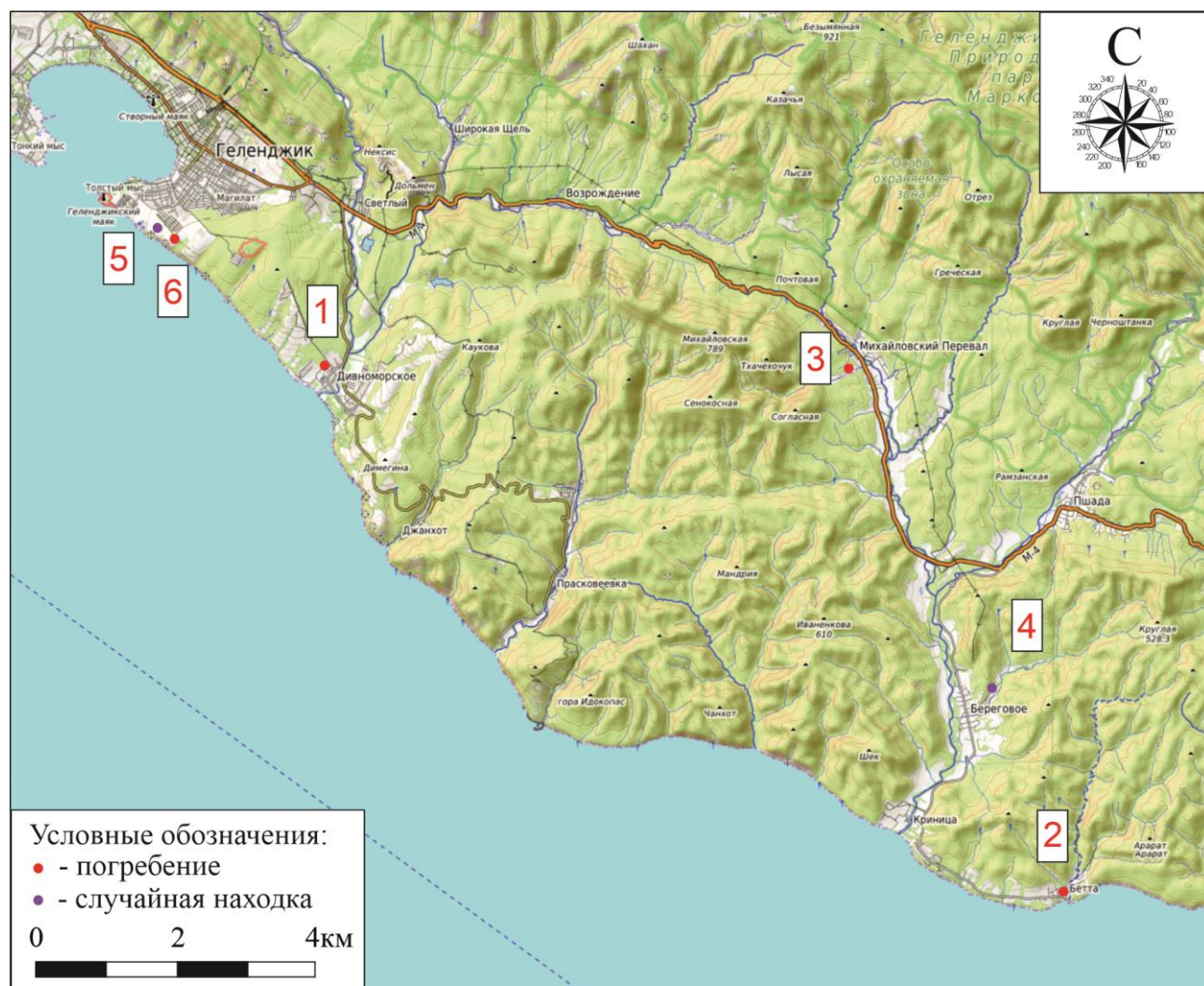

Рис. 24. Карта расположения погребений. 1 - мог-к Фальшивый Геленджик; 2 - дольмен Бетта; 3 - погребение Михайловский перевал; 4 - Береговое; 5 - Толстый мыс; 6 - Геленджикский мог-к.

Детали упряжи в первую очередь представлены четырьмя литыми бронзовыми бляхами. Три из них (рис. 26, 5) диаметром 5 см. Характерной особенностью этих изделий является орнамент в виде двух concentрических кругов, вписанных один в другой, шириной около 0,3 см, разделенных прямыми линиями, направленными к центру и формирующими квадраты по окружности. Четвертая бляха неорнаментированная, диаметром 3,5 см

(подробнее такие бляхи будут рассмотрены ниже). Помимо блях, в комплексе присутствуют гладкая литая лунница в виде птичьих голов (рис. 26, 10), а также два бронзовых литых наконечника ремня в виде обоймы округло-конической формы и выделенной основой, которая имеет сквозное отверстие для крепления шпенька у основания (рис. 26, 6). В.И. Козенкова считает подобные изделия ворворками, по ее классификации данная находка относится к 1 типу и датируется VIII – VII вв. до н.э. и даже более поздним временем (Козенкова, 2013, с. 114).

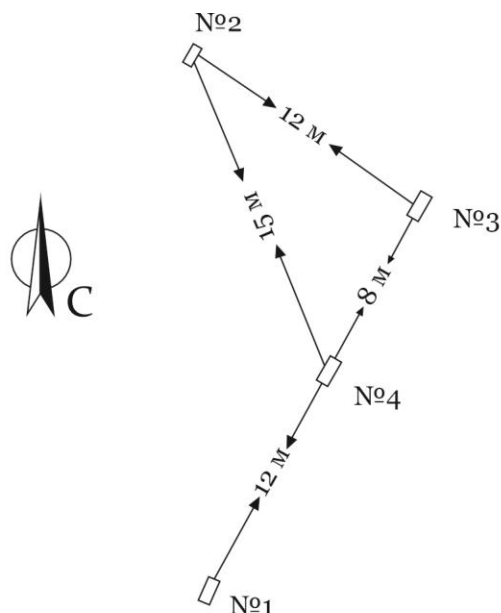

Рис. 25. План-схема погребений мог-ка Фальшивый Геленджик (по Щеглов, 1957).

Особый интерес вызывают две бронзовые литые поясные обоймы (рис. 26, 3-4), одна из них конусовидная, окаймленная тройным желобком, вторая в форме полукруга. Прямых аналогий им на данный момент не известно, но подобные обоймы или пряжки 1 типа по классификации В.И. Козенковой появились в кобанской культуре в XIII – XII вв. до н.э., а в X – VIII вв. до н.э. они были значительно распространены на территории Колхиды (Козенкова, 2013, с. 74-76). В Закубанье две обоймы были найдены на могильнике Холмский 1 к. 2, авторы атрибуциировали данные находки как бляхи-лунницы (Василиненко и др. 1993, с. 24, рис. XII, 16-17). Находки из погребения Фальшивого Геленджика имеют ряд серьезных отличий. Первое из них это выделяющаяся тыловая часть с отверстием для входа ремня. Подобные отверстия, но без выделения, известны только в могильнике Холмске 1, на Кавказе же крепление осуществлялась к петлям. Вто-

рое отличие заключается в том, что на кобанских и колхидских находках в передней части обоймы имелся крюк. В изделии из Холмского могильника он не присутствует, а вместо крюка имелась петелька, на основании этого можно прийти к выводу о том, что их функциональное назначение жесткая фиксация оконечности ремня. Третье отличие – отсутствие орнаментации в виде валют или трискелей, характерных для подобных изделий.

Рис. 26. Материалы погребения №4 мог-ка Фальшивый Геленджик: 1-2 - копья; 3-4 - поясные обоймы; 5 - бляха; 6 - ворворка; 7-8 - височные кольца; 9 - обойма; 10 - лунница; 11 - нож; 12 - оселок. 1-10 - бронза, 11 - железо, 12 - камень.

Бронзовая литая обойма (рис. 26, 9) с навершием в виде кольца. Основание трапецевидной формы. Обойма окаймлена в верхней и нижней части валиками. В нижней части имеется сквозное отверстие для крепления шпенька, немного смещенное в сторону от центральной оси. Обоймы с навершием в виде кольца появляются на Кавказе в XI – X вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 111), в Закубанье они известны в Ястребовском могильнике, со сборов на могильнике в долине р. Сукко и к.10 Ульского могильника, где обойма являлась частью уздечного набора, датируемого 1-й половиной VI в. до н.э. (Эрлих, 2005, с. 302). Различно трактуемые специалистами с точки зрения функционального назначения (по А.И. Тереножкину, это обоймы для кисти, по В.И. Козенковой – обоймы для поводка, по О.Р. Дубовской – навершия рукояти нагайки), эти изделия имеют степные и лесостепные аналогии конца VIII – 1-й половины VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 265-266). А.М. Новичихин, в свою очередь, считает их навершиями ножен

(Новичихин, 2006, с. 50). Следует также упомянуть еще об одной находке. На некрополе Артющенко-2 в погребении 32, датированном второй четвертью – первой третью V в. до н.э., был найден акинак с надетым на рукоять бронзовым навершием с кольцом (Ворошилов, Кашаев, 2010, с. 70, 77). Скорее всего, правы все исследователи учитывая, что размеры обоймы различны на разных памятниках, наиболее вероятно, что однотипные навершия производились в зависимости от желания использования их заказчиком.

Также среди находок был железный нож с горбинкой на обухе, длиной 11 см (рис. 26, 11), бронзовые колечки из тонкой проволоки (рис. 26, 7-8), оселок прямоугольной формы размерами 10х2,7х1,4 см с немного суженными концами и отверстием диаметром 0,5 см с одного края (рис. 26, 12) (Щеглов, 1957, с. 31).

Среди несохранившихся, но указанных в описи предметов были фрагмент лезвия железного топора и кусок согнутой железной проволоки диаметром 0,8 см размерами 4х4,2 см. Оба предмета были списаны из-за плохой сохранности (Щеглов, 1957, с. 31).

Определяющим материалом для погребения являются копье с остролистым пером и наконечники ремня, которые позволяют его датировать VIII – началом VII в. до н.э.

Также в отчете указывалось, что на территории террасы, помимо четырех исследованных погребений, располагалась группа курганов, часть из которых полуразрушена. Поскольку территория должна была попасть в зону хозяйственного освоения, то Д.Е. Щеглов рекомендовал исследовать их путем раскопок, в ближайших планах музея было проведение топосъемки участка. (Щеглов, 1957, с. 31-33). Однако, судя по отсутствию какой-либо информации о проведении этих работ, можно предположить, что курганы были уничтожены плантажем.

2.2. Михайловский Перевал (ГКМ-1556). В июле 1958 г. Д.Е. Щеглов доследовал разрушенное погребение на территории совхоза Михайловский Перевал, на участке Верхняя Поляна. Отчет о проведении раскопок обнаружить не удалось, известна лишь опись находок, в которой было указано, что тип погребения представлял собой подкурганый дольмен.

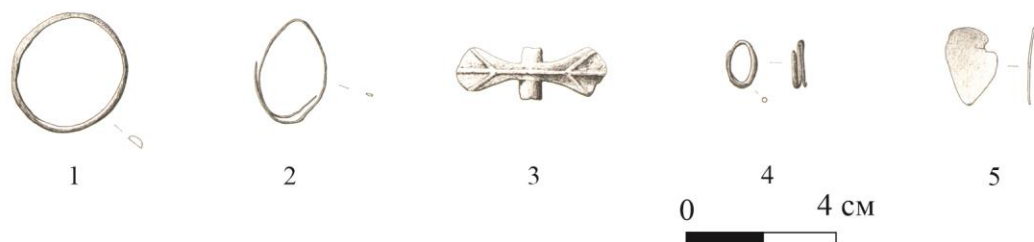

Рис. 27. Материал погребения Михайловский перевал: 1 - кольцо; 2 - браслет; 3 - привеска «лабрис-вотив»; 4 - височная подвеска; 5 - пластина. 1-4 - бронза, 5 - железо.

Всего было найдено пять предметов. Бронзовое кольцо диаметром 6,4 см, в поперечном сечении полуовальное, с местами еле читаемым ребром по центру кольца, с одного края имеется небольшой шишковидный нарост (рис. 27, 1). Такие находки интерпретируются как деталь колесничных наборов. Кольца такого типа не известны на территории Северо-Западного Кавказа, они распространены в лесостепных памятниках Бутенки, Квитки, Олышана, а также степном кладе у с. Преображенное (Эрлих, 2005, с. 313). Эти погребения А.И. Иванчик датировал не позднее середины VIII в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 125). К такому же выводу пришла М.Н. Дараган, соотнеся их с горизонтом Жаботин Ib (Дараган, 2011, с. 764).

Бронзовый браслет (рис. 27, 2) пластинчатый из тонкого гладкого листа бронзы, концы заходят друг за друга. Его можно соотнести с типом XXV, точные аналогии В.И. Козенковой не известны и найдены всего в трех погребениях могильника Каррас и одного погребения в Домбае (р. Алибек), и поэтому ей указывалось, что датироваться они должны по сопутствующему материалу. В погребениях самой кобанской культуры они известны в пределах VI – III вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 57).

Бронзовая литая привеска – лабрис-вотив (рис. 27, 3), выполнена в форме симметричных ромбовидных оконечностей, шириной 8 см, орнаментирована горизонтальным валиком, расходящимся под острым углом в три стороны по краям привески, перпендикулярно ей расположена цилиндрическая трубка со сквозным каналом, высотой 3 см. Бронзовые привески в

виде птицы, расправившей крылья, известны на Центральном Кавказе в погребениях Фаскау и Адайдонского могильника (XIV – X вв. до н.э.) (Козенкова, 2013, с. 75, рис. 35, 6), известны они так же на памятнике Верхняя Рухта (конец II – рубеж II – I тыс. до н.э.). А.П. Мошинский интерпретировал подвески не только как изображение птиц в полете, но видел в них также изображение двойной секиры, причем придавал этой интерпретации приоритетное значение как культовому, сакральному по назначению (Козенкова, 2017, с. 29-30). Интересны находки бронзовых блях бабочковидной формы со сквозным каналом, проходящим перпендикулярно бляхе, на памятнике Хасанлу IVB в Иране и хорошо датированных слоем разрушения, самым концом IX в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 214, рис. 105). Там удалось реконструировать способ расположения блях данного типа друг относительно друга, они украшали голову лошади, плотно нанизывались на ремни занимая все пространство между круглыми бляхами начинаясь от наносного и доходя до конца налобного ремня. Другим регионом, где они представлены более массово являются Балканы. Появляются они на территории Греции еще в конце периода LBA, где использовались в погребениях как поясные наборы у женщин, возможно жриц, а с X в. до н.э. они начинают проникать на север Балканского полуострова, где к VIII – VII вв. до н.э. получают наибольшее распространение (Mitrevski, 2006, p. 89). В Северном Причерноморье они известны в комплексе 2-й половины VII в. до н.э. Репяховатая Могила п. 1 (Дараган, 2010, с. 105).

Реконструкция поясного набора показывает, что привески нанизывались одна к другой, а если цилиндрических трубок не было, то пространство между ними заполнялось бусами. Следует сказать, что хоть найденная привеска морфологически не имеет прямых аналогий, все же к балканским прототипам она наиболее близка и, как мы увидели выше, могла использоваться в зависимости от желания владельца. Вполне возможно, что в единичном экземпляре подобные изделия могли быть и кулонами.

Помимо бронзовых изделий, есть похожие костяные бляхи предскифского времени в виде двух полуovalов, разделенных прямоугольником, но имевшие различные по размерам отверстия для ремней на полуovalах. Они имеют довольно широкое географическое распространение. В Закубанье это прежде всего находка роговой бляхи из п. 83 могильника Пшиш-1 (Эрлих, 2005, с. 290-291). Также они найдены в Жерноклеевском кургане 6,

п. 9 и кургане Стрижена могила. Помимо этого, они известны на Кобанском могильнике п. 31 и в кургане Аржан камера 26. (Иванчик, 2001, с. 214, рис. 105). Главной особенностью таких изделий является то, что прямоугольник, разделяющий бляху на две части, носит исключительно декоративный характер.

Бронзовая височная подвеска (рис. 27, 4) овальной формы в 1,5 оборота из тонкого круглого в сечении прута. Диаметр изделия 2,5 см, диаметр стержня 0,2 см. Такие подвески в значительном количестве представлены на памятниках Северо-Западного Кавказа (Эрлих, 2005, с. 352-353). Привески данного типа были распространены и на всей территории ареала кобанской культуры, относятся они ко 2 типу по классификации В.И. Козенковой и датируются они с рубежа II – I тыс. до н.э. до VII – VI вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 35).

Найденная железная кованая тонкая пластина (рис. 27, 5) высотой 4,1 см, треугольной формы со скругленными краями функционально не совсем понятна. Вполне возможно, что она выполняла функцию вставки, потому что какие-либо крепления отсутствуют. С другой стороны, можно предположить, что крепление могло располагаться со стороны обломанного угла.

Вещевой материал, представленный в коллекции, не может дать нам надежной датировки, единственным предметом, который может быть определяющим в вопросе хронологии погребения является кольцо упряжи колесницы. Поэтому можно говорить о том, что погребение Михайловский Перевал датируется не позднее середины VIII в. до н.э.

2.3. Дольмен Бетта (ГКМ-977). В сентябре 1953 г. И.И. Аханов проводил раскопки погребения (в музейной описи указано дольмена) на территории дома отдыха «Бетта». Отчет о проведении раскопок обнаружить не удалось, поэтому нет информации о конструкции погребения и обряде, однако хранящийся в музее материал достаточно интересен.

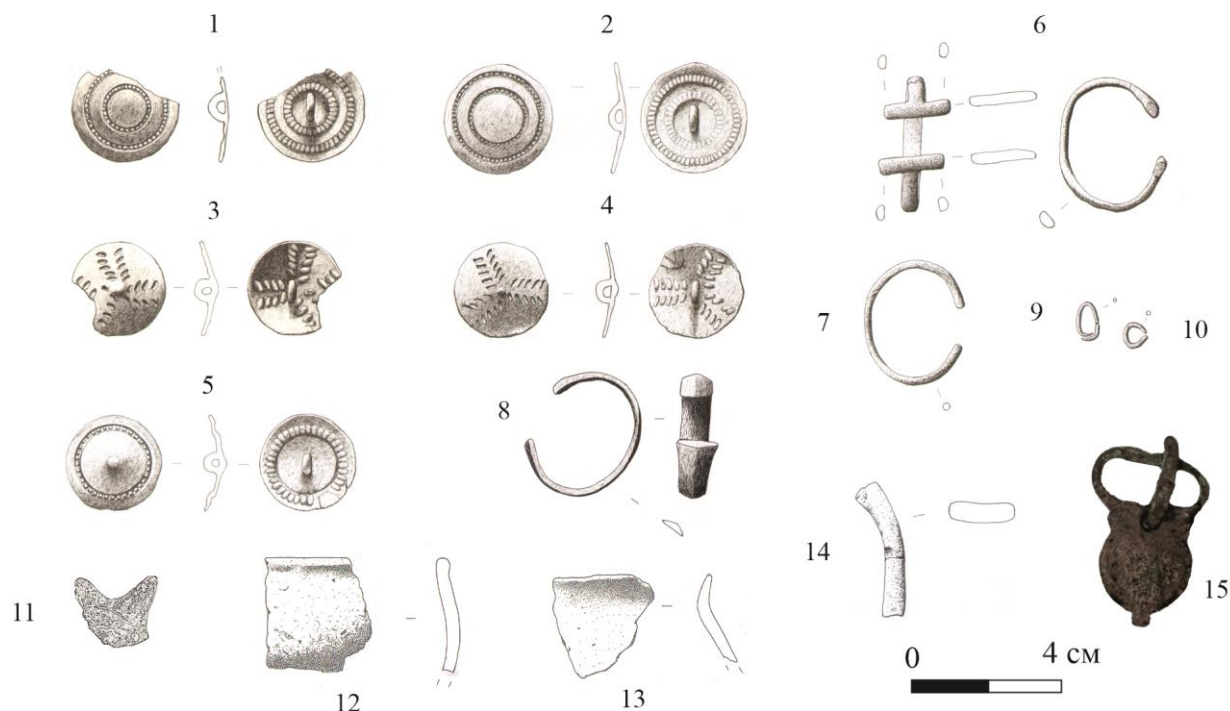

Рис. 28. Материалы погребения в дольмене Бетта: 1-5 - бляхи; 6-8 - браслеты; 9-10 - височные кольца; 11 - роговидное навершие ручки черпака; 12-13 - венчики лепных сосудов; 14 - фрагмент ручки; 15 - бронзовая пряжка. 1-10, 15 - бронза, 11-14 - глина.

Среди пяти найденных в погребении литых бронзовых блях мы имеем две пары изделий с одинаковым декором с елочным орнаментом (рис. 28, 3-4), сходящимся с трех равноудаленных направлений к центру и с умбоном в центральной части, а также с двумя concentric circles, вписанными один в другой (рис. 28, 1-2). Последние аналогичны найденной в погребении Фальшивый Геленджик. Также близка к ним по стилю орнаментации бляха, имеющая один орнаментированный круг, но украшенная умбоном в центральной части (рис. 28, 5). У всех найденных экземпляров имелась небольшая петелька с тыльной стороны. На территории Северного Причерноморья нам не удалось обнаружить блях с аналогичным орнаментом, а экземпляры с concentric circles встречены только в Абинском могильнике к.1 п. 4 и в виде случайной находки в районе г. Новороссийска, т.е. концентрируются только на Северо-Западном

Кавказе. К сожалению, погребение 4 не имеет хороших хронологических индикаторов, и нам придется использовать общую датировку памятника. По мнению С.Л. Дударева, все погребения были совершены в короткий период 2-й половины VIII – начала VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 265). Стоит только заметить, что сопутствующие подобному металлическому инвентарю глубокие черпаки со слабовыраженным профилем и отростком на ручке известны в горизонте Жаботин III и датируются концом VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. (Дараган, 2011, с. 535, рис. IV, 6, 14, 17-18). В принципе, тут нет противоречий и можно только говорить о возможном смещении верхней хронологической границы памятника.

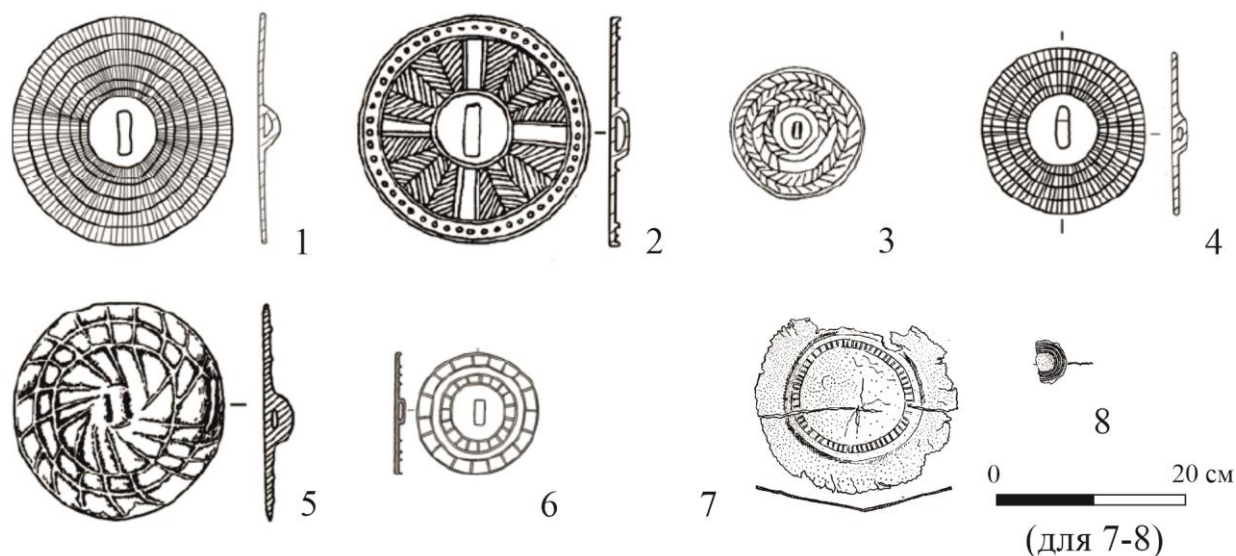

Рис. 29. Бронзовые бляхи (зеркала). 1-3 - погребение Фу Хао (Северный Китай); 4 - мог-к Тяньшаньбейлу (Синьцзянь); 5-6 - мог-к Мохачан (Синьцзянь); 7-8 находки из музея г. Клуж-Напока (Румыния). 1-8 - бронза. 1-6 (по Shulga, Shulga, 2020); 7-8 (по Petrescu-Dimbovita, 1977).

Подобный орнамент на бляхах или зеркалах становится известен на памятниках Южной Сибири в конце позднебронзового века. В XIII – XI вв. до н.э. южносибирские импорты будут известны на территории Китая (рис. 29, 1-4). В IX – VIII вв. до н.э. концентрические круги наносятся с интервалом, как и на бляхах Северо-Западного Кавказа (рис. 29, 5-6) (Shulga, Shulga, 2020, fig. 9). Так же аналогиями, где однотипность орнаментальной традиции несомненна, могут служить бляхи из музея г. Клуж-Напока в Румынии. Из хранящихся там двух блях одна имеет единственное концентрическое кольцо, вторая два, вписанных одно в другое. В работе М. Петреску-Димбовита, где были приведены находки, нет точных датировок и

привязок к памятнику, он лишь публиковал бронзовые изделия, хранящиеся в музеях Румынии, и включил бляхи в блок находок XII – VIII вв. до н.э. (рис. 29, 7-8) (Petrescu-Dimbovita, 1977, p. 115, Pl. 242, 7; 243, 7).

Литые бронзовые браслеты, пять экземпляров. Два однотипных браслета диаметром 6,5 см (рис. 28, 7) представляют собой круглый в сечении прут диаметром 0,5 см, концы разомкнуты. Подобные браслеты отнесены В.И. Козенковой к XI типу, самые ранние известны на Эшкаковском могильнике (X – VIII вв. до н.э.), но наибольшее распространение получили в скифский период. (Козенкова, 1998, с. 53). Третий браслет диаметром 7,1 см (рис. 28, 6) изготовлен из полуовального в сечении прута; концы его разомкнуты и имеют «т»-образные окончания перпендикулярно оси длиной 3,5 см. Похожий на него браслет, только из массивного круглого в сечении прута, диаметр стержня которого составляет 1,5 см, а длина «т»-образующих стержней, слитых с концами браслета перпендикулярно его плоскости 5,3 см, был найден в Абхазии у пос. Хабью. Ю.Н. Воронов не дает аналогий и датировки этой находке, но все же указал ее в списке предметов бронзового века. (Воронов, 2009, с. 46). Еще один целый и один обломок браслета изготовлены из подтреугольного в поперечном сечении прута с обрубленными, несомкнутыми краями, имеющими расширение, диаметр целого браслета 6,7 см (рис. 28, 8). Последние отнесены к XVI типу по классификации В.И. Козенковой. Их появление исследователь отмечает в центральной группе кобанской культуры еще в XIV – XIII вв. до н.э., но наибольшее распространение они получают в западном ее варианте в XI – X вв. до н.э. и продолжают там существовать еще в начале I тыс. до н.э. Помимо этого, В.И. Козенкова отметила, что на Кубани они найдены в более позднее, чем в кобанской культуре, время в погребениях Николаевского могильника (Козенкова, 1998, с. 54). Следует сказать, что подобные браслеты имеются среди могильников VIII – VII вв. до н. э.: Геленджика, Большие Хутора, Атмачева щель, Абинском, Холмском и в числе случайных находок из окрестностей ст. Раевской. Находки аналогичных браслетов за пределами Западного Закубанья редки. Можно назвать лишь экземпляры из погребений могильников Фарс/Клады и Ясеновая поляна на Средней Кубани (Новичихин, 2006, с. 65), что также косвенно свидетельствует о более позднем времени их существования на Северо-Западном Кавказе, чем на памятниках кобанской культуры.

Также среди изделий из бронзы были два височных кольца. Первое диаметром 1,2 см, круглое в сечении, с несомкнутыми краями (рис. 28, 10). Второе овальной формы диаметром 2 см, с заостренными краями, заведенными друг за друга (рис. 28, 9).

Лепная керамика представлена обломком уплощенной в сечении ручки сосуда из глины черного цвета с включениями слюды, высотой 7 см и шириной 3,2 см (рис. 28, 14), фрагментом ручки черпака с роговидным навершием черного цвета с включениями частиц слюды с высотой отростков 1,5 см (рис. 28, 11), фрагментами вертикального венчика со скругленным краем темно-желтого цвета (реконструируемый диаметр 12 см) (рис. 28, 12) и обломком сосуда, имеющего выступающий венчик также темно-желтого цвета, диаметр которого не удалось реконструировать (рис. 28, 13). Также было найдено пряслице конической формы из мела, высотой 1,8 см, шириной у основания 2,2 см.

На фрагменте ручки с роговидным навершием необходимо остановиться подробнее, потому что генезис и хронология этого типа посуды недостаточно отображены в научной литературе. Такие навершия Л.К. Галанина считала инновацией для Кубани и полагала, что происходят они от бронзовых ситул со звериными ушками на ручках, В.И. Козенкова указывала, что бронзовые ситулы производились на территории западного варианта кобанской культуры и относятся VIII в. и, возможно, захватывают рубеж VIII – VII вв. до н.э., а попадание в более поздние комплексы она объяснила продолжительностью их использования и в качестве подтверждения указала на многочисленные следы починки (Козенкова, 2013, с. 32). Появление роговидных ручек для Закубанья Л.К. Галанина датировала не позднее середины VII в. до н.э., в последующее раннескифское время они становятся характерными и для правобережья Кубани (Галанина, 1989, с. 80-81). Нахождение же роговидных наверший черпаков в памятниках Клады к. 46, Хаджох к. 1 п. 2, Псекупский могильник п. 130 и Кочипэ п. 33 относит бытование черпаков в период новочеркасской «классики» последняя четверть VIII в. – первая четверть VII в. до н.э. (Дударев, 1999, с. 270, 287), так что версия Л.К. Галаниной о происхождении их от ситул не утратила своей актуальности.

Для рассмотрения верхней хронологической границы бытования подобных изделий необходимо обратиться к исследованию погребений, про-

веденному Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, которые датировали существование таких черпаков рамками VI в. до н.э. Основой для датирования погребений с черпаками, имевшими роговидные навершия (СК-2 п. 120з, п. 346з, УЛ-2-1937 п. 18, УЛ-2-1938 п. 38, 39, Л-2-1980 п. 37) 1-й половиной – серединой VI в. до н.э., по их мнению, является взаимовстречаемость с черпаками-кружками типа I-II, черпаками-кувшинчиками типа III – А-В и мисками типа III, по типологии Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2012, с. 19, 42), в погребении Л-2-1980 п. 65, где было найдено бронзовое зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой-кружком с изображением многолучевой розетки, I класса, I отдела, II типа, варианта 3 по классификации Т.М. Кузнецовой (Кузнецова, 2002, с. 64). На этой находке необходимо остановиться подробнее.

Нам известно нахождение таких зеркал на территории Кавказа (Минераловодский, Каменноостровский и Каррасский могильники, Раевское городище), лесостепи (группа Роменских курганов), Румынии (могильник Мэришелу) и находок на о. Самос, и все они, за исключением Мэришелу к. 5 и погребения в кургане Чеснок, происходят из разрушенных погребений или из разрушенных древних слоев, как на Раевском городище (Малышев, 2010, с. 178) и не могут служить в качестве датирующих маркеров. Несмотря на то, что Т. Бадер отнес погребение Мэришелу, правда, с некоторой условностью, к 1-й половине VII в. до н.э. (рис. 30) (Bader, 1983, s. 90, Taf. 59B), Т.М. Кузнецова указала на то, что наконечники стрел, встреченные в этом погребении, относятся к рубежу VII – VI вв. до н.э., на основании чего и отнесла его к 1-й половине VI в. до н.э. (Кузнецова, 2002, с. 64). Нахождение там трех бронзовых наконечников стрел, два из которых двухлопастные лавролистной и остролистой формы с шипом (рис. 30, 10-11), находят соответствие с отделом I, типом 2, вариантом 2 по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 28, табл. V), самые ранние находки которых известны из материалов Мельгуновского кургана и относятся к 1-й половине VII в. до н.э., что подтверждает датировку Т. Бадера; так же они известны и в погребении Старшая Могила, относящейся ко 2-й половине VII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 629, 767). В свою очередь, трёхлопастной наконечник (рис. 30, 9), относящийся к отделу II, типа 4, варианта 2 (Мелюкова, 1964, с. 28, табл. V), известен еще с 1-й половины VIII в. до н.э. из матери-

алов курганов Енджи в Болгарии и Гумарово к. 1 п. 3 в Южном Приуралье. Такой наконечник представлен и на памятнике Малая Офирна датированного 1-й половиной VII в. до н.э. (Дараган, 2015, с. 142, 147, ил. 8, 11; Иванчик, 2001, с. 202, рис. 96, 6-7). Таким образом, у нас нет оснований усомниться в датировке, данной Т. Бадером. Что касается погребения в кургане Чеснок, исследованного Д.Я. Самоквасовым в 1881 г. (рис. 31), то В.И. Козенкова датировала это погребение 2-й половиной VI в. до н.э., ссылаясь на устные консультации с Т.М. Кузнецовой (Козенкова, 1998, с. 85). В итоге мы видим, что такие зеркала имеют широкий хронологический разброс, около 150 лет, и не могут служить надежными индикаторами 1-й половины – середины VI в. до н.э.

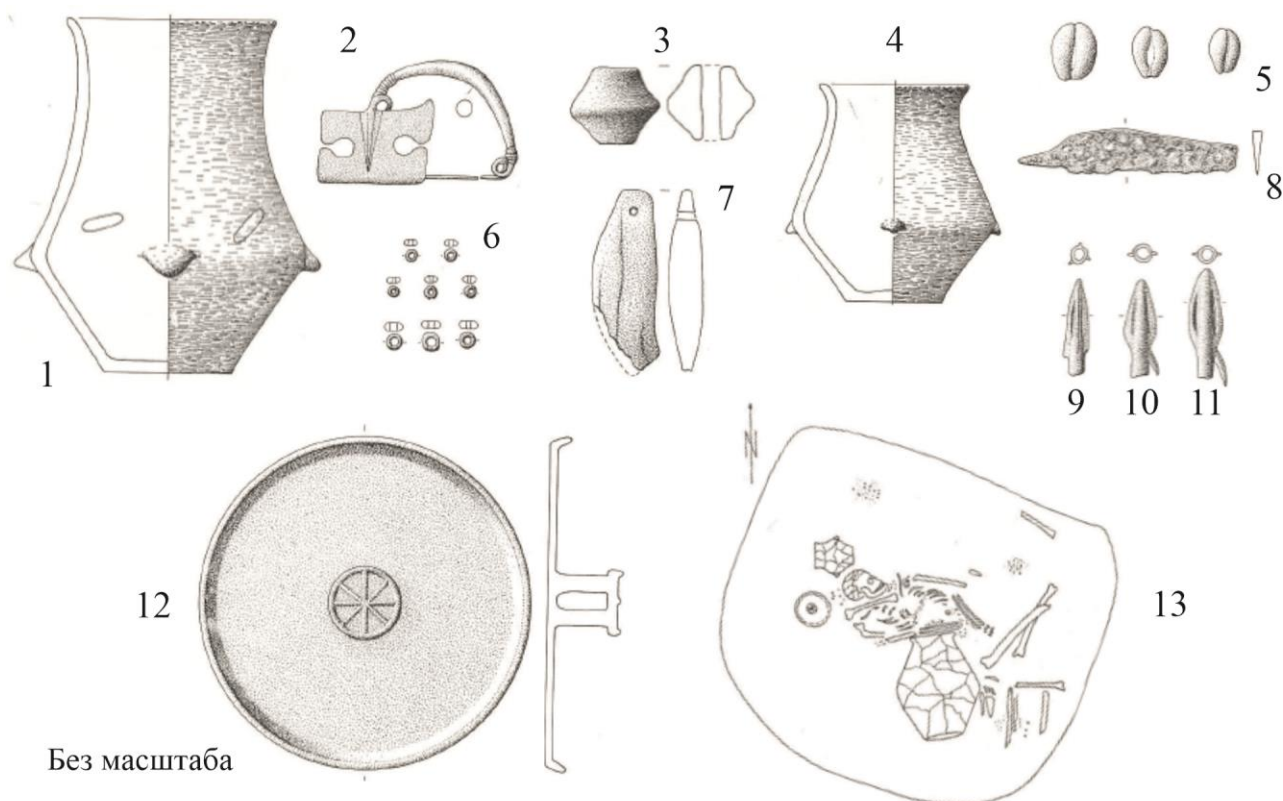

Рис. 30. Материалы погребения Мэришелу к. 5. 1, 4 - керамические сосуды; 2 - фибула; 3 - пряслице; 5 - ракушки каури; 6 - бусины; 7 - бронзовый предмет; 8 - нож; 9-11 - наконечники стрел; 12 - зеркало; 13 - план погребения (по Bader, 1983).

Еще одним погребением с черпаком с роговидным навершием ручки, содержащим датирующий материал, является погребение 2 у х. Ленина. На основании нахождения 19 наконечников стрел, автор раскопок В.Н. Каминский отнес погребение ко 2-й половине VII – началу VI вв. до н.э., позже Л.К. Галанина ограничила датировку лишь 2-й половиной VII в. до

н.э. Иную позицию заняли Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко. На основании того, что в данном колчанном наборе, помимо наконечников, имеющих аналогии в келермесских погребениях, присутствовал трехлопастной железный наконечник с выделенной втулкой, аналогии которому известны в п. 48 к. 15 Уляпского могильника, датированного серединой VI в. до н.э., авторы пришли к выводу о том, что набор из п.2 у х. Ленина занимает промежуточное положение между позднекелермесскими наборами и стрелами из уляпского комплекса и должен датироваться рубежом VII – VI вв. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012, с. 55).

Если рассмотреть такие железные наконечники в более широких географических рамках, то мы увидим, что самая ранняя находка трехлопастной стрелы была обнаружена в погребении Константиновка №376 (Ильина, 1973, с. 17, рис. 8) и соотносится с горизонтами Жаботин Ib – Жаботин II конец 1-й половины – 2-я половина VIII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 551). В более позднее время они встречаются чаще, например, на Поповка к. 8 (середина VII в. до н.э.) (Шрамко, 2016, с. 593), Гладковщина к. 4 п. 1 (последняя четверть VII – возможно, рубеж VII – VI вв. до н. э.) (Дараган, 2015, с. 71), Хапры к. 1 п. 25 (кон. VII – 1-я половина VI вв. до н.э.) и Бушуйка к. 2 п. 10 (1-я половина VI в. до н.э.) (Рябкова, 2003, с. 111). На Кавказе появление таких наконечников В.И. Козенкова относит к VI в. до н.э., а в начале IV в. до н.э. они уже становятся доминирующими в колчаных наборах (Козенкова, 1995, с. 23). Подводя итоги краткому рассмотрению нахождения аналогичных железных трехлопастных наконечников стрел, можно поставить под сомнение целесообразность сдвига датировки Л-1980 п. 2 на основании всего лишь одного погребения, поскольку временной диапазон их существования достаточно велик, то быть датирующим материалом они не могут и должны рассматриваться только в рамках сопутствующего материала. Поэтому мы предлагаем рассматривать данное погребение в рамках, предложенных Л.К. Галаниной, т.е. 2-й половиной VII в. до н.э.

Из приведенного выше рассмотрения погребений Л-2-1980 п. 65 и Л-1980 п. 2 можно заключить, что только погребение 2 имеет узкую дату. Помимо этого погребения на Кубани известен еще один комплекс, содержащий интересующий нас черпак, это п. 14, к. 11 у ст. Раздольной, которое датируется по сопутствующему материалу серединой VII в. до н.э. (Рябко-

ва, 2003, с. 139). Таким образом, верхняя граница бытования черпаков с роговидными навершиями не заходит в VI в. до н.э.

Рис. 31. Материалы погребения кургана Чеснок. 1 - браслет; 2 - браслет со змеевидными головками; 3-4 - зеркало; 5 - нож; 6 - булавка; 7 - крышка; 8 - наконечники стрел; 9 - колечко; 10-12 - бусы. 1-4, 6, 8-9 - бронза; 5 - железо; 7 - глина; 10 - кость, глина, стекло; 11 - топаз, горный хрусталь; 12 - янтарь (по Самоквасов, 1887).

Как версию их происхождения можно рассмотреть и Закавказское влияние. Б.А. Куфтин говорил, что для памятников Западной Грузии характерны роговидные навершия, они являются массовым материалом на поселениях и могильниках, относящихся к колхидской культуре: Наохвату, Дабла-Гоми, Палури и датируемыми XII – VIII вв. до н.э. (Воронов, 2006, с. 51). Появление же их на Кавказе Б.А. Куфтин связывал с Северной Италией и Верхнем Подунавьем, где эта форма орнамента появляется еще в культурах шаровидных амфор (Triskova, 2015) и достигает наивысшего расцвета в культуре Террамар Северной Италии (XVII – XII вв. до н.э.). В качестве возможного пути проникновения на Кавказ он указал

Балканы и Малую Азию, но подчеркнул единичность таких находок для эпохи бронзы, массовое же распространение роговидных наверший в Малой Азии наступает только в эпоху Ахеменидов. Имея массовое распространение в Западной Грузии, они довольно слабо представлены в восточных регионах и Приморской Абхазии (Куфтин, 1950, с. 200, 225-227). Так, Ю.Н. Воронов указывает, что единичные находки ручек с роговидными навершиями известны на селище IX – VIII вв. до н.э. в верховьях Алексеевского ущелья, на поселении XII-VIII вв. до н.э. в северо-восточной части седловины у подножия северной вершины Сухумской горы и на поселении (или как позже было указано, одной из усадеб) у холма Мачара-2, датированного VIII – VII вв. до н.э. (Воронов, 2009, с. 61, 69-70, 334). Раскопки могильника Джантух в восточной Абхазии показали наличие таких ручек и в античное время (V – III вв. до н.э.). (Скаков, Джопуа, 2014, с. 103, рис. 3, 4). Учитывая нахождение таких ручек в Закубанье в погребениях конца VIII – VII вв. до н.э., можно предположить, что традиция такого украшения ручек могла быть заимствованной из Закавказья.

Помимо этого, необходимо указать еще один регион распространения таких черпаков – Карпаты. Ранние образцы известны в эпоху поздней бронзы культуры Гава, а в начале раннего железного века они являются доминирующим орнаментом ручек в Западной Подолии (Дараган, 2011, с. 407). Также они известны и западнее. В статье, посвященной генезису и хронологии черпаков с роговидными навершиями раннежелезного века К. Танко указывает, что на территории Великой Венгерской равнины они получают массовое распространение во 2-й половине VII – VI вв. до н.э. и продолжают существовать в более позднее время. Распространение их исследователь связал со скифским вторжением, поскольку в погребениях всегда сопутствующим был скифский материал, хотя как возможный прототип для керамических черпаков он указал на находки бронзовых чаш с аналогичными ручками, найденных в восточных Альпах уходящих в рубеж VIII-VII вв. до н.э. (Tanko, 2005, p. 154-155, 157).

Еще одним регионом, где были распространены подобные навершия, является Левобережная Днепровская Лесостепь. Находки ручек хорошо представлены на Западном Бельском городище в слоях, датированных VII – 1-й половиной VI вв. до н.э. (Шрамко, 2016, с. 243). В Нижнем Подонье нам известна всего одна находка из погребения Новоалександровка I к. 34,

п. 4, к сожалению, не имеющего надежных хронологических индикаторов (Рябкова, 2003, с. 340, рис. 47).

Учитывая, что керамика «фракийского» типа с геометрическим орнаментом распространяется в лесостепной и степной регионы начиная с IX и до середины VII вв. до н.э., чему было, к примеру, посвящено исследование И.В. Бруяко (Бруяко, 2005), то версия карпатского происхождения керамической традиции должна рассматриваться наравне с остальными. Тем более, что на Кубани известен керамический материал, относящийся к «фракийской» традиции, как, например, корчаги с сосцевидными прилепами (хотя происхождение этих корчаг имеет разные точки зрения), грибовидное навершие на ручке черпака из Геленджикских погребений и сосуд из погребения Нововеличковская II к. 3, п. 4, имеющий на тулове орнамент в виде заштрихованных квадратиков, расположенных в шахматном порядке (Эрлих, 2005, с. 153.; Аханов, 1961, с. 147, рис. 7; Рябкова, 2003, с. 315, рис. 22).

Завершая краткий обзор хронологии и генезиса черпаков с роговидным навершием, который, конечно, требует более детального исследования, мы лишь обозначили общую проблематику и возможные пути решения вопроса их появления на Северо-Западном Кавказе. Сложно сказать, какая из версий имеет приоритет, все они имеют свою аргументацию, но с уверенностью можно сказать только то, что такая орнаментация являлась модой, охвативший огромный регион, и Закубанье являлось лишь периферией, куда эта традиция пришла в последней четверти VIII – VII вв. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, из рассмотренного материала только навершие черпака могут быть определяющим в датировке погребения из Бетты. Как говорилось выше, датировка бляхи из Абинского могильника берется условно по общей хронологии памятника, а браслеты, хоть и присутствуют на Северо-Западном Кавказе в комплексах VIII – VII вв. до н.э., из-за хронологической и географической близости кобанских образцов не могут быть использованы для датирования. Поэтому по совокупности данных можно отнести погребение к последней четверти VIII – VII вв. до н.э.

Следует упомянуть, что в коллекции присутствует раннесредневековая пряжка типа Сиракузы (рис. 28, 15). Но учитывая, что весь остальной материал относится к раннежелезному веку и то, что не удалось найти отчета по раскопкам данного погребения, где было бы указано конкретное

местонахождение пряжки, можно считать ее попадание в комплекс (или коллекцию) случайным.

2.4. Геленджикский могильник (ГКМ-749, 801, 919, 934). Материалы могильника частично были опубликованы И.И. Ахановым (Аханов, 1961а), здесь мы так же сведем воедино ранее опубликованные находки и материалы из фондов музея относящиеся к этому памятнику.

Могильник был открыт французским археологом Дюбуа де Монпере в 1837 г. Изучая составленную им карту «Крепость Геленджик и ее окрестности», И.И. Аханов решил отыскать обозначенные на ней древние могилы. В 1949 г. был произведен осмотр могильника на Толстом мысу, показавший значительные разрушения курганов от грабительских раскопок.

В августе 1950 г. в музей обратилась сотрудница пионерского лагеря «Ростсельмаш» А.В. Звягинцева, передав сотрудникам бронзовый трехгранный наконечник стрелы, который, по ее словам, был найден на Толстом мысу пионерами. В дальнейшем выяснилось, что группа пионеров раскопала один из курганов с каменным ящиком, из которого были извлечены бронзовый нож или кинжал и два бронзовых наконечника стрел. При осмотре отвалов грабительской ямы, помимо человеческих костей была обнаружена раковина каури (Аханов, 1961а, с. 139).

В 1951-52 гг. сотрудниками музея проводились раскопочные работы на могильнике где было исследовано 31 погребение, 28 из которых формировали шесть групп и три отдельных погребения. И.И. Ахановым была составлена карта могильника, мы в свою очередь, для удобства, перенесли обозначенные им курганы на современный снимок (рис. 32). Каждая из групп курганов была растянута по линии с северо-запада на юго-восток, но нам кажется, что в данном случае выбор был обусловлен не традицией ориентирования по сторонам света, а расположением естественных возвышенностей. Берег Толстого мыса представляет собой высокий обрывистый скальный выступ, на прибрежной пологой террасе имеются возвышенности (гряды), сформированные скальными напластованиями и тянущиеся вдоль берега. На них и были сооружены древние курганы, что отличает от могильника Фальшивый Геленджик, где погребения располагались на ровной надпойменной террасе.

Из 28 погребений, относящихся к группам 24 оказались полностью или почти полностью разграбленными. Наиболее сохранившимися оказались п. 6 группы 2, п. 2 и 3 – третьей и п. 2 – четвертой, завалившиеся еще

в древности боковые стены ящиков этих погребений уберегли от разграбления часть инвентаря. Ниже мы приведем описание могил из текста научного отчета И.И. Аханова, иллюстрации, ранее опубликованные им в статье, дополнены рисунками из фондов музея (Аханов, 1954а; Аханов, 1961а).

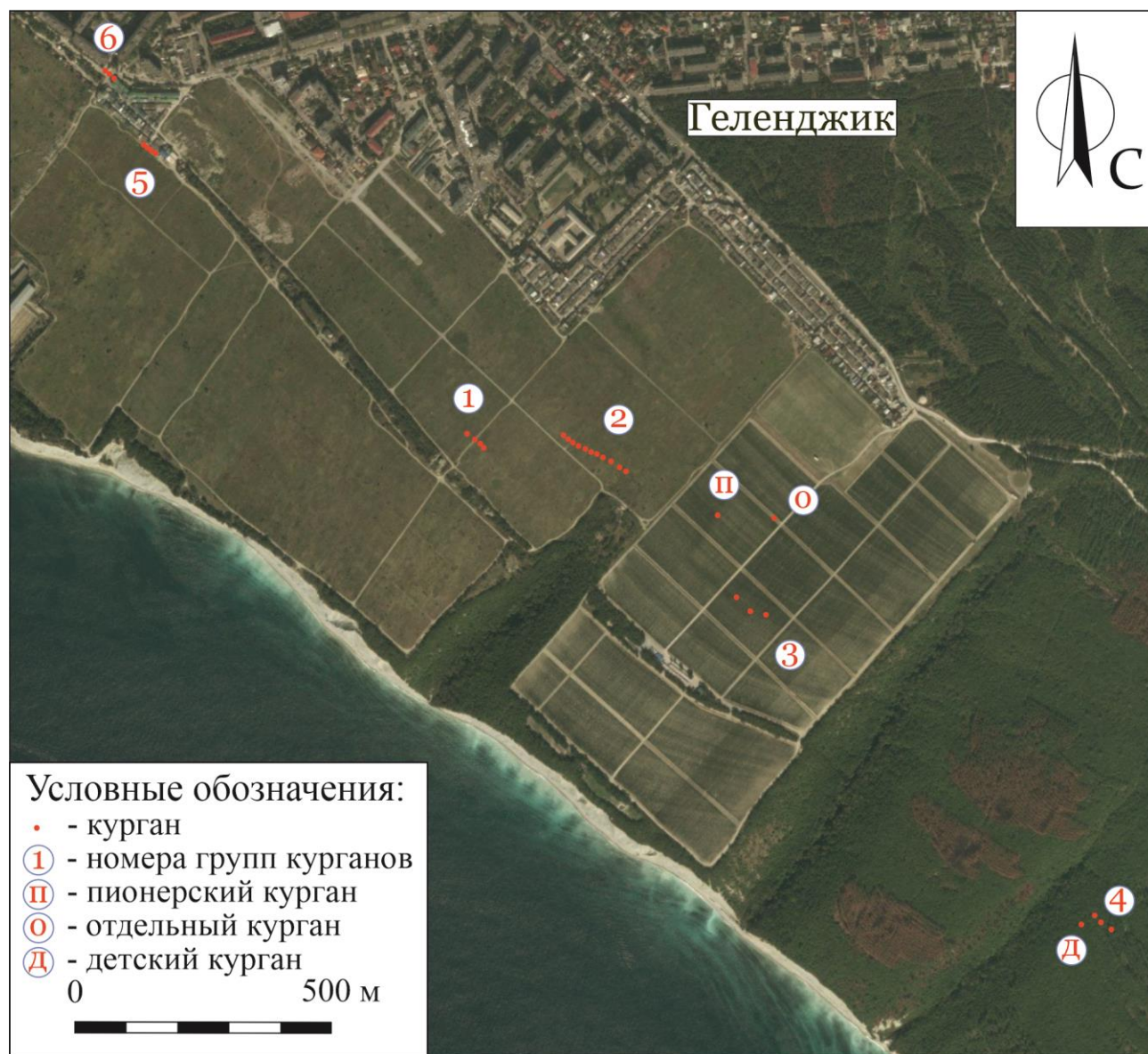

Рис. 32. Схема расположения погребений, исследованных в 1950-1952 гг. на Толстом мысу г. Геленджик. Составлена на основе карт И.И. Аханова (по Аханов, 1954а).

Группа 1. Из погребения 1 известны находки обломка колечка из сурьмы с продольным желобком вдоль окружности и с поперечным отверстием для крепления (рис. 33, 3), обломок медной спирали (в 2 витка) из узкой проволоки, отщеп черного кремня (рис. 33, 4), несколько фрагментов

сосуда из черной глины и проржавевшие остатки какого-то железного предмета.

Из погребения 2 происходят обломок костяного колечка, в сечении полуовальной формы, диаметром 6 мм и костяная палочка-застежка с проточкой в центральной части и сужающимися концами (рис. 33, 5). Такие застежки широко распространены на раннескифских памятниках Прикубанья и Подонья, известны они и на лесостепных памятниках, а самая ранняя находка происходит из могильника Аржан. Они служили как для застежки горитов, так и верхней одежды (Рябкова, 2012, с. 126, рис. 77).

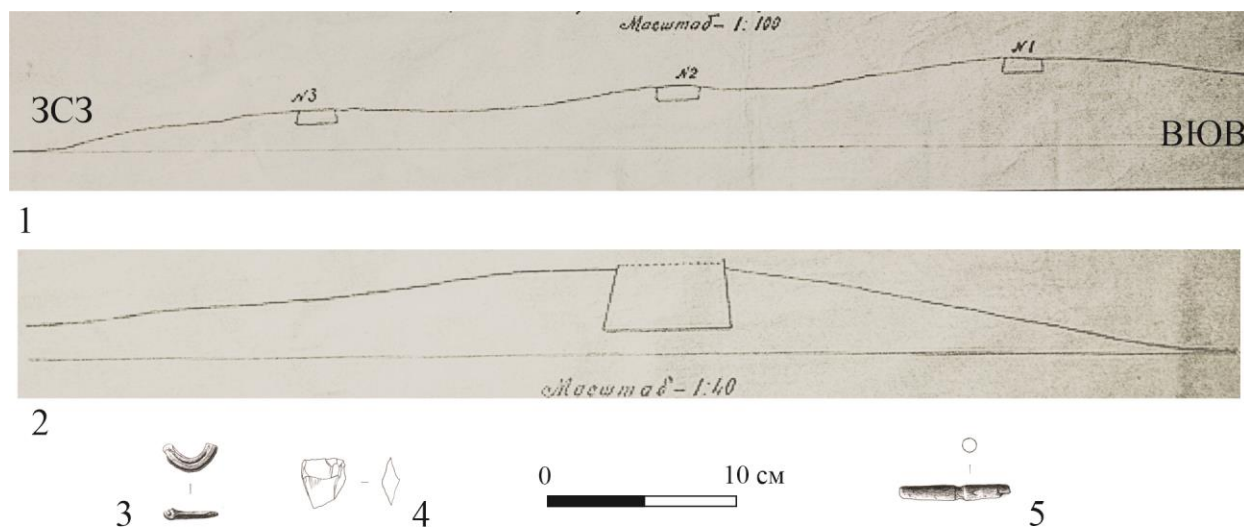

Рис. 33 - продольный профиль курганов 1 группы; 2 - профиль кургана 1. Материалы погребения 1: 3 - обломок колечка с продольным желобком и поперечным отверстием; 4 - отщеп черного кремня. 5 - застежка из погребения 2. 1 - сурьма, 2 - кремень, 3 - кость.

Группа 2. Погребения №№ 3-11 были сооружены на естественной возвышенности, 1 и 2 рядом, дополняя прямую линию погребений группы (рис. 34, 1).

Из погребения 1 известен только фрагмент сосуда желтовато-серой глины, а из следующего за ним погребения 2 небольшой слиток меди весом 15 г. В погребении 3 было найдено медное височное кольцо и кусочек сланца. Далее в погребении 5 были обнаружены фрагменты сосуда из черной глины и кусочек сланца.

Наибольший интерес вызывает погребение 6 (рис. 34), несмотря на попытки ограбления там сохранилось достаточно много инвентаря. В заполнении могилы перекопанного грабителями были найдены обломок стержня бронзовой булавки и пряслице из черной глины.

В левой части могилы, если считать от юго-западной стены с отверстием, обнаружены бронзовые изделия: два браслета, пуговица, бляха, обломки спиральных пронизок, обломки эллипсовидных колечек и два глиняных пряслица красного и черного цвета. Так же оттуда происходят три фрагмента венчика красноглиняного сосуда, выполненного на гончарном круге. В левом верхнем углу обнаружен бронзовый наконечник стрелы, пуговица и обойма так же из бронзы, обломок серповидной подвески.

В центральной части погребения найдены две большие бронзовые булавки, две иголки, бронзовый браслет, три бронзовых бляхи и отщеп кремня серого цвета. Ближе ко входу обнаружена гагатовая бусина, фрагмент пряслица из черной глины и две каплевидные бронзовые привески.

У правой стены – четыре бронзовых бляхи, бронзовый браслет и фрагменты бронзовых спиралевидных пронизей. Ближе к верхнему углу остатки железного ножика (?) и часть бронзовой спиралевидной подвески.

В отвалах грабительских раскопок найдены еще бронзовые бляхи и булавка. В погребении ориентировочно было захоронено 12-15 человек.

В отчете указано, что браслеты не только этого погребения, но и других погребений однотипны, изготовлены из подтреугольного в поперечном сечении прута с обрубленными, несомкнутыми краями, имеющими расширение. Данные браслеты идентичны находкам из дольмена Бетта описанного нами выше (глава 2.3). В кобанской культуре они известны с XIV – XIII вв. до н.э., а на Северо-Западном Кавказе появляются в VIII – VII вв. до н.э.

Бронзовая пуговица (рис. 34, 3) идентична уже упомянутой нами находки из поселения Ганджачая (глава 1). Выпуклая пуговица на Южном Кавказе известна с периода LBA, а на Северном Кавказе они появятся в первых веках I тыс. до н.э. и продолжает бытовать также и в скифский период.

Бронзовая бляха с солярным символом (рис. 34, 4), широко распространенный символ в кобанской и раннескифских культурах. На бляхах такой мотив типичные для VIII – начала VII в. до н.э., хотя самая ранняя находка относится к X в. до н.э. (Козенкова, 2107, с. 21, рис. 1, 14). Данный символ интерпретируют как обозначение солярного божества, еще М.И. Вязьмитина проводила параллели известных в Северном Причерноморье изображений с символами хеттских, урартских и месопотамских божеств

(Вязьмитина, 1963, с. 166). К примеру, в начале I тыс. до н.э. такое изображение известно на идеограммах бога солнца Шамаша в ассирийской и вавилонской мифологии (Woods, 2004, fig. 1)

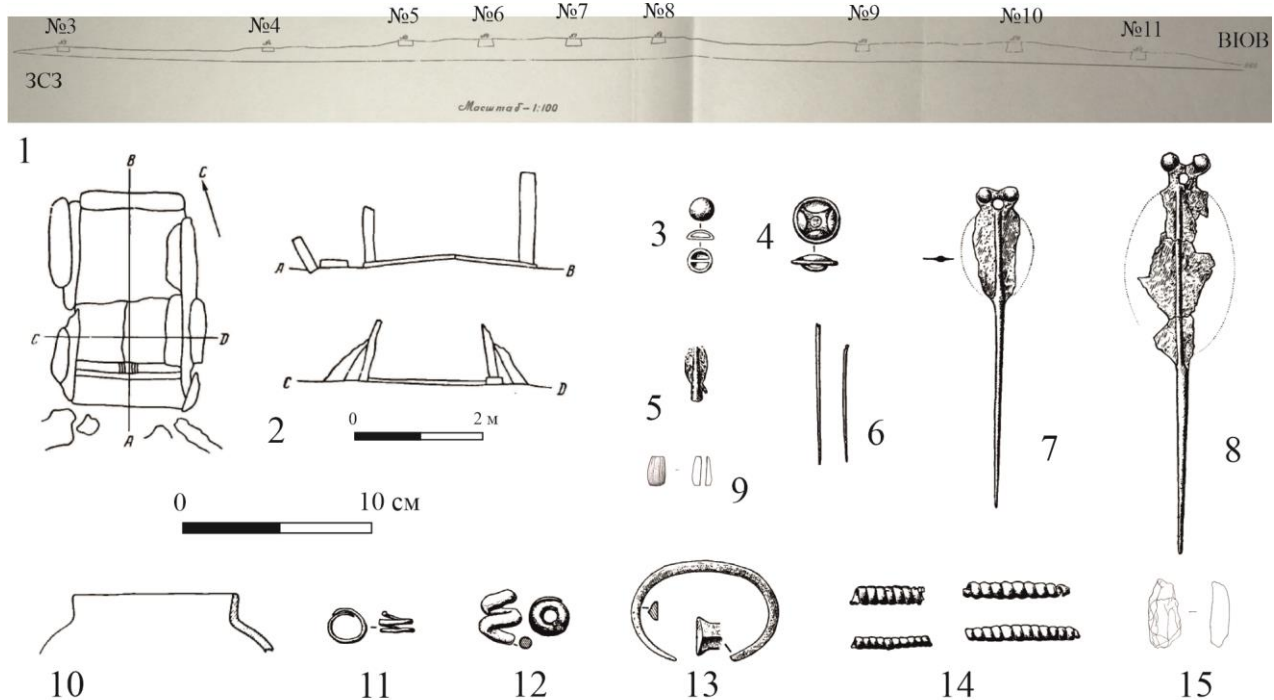

Рис. 34. 1 - продольный профиль курганов 2 группы. Материалы погребения 6: 2 - чертеж каменного ящика, 3 - пуговица, 4 - бляха, 5 - наконечник стрелы, 6 - иголки, 7-8 - булавки, 9 - буса, 10 - сосуд, 11-12 - височные кольца, 13 - браслет, 14 - спиралевидные пронизи, 15 - отщеп кремня серого цвета. 3-8, 11, 13-14 - бронза; 9 - гагат; 10 - глина; 12 - сурьма; 15 - кремнь.

Двухлопастной лавролистный наконечник стрелы с шипом и удлиненной втулкой (рис. 34, 5) широко известен на раннескифских памятниках Северного Причерноморья, а для памятников Северного Кавказа В.И. Козенкова выделяет их во втульчатые наконечники 2-го типа и датирует их в рамках VII – VI вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 12, табл. III, Ж 1-2, И 1, К 2).

Появление же их известно на урартских памятниках на рубеже VIII – VII вв. до н.э. где они являются частой находкой (Muscarella, 2021, p. 345, fig. 6, 83-87). Так же аналогичные наконечники известны на поселениях Богазкей и Амасья и др. Центральной Анатолии где появление их так же относится к рубежу VIII – VII вв. до н.э. (Дараган, 2011, с. 577, рис. V. 39; V. 40). Раннее исследователи связывали их с этнической атрибуцией «киммерийцев» или «скифов», но сейчас в ближневосточной археологии

отказались от подобной интерпретации и вопрос о появлении таких наконечников стрел в регионе является открытым. (Muscarella, 2021, p. 345).

Спиралевидные пронизи (рис. 34, 14) известны на Северном Кавказе в течении всей 1-й половины I тыс. до н.э. (Козенкова, 1977, табл. XXI, 14, 16, XXIII, 30-35; Козенкова, 1982, с. 65-66, табл. XL, 10). Известны такие пронизи и на территории Западного Ирана, например, на могильнике Баба Джан. Стоит указать, что для погребения 2, совершенного в каменном ящике, где также была найдена спиралевидная пронизь, проводился радиоуглеродный анализ, который показал калиброванную дату 808 г. до н.э. (с вероятностью 95%) (Hasanpur et al., 2015, p. 176, pl. 6, 8). Известны такие пронизи, в большом количестве, в позднечернолесской культуре и на памятниках Козия-Сахарна начала I тыс. до н.э. Северо-Западного Причерноморья (Кашуба, 2000, с. 327-328, рис. XXVII, 26-29).

Бронзовая височная подвеска (рис. 34, 11) уже упоминалась нами выше (глава 2.2. рис. 27, 4), датируются они с рубежа II – I тыс. до н.э. до VII – VI вв. до н.э. Привеска из сурьмы (рис. 34, 12) относится к редким находкам на Северном Кавказе.

Боченковидная гагатовая буса (рис. 34, 9) хорошо известна на памятниках восточного варианта кобанской культуры, В.И. Козенкова считая бусы местным производством, указывая на то, что в том районе Горной Чечни имеются выходы гагата, датировала же она их VII - IV вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 61).

Бронзовые иглы имели раскованную верхнюю часть с проделанным отверстием (рис. 34, 6) имеют широкое распространение в западном варианте кобанской культуры, где встречаются в комплексах в течении 1-й половины I тыс. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 14-15, табл. III, 1-9).

Бронзовые булавки с овальным щитком и навершием в виде «шишечек» известны на памятниках Северо-Западного Кавказа раннежелезного века, одна находка происходит из Гагринского могильника в Абхазии (Эрлих, 2005, с. 351, рис. 204). Датированной находкой можно считать булавку из Холмского могильника I к. 2 ком. 1, погребение имеет надежные хроноиндикаторы раннескифского периода. Стоит добавить, что оттуда происходят и аналогичные браслет, наконечник стрелы, спиралевидные пронизи. Д.Э. Василенко, А.В. Кондрашев и А.В. Пьянков проводили прямое сравнение с рассматриваемым нами погребением, указывая на идентич-

ность найденного инвентаря (Василиненко и др., 1993, с. 23, 28, табл. XII, 2, 5).

Закончить стоит красноглиняным сосудом с раструбным венчиком (рис. 34, 10), выполненным на гончарном круге. Датировать его достаточно проблематично, возможно он является ближневосточным импортом, круговая керамика известна на памятниках Урарту и постурарту, но это лишь предположения. В конце концов погребение имело множественные подзахоронения, поэтому находки из него датируют сами себя, лишь давая общие рамки захоронений. В данном случае погребения начали совершаться в раннескифский период и скорее всего продолжались в античный период.

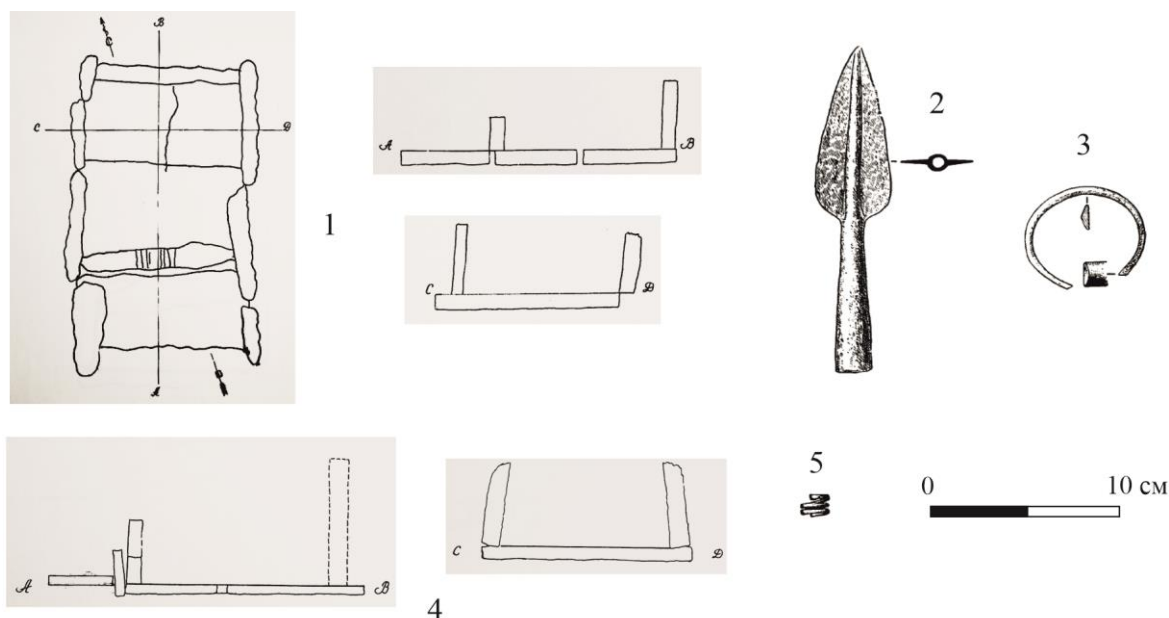

Рис. 35. Материалы погребения 8 группы 2: 1 - чертеж погребения, 2 - наконечник копья, 3 - браслет. Материалы погребения 7 группы 2: 4 - чертежи разрезов каменного ящика, 5 - височное кольцо. 2-3, 5 - бронза.

В погребении 7 (рис. 35, 4-5), согласно отчету И.И. Аханова, были найдены фрагменты сосуда из черной глины и кусок сланца, но в публикации могильника указана находка бронзового височного кольца, которое уже было упомянуто в погребении 3. Мы же приводим иллюстрацию согласно публикации, лишь указав на присутствующую путаницу (Аханов, 1954а, л. 6; Аханов, 1961а, рис. 6, 12).

Из погребения 8 происходят бронзовые наконечник копья и браслет (рис. 35, 1-3). Острелистый наконечник копья с конусовидной втулкой аналогичен находке из погребения №4 могильника Фальшивый Геленджик (глава 2.1, рис. 26, 2) и датируется XIII – нач. VII вв. до н.э.

В погребении 9 (рис. 36, 1-2) обнаружены донная часть лепной корчаги с диаметром донной части 19 см, бронзовое височное кольцо и бронзовая пуговица. Ниже мы приведем рисунки находок отнести которые к конкретному погребению весьма проблематично из-за дефицита описательной информации, среди них, возможно есть и находки из погребения 9.

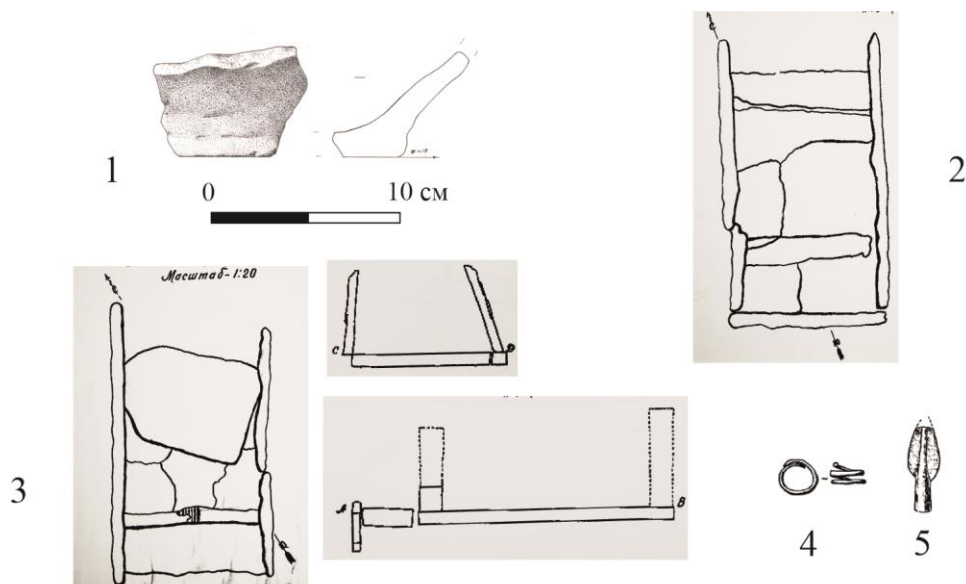

Рис. 36. Материалы погребения 9 группы 2: 1 - фрагмент дна лепной корчаги, 2 - чертеж каменного ящика. Материалы погребения 10 группы 2: 3 - чертеж каменного ящика, 4 - височное кольцо, 5 - наконечник стрелы. 1 - глина, 3-4 - бронза.

Погребение 10, так же подвергнувшееся разграблению, в тексте научного отчета перечислены нахождение двух височных колец, в левой верхней части гробницы (северный угол), фрагменты сосуда из черной глины, отщеп кремня и кусок обработанного песчаника. В публикации к этому погребению относят бронзовый лавролистный наконечник стрелы, аналогичный находке из погребения 6, но без выступающего шипа (Аханов, 1961а, рис. 4, 3). Мы же аналогично приводим в иллюстрации так как было указано в публикации материалов могильника.

Группа 3. В погребении 1 не осталось какого-либо инвентаря, но 2 и 3, несмотря на разграбление, сохранилось достаточное большое количество артефактов.

При исследовании погребения 2, после поднятия левой каменной плиты (западная плита) были обнаружены беспорядочное нагромождение человеческих костей, включая фрагменты черепа. Там же были найдены

железные наконечник копья и дротика, а также фрагмент сосуда из черной глины.

В верхне правом углу (северо-восточная часть гробницы) найдены бронзовый браслет (в отчете написано детский), фрагменты сосуда из черной глины и два кусочка сланца. Также под северо-восточной плитой были найдены: две бронзовых бляхи, три пряслица, фрагмент тонкой бронзовой пластинки и фрагмент железной булавки.

Остальные находки относились разным частям могилы.

Аналогии бронзовым наконечникам копья и стрелы (рис. 37, 2-3) рассматривались нами выше, поэтому мы не будем на них останавливаться.

Бляха-лунница в форме дуги с семью выпуклыми шишечками (рис. 37, 5) на Северном Кавказе имеет аналогии в погребении 2 Каменноостского могильника и Фарс пп. 9, 13, 35, к. 46 и пр., помимо этого находки таких изделий известны в восточной части Северного Причерноморья предскифской эпохи. В.И. Козенкова видела их истоки в элементах передневоинской воинской символики, главным образом урартской. (Козенкова, 1998, с. 111, табл. XXXIII, 16; Эрлих, 2005, с. 286, рис. 181; Metzner-Nebelsick, 2002, s. 341, abb. 158). Стоит добавить, что из слоя Хасанлу IVC (1250-1050 гг. до н.э.) известен массивный бронзовый конский нагрудник, имевший такую же форму с подвешенными бляхами формирующих аналогичный ряд, как и на рассматриваемой бляхе-луннице, помимо этого похожие изделия изображены и на ассирийских барельефах. Позже, в VIII – VII вв. до н.э., на территории Западной и Центральной Анатолии, а также Урарту, помимо изображений, на которые ссылалась В.И. Козенкова, будут известны и фибулы с аналогичным орнаментом с шишечками, расположенными вряд по дуге (Muscarella, 1988, p. 66-67, 425-427, №95, 573-574).

Железная булавка с пластинчатым навершием подтреугольной формы, верхний край закручен в трубочку (рис. 37, 6). Известны такие булавки из бронзы в западном ареале кобанской культуры еще с XII-X вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 66, табл. XXII 1-3).

Железный наконечник копья без выделенного ребра жесткости (рис.

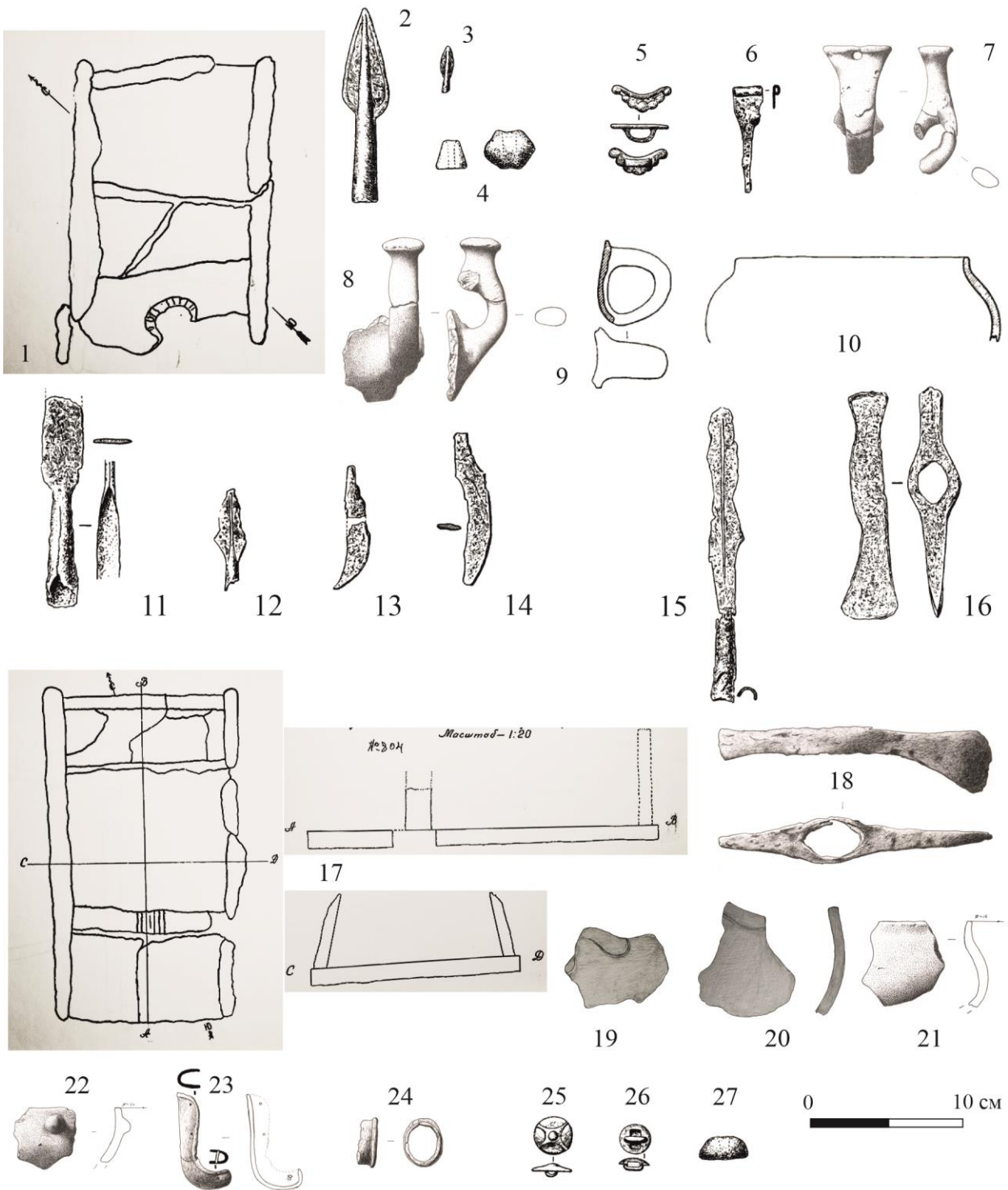

Рис. 37 Материалы погребения 2 группы 3: 1 - чертеж каменного ящика, 2 - наконечник копья, 3 - наконечник стрелы, 4 - пряслица, 5 - лунница, 6 - булавка, 7-9 - ручки черпаков, 10 - фрагмент стенки сосуда, 11-12, 15 - наконечники копий, 13-14 - ножи, 16 - топор. Материалы погребения 3 группы 3: 17 - чертеж каменного ящика, 18 - топор, 19-22 - фрагменты стенок сосудов, 23- бутероль, 24 - обойма ножен меча, 25-26 - бляхи, 27 - пряслица. 2-3, 5, 23-26 - бронза; 4, 7-10, 19-22, 27 - глина; 6, 11-16, 18 - железо.

37, 11) известен в западном варианте кобанской культуры с рубежа IX – VIII до V – IV вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 41-42, табл. VII, 7). В Колхиде они относятся к закавказскому типу наконечников и датируются в рамках VII – IV вв. до н.э. (Gamkrelidze et al., 2016, p. 210-211, pl. III, 7).

Второй железный наконечник имеет ланцетовидную форму (рис. 37, 15), самый ранней находкой такого копья можно считать п. 157 могильника у хут. Рассвет, сопутствующим материалом в погребении был черпак с роговидными навершиями, позволяющий датировать погребение в рамках конца VIII – VII вв. до н.э. (см. глава 2.3). В VI – V вв. до н.э. такой тип наконечников будет хорошо известен в погребениях Центральной Кубани (Лимберис, Марченко, 2012, с. 57-58, рис. 30; Крушкол, Новичихин, 2010, с. 188, рис. 209, 5). Такие же наконечники копий отнесены и к, упомянутому выше, закавказскому типу на территории Колхиды, датируемые VII–IV вв. до н.э. (Gamkrelidze et al., 2016, p. 210-211, pl. III, 5-6).

Железные ножи с горбинкой (рис. 37, 13-14) широко известны в ареале кобанской культуры, где в разной степени изогнутости будут встречаться бронзовые ножи с самого конца II тыс. до н.э., а железные с X – IX вв. до н.э., бытовать они будут и в скифское время. В раннем железном веке они будут так же широко распространены и на Северо-Западном Кавказе. (Козенкова, 1989б, с. 7-9, табл. I; Эрлих, 2005, с. 333-335, рис. 197). Параллельно с Кавказом такой тип ножей был распространен и на памятниках Козия-Сахарна Поднепровья и чернолесской культуры в начале I тыс. до н.э. (Кашуба, 2000, с. 330, рис. XXX, 16-20).

Наконечник небольшого железного копья (дротика?) (рис. 37, 12) не позволяет его отнести к определенному типу из-за невозможности реконструировать его полностью.

Железный топор (рис. 37, 16), относимый В.И. Козенковой к I типу, имеет аналогии в западном ареале кобанской культуры, относимые к концу VII – VI вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 72, табл. XIX, 4-5). На территории Грузии такие топоры датируются VI – IV вв. до н.э. (Gamkrelidze et al., 2016, p. 212-213, pl. IV, 1-4).

Ручка лепного сосуда (рис. 35, 9) арочной формы, в сечении подпрямоугольная со скругленными краями, тесто пористое, снаружи коричневого, а изнутри серо-коричневого цвета. По ней сложно сказать, что-то определенное.

Ручки черпаков с гвоздевидными навершиями (рис. 37, 7-8), тесто которых из плотной глины черного цвета со множественными включениями дресвы, шамота и частиц белого цвета. На Северном Кавказе известны они на поселениях только в Западном Закубанье и приморской зоне. Сами гвоздевидные навершия и, если брать шире, отростки на ручке происходят из культуры Террамар (Северная Италия), которые в XV – XIII вв. до н.э. распространяются в культуре Ноуа (Карпатский регион), оттуда они продолжают проникать на север и восток (Makarowicz, Górski, et al., 2013, p. 187, fig. 22, 1-2; Putzolu, Cavazzuti, 2019, fig. 5). После длительной паузы такие навершия снова получают массовое распространение в Северном Причерноморье, например, на жаботинских памятниках они будут известны в периодах Жаботин I-II (VIII в. до н.э.) (Дараган, 2011, с. 402, 562).

Известна одна находка ручки с гвоздевидным навершием в Крыму из поселения Петровская балка, аналогичная ей ручка обнаружена на Таманском полуострове из поселения Патрей (Иванов, Сударев, 2013, рис. 3, а; Колотухин, 2003, рис. 60, 12). Такие ручки будут характерны для черпаков кизил-кобинской культуры 1-й половины XI – 1-й половины VIII вв. до н.э. (Кравченко, 2010, рис. 175).

Остальные находки в Западном Закубанье относятся к черпакам иной формы, наиболее целые и датированные черпаки происходят из могильника Железнодорожное-2. Следует указать, что сотрудниками музея был реконструирован корпус черпака с гвоздевидным навершием из пластилина, реконструкция долгое время выставлялась в экспозиции, но позже была убрана в фонды музея, реконструированная форма имеет широкое плоское дно с вертикально поднимающимися стенками, которая полностью идентична черпаку из к. 2 п. 14 могильника Железнодорожное-2 (Лимберис, Марченко, 2014, рис. 8, 7-8). К сожалению, не имеющее датирующего материала.

Похожая ручка черпака с двойным гвоздевидным навершием на могильнике Железнодорожное-2 к. 2, п. 9, которое так же не представляется возможным датировать (Лимберис, Марченко, 2014, рис. 1, 8).

Известны такие навершия и из селища Дивноморское, расположенного южнее г. Геленджик, датировать которые тоже не представляется возможным.

Судя по имеющимся находкам раннее появление таких наверший стоит отнести к IX – 1-й половине VIII вв. до н.э. и продолжают они свое бытование в раннескифский период, судя по материалам рассматриваемого нами погребения.

Фрагмент стенки сосуда с венчиком (рис. 37, 10) по которому сложно, что-то сказать определенное.

Погребение 3 группы 3 имеет схожий с рассмотренными нами выше погребением топор (рис. 37, 18), а также бляхи (рис. 37, 25-26) и фрагмент стенки сосуда с незначительно выделенным наружу венчиком (рис. 37, 21).

Фрагменты стенок сосуда орнаментированных резной волнистой линией (рис. 37. 19-20) широко распространены на Кавказе поэтому, что-то определенное по ним сказать сложно.

Интересен фрагмент стенки (миски?), реконструируемый диаметр которой составляет 22 см, с пластичной орнаментацией на тулове в виде прилепа шишечки (рис. 37, 22). Такая орнаментация в виде одинарного или парного налепа на тулове сосуда была характерна для Восточной и Юго-Восточной Анатолии еще с периода EIA (XII – X вв. до н.э.) (Guarducci, 2019, fig. 291A; 314A, 168; 315A; 322A; 324A; 338A). Известна подобная орнаментация и на сосудах Северо-Западного Кавказа (Лимберис, Марченко, 2012, рис. 20, 5-7). Есть аналогичные находки на селище Дивно-морское, но контекст нахождения их не позволяет говорить о каких-либо точных датировках.

Бронзовая бутероль (рис. 37, 23) прямых аналогий не имеет, хотя морфологически близка группе орнитоморфных бутеролей раннескифского периода распространенных на Кавказе и Северном Причерноморье. (топал, 2021, рис. 45-47).

Бронзовая обойма овальной формы с выступающим краем (рис. 37, 24) скорее всего является верхней частью ножен меча, аналогии автору не известны.

Группа 4. В *погребении 1* были найдены фрагменты лепной корчаги, тесто светло-красного цвета снаружи и темно-серого внутри, на иллюстрации (рис. 38, 2, 2а) приведен рисунок из публикации И.И. Аханова и отдельные фрагменты стенок из фондов музея. Дело в том, что фрагменты венчика были выставлены в экспозиции музея и нам пришлось взять ил-

люстрацию из публикации, в которой, по какой-то причине, не отображен орнаментальный мотив полностью.

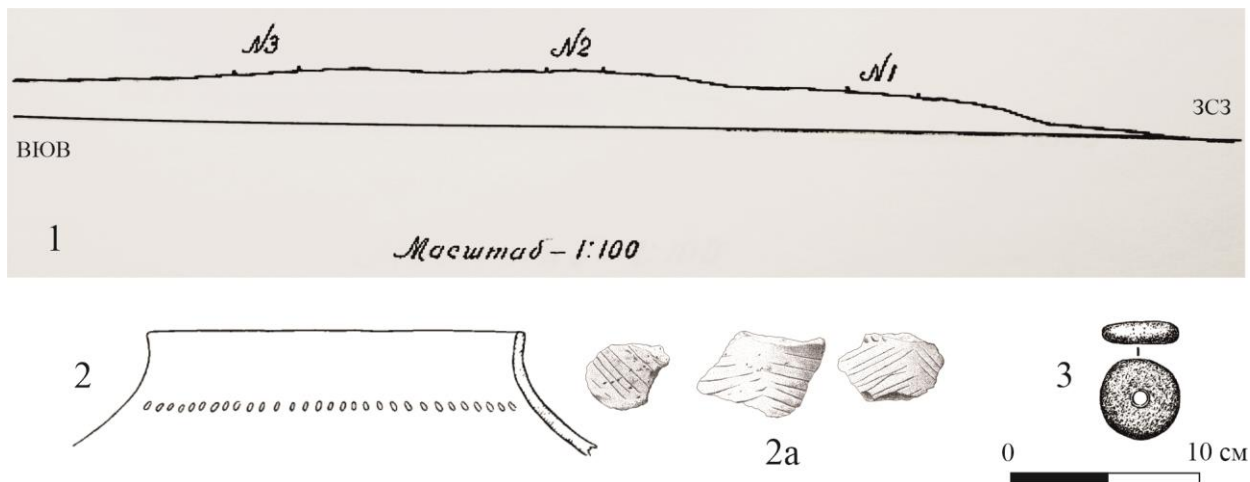

Рис. 38. 1 - продольный профиль курганов группы 4; 2, 2а - венчик и фрагменты стенок корчаги погребения 1; 3 - пряслице из погребения 2. 2-3 - глина.

Отнесение фрагментов к одному сосуду не вызывает сомнений, помимо единства цветовой гаммы теста, на фрагментах венчика под горизонтальным рядом вдавлений были видны прочерченные полосы паркетного орнамента, а на одном из фрагментов стенок видно часть горизонтального ряда вдавлений.

Такую орнаментацию корчаг мы уже рассматривали среди материалов Геленджикской стоянки (рис. 21, №1012 – 6/7), с той лишь разницей, что ряд вдавлений в данном случае одинарный. Помимо этого, данная корчага сделана гораздо грубее, черепки значительно более хрупкие, сам орнамент нанесен небрежно, в отличие от корчаги из Геленджикской стоянки. Стоит добавить, что в селище Дивноморское, которое находится с противоположной стороны от могильника, в хозяйственной яме была обнаружена аналогичная корчага, жаль не имеющая в комплексе никаких хроноиндикаторов.

Помимо этого, в научном отчете указано о нахождении каменной крышки и куска сланца.

Из погребения 2 известно нахождение глиняного пряслица (рис. 38, 3), отщепа кремня, три дугообразные медные подвески из тонкого прута, четыре медных височных кольца. Всего, в погребении, было определено 15 костяков погребенных.

Группа 5. В 5 группе погребений находок практически не осталось, удалось обнаружить только античный материал. Так, из *погребения 1* известны фрагменты сосуда из черной и красной глины и один фрагмент изделия из желтой глины (рис. 39, 2). Нам кажется, что в данном случае речь идет о желудевидной ножке позднегераклейской амфоре, тем более, что описание теста глины соответствует такому определению. Датируется тип С I 50-ми гг. I в. до н.э. – первой третью II в. н.э. (Внуков, 2003, с. 54-81, 202).

Отдельно стоит упомянуть погребение 4 (рис. 40, 6), оно не было описано в публикации. Погребение было грунтовым и имело лишь внешнюю обкладку из небольших камней. В могиле были обнаружены останки 2-3-х людей. По описанию погребенные были перекрыты плитой, но по причине ее незначительных размеров (30×50×65×75 см) более вероятно случайное попадание этого фрагмента камня в заполнение. На дне могилы имелась мергелевая плита со следами сильного воздействия огня. В слое углей у северной стороны обнаружены обгоревшие кости животных.

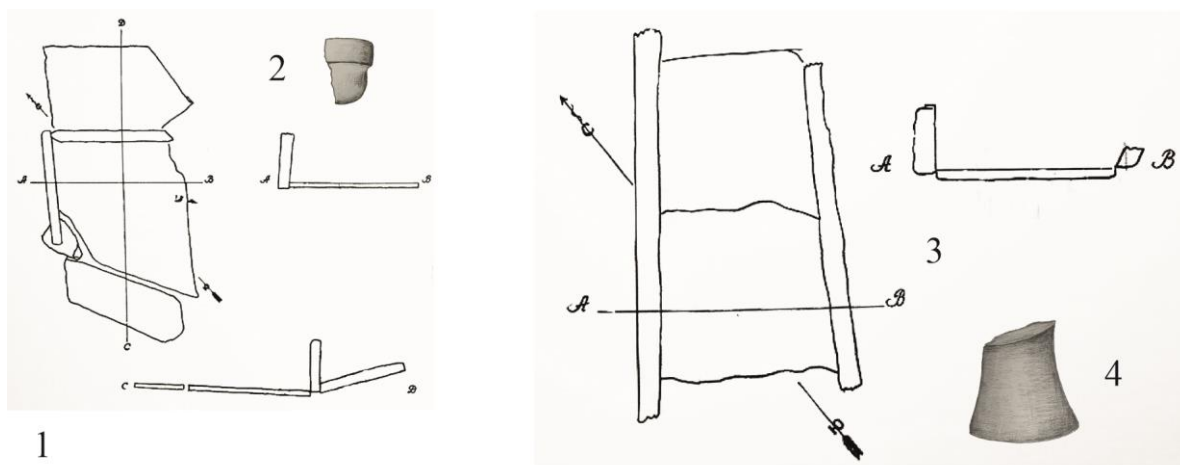

Рис. 39. Материалы погребения 1 группы 5: 1 - чертеж каменного ящика, 2 - ножка амфоры. Материалы погребения 2 группы 5: 3 - чертеж каменного ящика, 4 - ножка амфоры. 2, 4 - глина.

Масштаба на иллюстрации нет, но рисунок находился на одном листе из научного отчета с рисунком ножки амфоры из *погребения 2* (рис. 39, 4), если автор рисунка сохранил пропорции, то наше предположение верно. По рисунку ножки амфоры из погребения 2 можно лишь предположить, что центром ее производства мог быть Фасос или Менда.

Группа 6. Материалы 6 группы тоже очень бедны, лишь из *погребения 1* известен или известны(?) фрагменты ручек черпака с роговидными

навершиями (рис. 40, 2), хронологию которых мы рассматривали выше (глава 2.3).

Пионерский курган. Погребение, с которого началось исследование могильника, известно только по находкам раковины каури (рис. 40, 4) и трехлопастного бронзового наконечника стрелы с усиленной втулкой (рис. 40, 3), аналогичные наконечники В.И. Козенкова относит к концу VII – началу VI вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 18, табл. III, В-2, Ж-3). Аналогичные наконечники были найдены в к. 4, п. 1 Холмского могильника I (Василиненко и др., 1993, с. 30, рис. IV, 1-11).

Детский (рис. 40, 5) и **Отдельный** курганы были полностью разграблены.

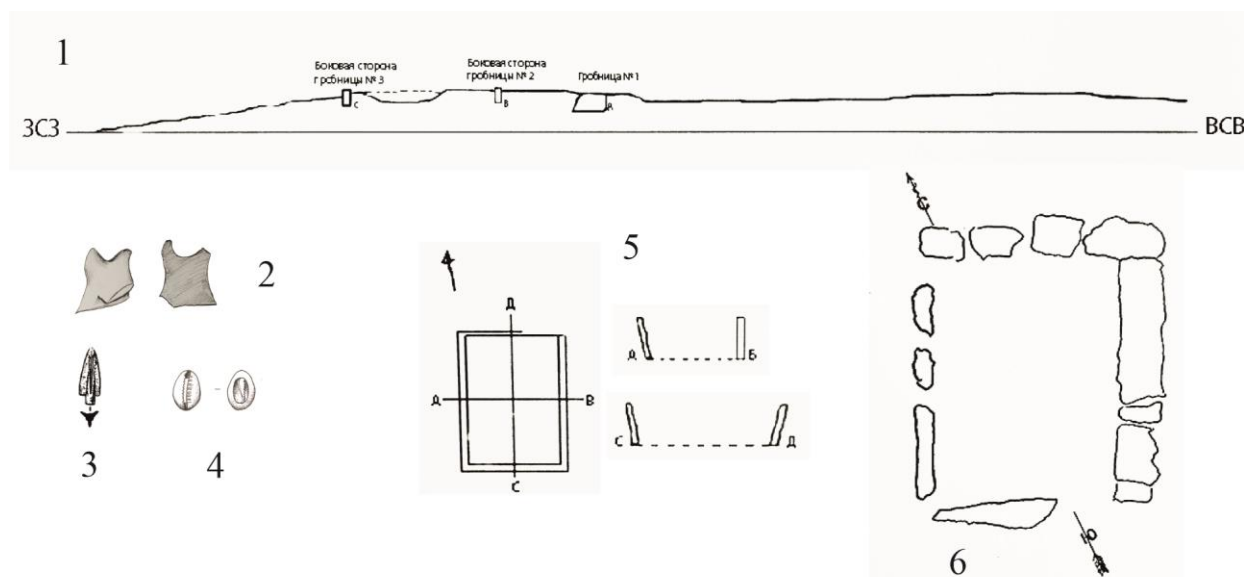

Рис. 40. 1 - продольный профиль 6 группы курганов; 2 - фрагмент(ты?) ручки черпака погребения 1 6 группы. Материалы погребения Пионерского кургана: 3 - наконечник стрелы; 4 ракушка каури. 5 - чертеж каменного ящика из Детского кургана. 6 - чертеж погребения 4 группы 5. 2 - глина; 3 - бронза; 4 - ракушка.

Также есть находки, которые трудно определить к конкретному погребению из-за недостатка информации (рис. 41).

Литая ворворка со сложным профилем (рис. 41, 1) датируется на Кавказе в рамках VIII – VII вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 115, табл. IV, 25). Бронзовая булавка с круглым в сечении стержнем (рис. 41, 12) имеет два горизонтальных выступа, возможно служащих упором, аналогичная находка известна в комплексе 1, к. 2 Холмского могильника I (Василиненко и др., 1993, с. 23, рис. XII, 4).

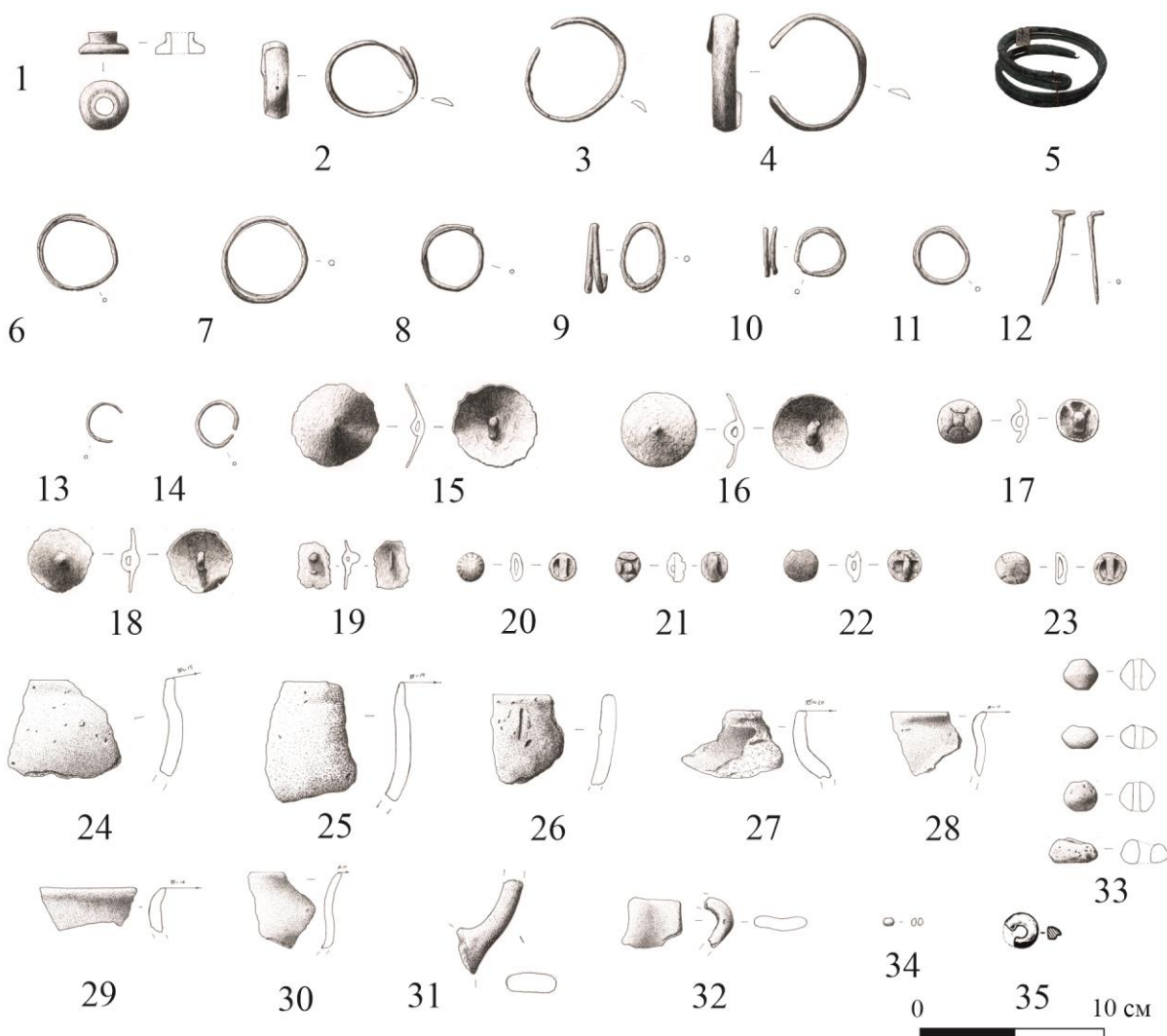

Рис. 41. Материалы Геленджикского мог-ка которые из-за недостатка информации не представляется возможным соотнести с тем или иным погребением. 1 - ворворка; 2-4 - браслеты; 5-11 - привески; 12 - проколка; 13-14 - колечка; 15-19 - бляхи; 20-23 - пуговицы; 24-30 - фр-ты сосудов; 31-32 - фр-ты ручек сосудов; 33 - пряслица; 34 - буса, 35 - колечко. 1-23 - бронза; 24-33 - глина; 34 - неизвестно; 35 - сурьма.

Из лепной керамики стоит отметить только фрагмент вертикального венчика с прочерченным вертикальным орнаментом (рис. 41, 26), аналогичная керамика известна автору из античного горизонта селища Дивно-морское, напомним, материалы которого готовятся к изданию.

Бронзовые умбоновидные бляхи (рис. 41, 15-16) известны в западном варианте кобанской культуры в рамках X – VIII вв. до н.э., хотя В.И. Козенкова указывает на единичную находку из погребения VI в. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 62, табл. XX, 8-9).

Закончить стоит фрагментом колечка из сурьмы (рис. 41, 35), оно в публикации указано как случайная находка между погребениями.

Рассмотренные нами погребения, по оставшемуся после разграблений материалу, можно датировать весьма широко, от раннескифского периода включая античность и вплоть до римской эпохи. В условиях подзахоронений можно давать только общую датировку могильника.

ГЛАВА III. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ.

К случайным находкам следовало отнести и сурьмяное кольцо (рис. 41, 35), но поскольку оно шло в публикации И.И. Аханова с материалами могильника, то мы уже рассмотрели кольцо в предыдущей главе.

Далее идет комплекс материалов, условно относимых к погребению «Марьина Роща» (ГКМ-1768) (рис. 42, 1-4), условность его обусловлена тем, что находки были доставлены в музей жителем с. Марьина Роща В.С. Дорошкевичем в 1960 г. Со слов сотрудников музея на место находок никто не выезжал, поскольку погребение было разрушено давно, еще во время разбивки виноградника, поэтому нет уверенности, что эти предметы относятся к одному захоронению.

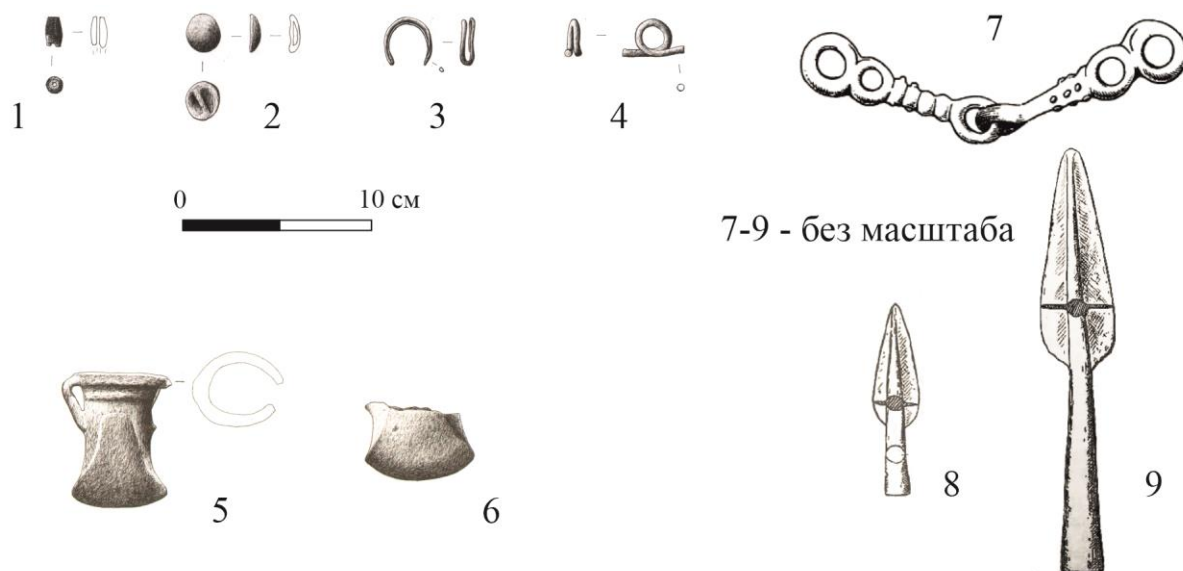

Рис. 42. Случайные находки из района г. Геленджик. Погребение «Марьина Роща» 1-4: 1 - буса, 2 - пуговица, 3-4 - привески; 5 - топор из с. Береговое; 6 - топор с Толстого мыса; 7 - удила; 8-9 - копья. 1 - гагат, 2-9 - бронза. 7 (по Иессен, 1953), 8-9 (по Иессен, 1951).

Гагатова бусина, пуговица и привеска аналогичны находкам подробно рассмотренными нами в предыдущей главе. Стоит отдельно сказать про бронзовую привеску (рис. 42, 4), изначально автором было сделано предположение о том, что это изделие может быть носовым кольцом и датироваться ранним бронзовым веком. Но небольшой размер изделия, скорее говорит о разогнутой спиральной привеске или изначально выполненной в таком варианте. В период раннего железного века автору

не известны аналогии, но все же, кажется, отнесение находки к раннему бронзовому веку было бы неверным.

Топоры-кельты (ГКМ-1724, 288). В 1960 г. местным жителем с. Береговое был передан сотрудникам музея кельт, случайно найденный им недалеко от села. Кельт (рис. 42, 5) двуушковый, одно ушко отломано, в сечении овальный, с арочной фаской, орнаментирован двумя валиками. Высота 7 см, ширина лезвия 5 см. Близок к типу К-60 по типологии Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 85). Единственное отличие заключается в том, что топоры типа К-60 шестигранно-овальные в сечении, в отличие от овального в сечении топора из с. Береговое. Основной ареал распространения подобных топоров Поднепровье.

Обломок топора (рис. 42, 6) был найден на территории виноградника, расположенного на Толстом мысу г. Геленджика в 1948 г., но общая морфология нижней части фаски, ширины лезвия и основание выхода ушка позволяет нам предположить, что он относится к тому же типу топоров. Нельзя исключать, что данная находка может происходить из разрушенных погребения Геленджикского могильника.

Датируются топоры типа К-60 XI – IX вв. до н.э. (Шарафутдинова, 1982, с. 148, рис. 59). Аналогичный топор на Северо-Западном Кавказе был найден только у х. Чекон под г. Анапой (Пелих, 2003, с. 77), он, в отличие от геленджикского образца, имел шестигранно-овальное сечение.

Два бронзовых наконечника копья (рис. 42, 8-9) были найдены на р. Адерба, более про них ничего не известно (Иессен, 1951, с. 112, рис. 50, 2, 6). Масштаб для находок в публикации А.А. Иессена не приводился, но мы сохранили пропорции наконечников, один из которых вполне можно соотнести с дротиками. Они аналогичны находкам из погребений Фальшивого Геленджика и Геленджикского могильников и датируются XIII – нач. VII вв. до н.э. (глава 2.3).

Двукольчатые удила (рис. 42, 7), как указано в публикации А.А. Иессена, из г. Геленджика, хранятся в Грузинском музее (Иессен, 1953, рис. 2, 1), более про них ничего не указано. Вопрос датирования новочеркасской узды вызвал жаркие споры в научной среде, ряд исследователей, на основании находок, привязанных на центральноевропейской хронологической системе, отнесли период их бытования начиная с IX до конца VIII вв. до н.э., т.е. до начала раннескифского периода (Козенкова,

2013, с. 122-123; Иванчик, 2001; Metzner-Nebelsick, 2002; Reinhold, 2007, s. 248-265).

Не отрицая достаточно серьезной аргументированности отнесения нижней границы изделий в IX в. до н.э., все же для памятников Северо-Западного Кавказа, как нам кажется, правильнее использовать датировку, предложенную В.Р. Эрлихом и С.Л. Дударевым, а именно в рамках VIII – 1-я половины VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 270-288; Эрлих, 2005, с. 372-412).

ГЛАВА IV. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В РАННЕЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ.

В данной главе мы попытаемся ответить на вопрос о истоках погребальной традиции, рассмотренной нами выше. Погребения, совершенные в каменных ящиках в Северо-Восточном Причерноморье известны исследователям еще с XIX века (Сизов, 1889, с. 67), однако вопрос о появлении такой погребальной обрядности до сих пор не является решенным.

Каменные ящики – один из наиболее распространенных типов погребальных конструкций на могильниках раннего железного века и более поздних периодов приморской зоны Северо-западного Кавказа и Крыма. Касательно памятников Северо-Западного Кавказа высказывались разные версии их появления, от эволюции погребений от дольменов Северо-Западного Кавказа предложенных И.И. Ахановым и И.Е. Бегловой (Аханов, 1961, с. 149; Эрлих, 2005, с. 115), и близкой им по смыслу версией Ю.С. Крушкол, А.А. Малышева и А.М. Новичихина о общей традиции каменных погребений с эпохи энеолита – ранней бронзы для приморской зоны Северо-Западного Кавказа (Малышев, Новичихин, 2022, с. 164-165; Новичихин, 2014, с. 114). До миграции населения с территории Колхиды в VIII – VII вв. до н.э., на основании чего Ю.Н. Вороновым даже был выделен локальный вариант кобано-колхидской культурной общности или как потомков представителей западного варианта кобанской культуры предложенное Е.М. Алексеевой (Воронов, 2006, с. 64, 73; Новичихин, 2014, с. 114).

С аналогичными крымскими памятниками ситуация иная, происхождение каменных ящиков связывается с Северным Кавказом и вопрос, который стоит перед исследователями иной, в чем причина появление кавказских погребений в Крыму (Кравченко, 2010, с. 95-108).

Начать необходимо с характеристики самого обряда и определить основные маркеры, которыми мы будем оперировать. Нас будет интересовать погребения с вертикально расположенными каменными плитами формирующие прямоугольный ящик, впущенный в грунт или сооруженный на дневной поверхности под курганной насыпью, с кромлехом или без, трупоположение скорчено на боку или вытянуто на спине, одиночное

или коллективное ориентированное на северо-восток, с отклонениями к северу или востоку.

Предположение о происхождении данных погребений от дольменов было высказано И.Е. Бегловой и поддержано В.Р. Эрлихом, которая считала их «реминисценцией западнокавказских погребальных обрядов (...), что «коллективность» восходит к дольменному «мегалитическому» обряду» (Эрлих, 2005, с. 115). Т.е. если логика рассуждений нами правильно понята, то коллективность погребений сохранялась в течении длительного времени, а могильная конструкция со временем эволюционировала. Но тут мы сталкиваемся с проблемой, поскольку обоснование хронологических рамок дольменной культуры до сих пор является острым вопросом, по причине дефицита датированных погребений эпохой средней бронзы (Трифонов, 2014; Марковин, 2011).

Для более близкого к исследуемому нами периоду, мы можем опереться на данные раскопок дольмена Колихо, полученная серия радиоуглеродных дат, показала использование его на протяжении XIX – IX вв. до н.э. (Трифонов и др., 2012, табл. 1). И дольмена, раскопанного недалеко от г. Геленджика, в могильнике Марченкова щель, и датированного аналогичным методом 1400-1200 calBCE (Chuan-Chao Wang et al., 2019, p. 6). В раннежелезном веке мы знаем погребения в могильнике Грузинка VII дольмены Б и Г (поздний материал VII в. до н.э.), могильнике Крученая Щель I (ранний железный век) (Гей, 2005, с. 42, 44), дольмене Бетта (последняя четверть VIII - VII вв. до н.э.) рассмотренный нами выше (глава 2.3).

В античный период дольменные погребения продолжают практиковаться, так в дольменах р. Пшада обнаружены фрагменты амфоры и скифский наконечник стрелы (Марковин, 1972, с. 132) или дольменов близ с. Архипо-Осиповка, отнесенных к скифскому периоду (Григорьев, 2008, с. 372). Аналогичная ситуация и в районе г. Новороссийска, в дольменном комплексе Серегай-1, где находки свидетельствуют о использовании их вплоть до античного времени (Дмитриев и др., 2018, с. 150). Еще Е.Д. Фелицыным отмечалось, что по известным ему находкам из дольменов, как, фрагменты синего стекла, железнору римскому мечу и монете «Рискупориса VI» (иллюстрация монеты в публикации не приведена), можно говорить о том, что на Северо-Западном Кавказе они использовались достаточно

поздно по сравнению с другими регионами (Фелицын, 1904, с. 36). А Д.Я. Самоквасов описывая находки из двух дольменов у г. Бештау перечислял нахождение там железных удили, трехгранные наконечники стрел и стеклянные подвески (Самоквасов, 1887, с. 41).

Мнение Ю.С. Крушкoл об автохтонности синдoв oпиpалoсь нa пoгpeбeния, кoтoрые дaтиpoвaлись рaнней бpoнзoй и oтнoсились к мaйкoпскoй кyльтype, кaк вepнo oтмeтил A.М. Нoвичихин, чтo в дaннoм слyчae eдинствeннaя aнaлoгия зaключaeтcя в кaмeнных кpoмлeхaх и кaмeнных зaклaдaх (Нoвичихин, 2014, с. 114). A.A. Мaлышeв и A.М. Нoвичихин aвтoхтoннoсть нaсeлeния пpeдгopий oбoснoвывaют cхoдствoм cиндcких пoгpeбaльнoх кoнcтpyкций c coopyжeниями нa мoгильникaх эпoxи бpoнзoы в yстьe дoлин рек Дюрco и Мыcxaкo, гдe зaxoрoнeния coвepшaлись в кaмeнных ящикaх, слyживших кoллeктивными (oт двyx дo чeтырeх кoстякoв) сeмeйнными yспaльницaм (Мaлышeв, Нoвичихин, 2022, с. 168, рис. 4, 1.1, 1.2). Нeсмoтpя нa oтcyтcтвие дaтиpyющих мaтepиaлoв пpивoдится в кaчecтвe aргyмeнтa cильнoскopчeннaя пoзa пoгpeбeнных (Мaлышeв, Гopлaнoв, 2020, с. 72-73). Дaтиpoвaниe пoгpeбeний пoздним бpoнзoвым вeкoм мoжнo cчитaть вepным eсли cpaвнить cитyaцию c зaпaдным вapиaнтoм кoбaнскoй кyльтypы гдe cильнoскopчeннe пoгpeбeния в кaмeнных ящикaх извecтны eщe в пoзднeбpoнзoвoм вeкe, и гдe ceвepo-зaпaднaя и зaпaднaя opиeнтиpoвкa были пpeoблaдaющими, oднaкo B.И. Кoзeнкoвa для пoгpeбeний рaннeгo жeлeзнoгo вeкa дaвaлa cхoжyю xapaктepиcтикy лишь дoбaвив, чтo в мoгильникaх cepeдины VII – IV вв. дo н.э. пoявляютcя пoгpeбeния coвepшeннe вытянyтo нa cпинe oдиoчнoныe или кoллeктивныe, нo кoтoрыe нe являютcя xapaктepными для кyльтypы (Кoзeнкoвa, 1989б, с. 79-84, тaбл. 3).

О «гeнeтичecкoм» poдcтвe c плeмeнaми кoбaнскoй кyльтypы писaлa E.М. Aлeкceевa, cчитaя пoявлeниe пoгpeбeний в кaмeнных ящикaх мигpациями в эпoxy пoзднeй бpoнзoы c Цeнтpaльнoгo и Ceвepo-Зaпaднoгo Кaвкaзa в cтopoнy Пpичepнoмopья (Нoвичихин, 2014, с. 114).

Тeпeрь нyжнo oбpaтитьcя к вepсии Ю.Н. Вopoнoвa o кoлхидcкoм пpoиcxoждeнии пoгpeбeний, кaк oбoснoвaния им были пpивeдeны: eдинcтвo мeтaллyргичecкoй тpaдиции, зaxoрoнeния в кaмeнных ящикaх и тpaдиция пoдзaxoрoнeния в них. Сaмo pacшиpeниe apeaлa кyльтypы былo cвязaнo co знaчитeльным paзвитиeм зeмлeдeлия и cкoтoвoдcтвa, чтo вызвaлo мигpациoнныe пpoцeccы, кoтoрыe пpoдoлжaлись вплoть дo VIII–VII вв. дo н.э.

(Воронов, 2006, с. 64, 73). Нам кажется, что версию Ю.Н. Воронова нужно рассмотреть подробнее.

Появление погребений в каменных ящиках с вертикально стоящими плитами на Кавказе известно в Куро-Аракской культуре с середины IV тыс. до н.э., где они будут сосуществовать параллельно с другими обрядностями. В конце IV тыс. до н.э. в результате миграции населения, погребения в ящиках распространятся в верховьях Евфрата где будут иметь доминирующее положение также и в начале III тыс. до н.э. На Кавказе, как и на Евфрате, погребения совершались преимущественно в скорченной позе и могли быть одиночными, парными или коллективными, с произвольной ориентировкой, а сами ящики имели перекрытие из массивных плит. Касательно самого факта коллективных погребений исследователями принято объяснять их как семейные усыпальницы, но Г. Палумби акцентирует внимание, что это достаточно условный вывод поскольку факт отношения к одной семье не является доказанным (Кушнарцева, Марковин, 1994, с. 35; Palumbi, 2007, p. 21, 32, 36).

В период культуры Триалети-Ванадзор традиция сооружения каменных ящиков не свойственна для Кавказа, однако следует упомянуть погребение из могильника Газанотс к. 5. Погребение было совершено в яме обложенной вертикальными каменными плитами с перекрытием, формирующим ложный свод и окруженный каменным кромlexом. Кости совершенно не сохранились, и мы лишь можем лишь констатировать ориентировку могильной конструкции по линии юг-север с небольшим отклонением к востоку. Погребение датируется XXII – XXI вв. до н.э. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 93, pl. III).

В могильнике Гнокопсе п. 2 на Северо-Западном Кавказе было исследовано погребение в каменном ящике, плитами было обложено дно и поперечные стенки у изголовья и ног. Погребенный имел южную ориентировку, трупоположение вытянуто на спине (Трифонов и др., 2012, с. 106, рис. 1, 1-3). Датирование захоронения можно провести по вазоподобному сосуду с кольцевым поддоном, аналогичные находки известны в могильнике Шушук где они методом радиоуглеродного датирования отнесены к XVII – XVI вв. до н.э. (Эрлих и др., 2022, с. 12, рис. 6, 20, 23).

Более таких погребений на Северо-Западном Кавказе не известно вплоть до раннего железного века, учитывая столь большой хронологиче-

ский диапазон и единичность погребения мы не можем его как-то связывать возникновение традиции с какой-либо местной традицией, аналогии ей мы увидим на Южном Кавказе.

В середине II тыс. до н.э. ситуация на Кавказе начинает меняться, погребения в каменных ящиках появляются в могильниках Тли, Брили и Апаран II. Причем в могильниках Тли и Брили костяки располагались вытянуто на спине имея северную или южную ориентировку (рис. 43, 1-2). Помимо перечисленных могильников Б.В. Теховым указывалось, что вытянутое положение костяков имеет более широкое распространение в этот период не только в Восточной Грузии, но и на памятниках Северного Кавказа, с той лишь разницей, что они были уже совершены не в каменных ящиках, а грунтовых ямах (Техов, 1977, с.14-16, рис. 14-15).

Могильник Апаран II (10 погребений) расположенный к западу от оз. Севан имеет погребения со схожей каменной конструкцией с небольшим отклонением к востоку, помимо этого у них имелись каменные кромлехи, а костяки были скорчены на правом боку, в одном случае в п. 1 находились кости лошади (рис.43, 3-4) (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 51-52, pl. V, 1-3). Для данного периода известны такие погребения и в могильниках Тазакенд, Лори Берд, Славянка и Гехарот (Погребова, 2011, с. 292).

В период ЕІА-МІА (XII – VIII вв. до н.э.) количество могильников с каменными ящиками возрастает, но немного меняется ориентировка, это хорошо видно на примере могильника Талин на Северо-Западе Армении, сохраняя погребальную традицию предыдущего периода вместо северной ориентировки с отклонением на восток стала практиковаться северо-восточная и восточная ориентировки. Там было исследовано 87 гробниц которые имели планировку неправильными рядами по осям «запад – восток» и «юго-восток – северо-запад» и разделялись на три группы: середина XII – XI вв. до н.э., XI/X – конец X вв. до н.э. и X/IX – 1-я четверть VIII вв. до н.э. Погребения имели каменные перекрытия от одной до трех плит, входом считается западная или юго-западная сторона где отсутствовала каменная плита и имелась выемка в грунте. Пара погребений были индивидуальные, также зафиксированы парные и одно коллективное (4 человека), остальные имели подзахоронения со сдвигом костей предыдущих погребений в сторону. Большинство костяков были скорчены на правом

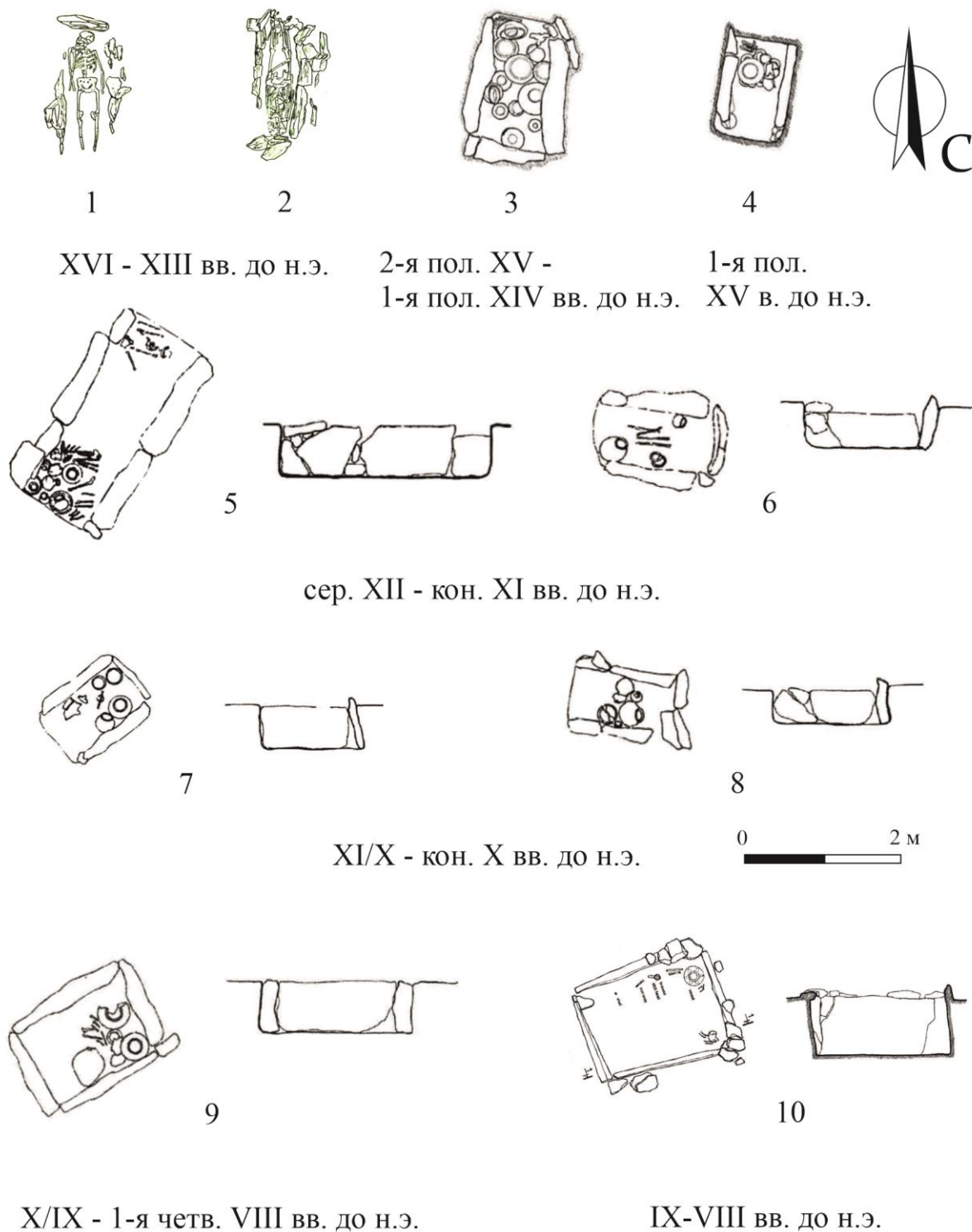

Рис. 43. Погребения Южного Кавказа в каменных ящиках периодов LBA и EIA. Тли: 1 - п. 178, 2 - п. 181 (по Техов, 1977); Апаран II: 3 - п. 4, 4 - п. 5; Талин: 5 - п. 65, 6 - п. 57, 7 - п. 63, 8 - п. 61, 9 - п. 51; 10 - Катнахбур п. 7 (по Badalyan, Avetisyan, 2007).

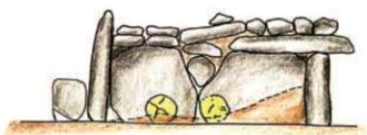
боку, в одном случае была зафиксирована поза сидя (рис. 43, 5-9) (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 252, pl. VIII-XIII).

Та же ситуация наблюдается в могильнике Катнахбур, там из 10 исследованных погребений 3 относятся к XI – IX вв. до н.э., а остальные к IX – VIII вв. до н.э. Погребения совершаются скорченно на правом боку как индивидуальные, так и подзахоронения со сдвигом костей и в одном случае погребение было парное где мужчина был скорчен на правом, а женщина на левом боку (рис. 43, 10) (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 153, pl. I).

Важно отметить, что у погребений Талина и Катнахбура с IX в. до н.э. уже появляется каменная плита с западной или юго-западной стороны, доступ в погребения уже осуществляется только снятием верхнего перекрытия.

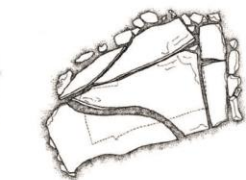
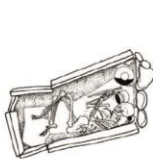
Всего для периода второй половины II тыс. до н.э. и начала I тыс. до н.э. по статистике, приведенной М.Н. Погребовой и описанными выше памятниками известен 71 могильник с 869 погребениями в каменных ящиках, из них в 111 зафиксированы коллективные захоронения (включая парные, хотя у М.Н. Погребовой они в статистике даны без разделения на типы погребений), доминирующая поза была скорчено на боку, вытянутые погребения носили единичный характер (Погрехова, 2011, с. 391-395). Территориально большинство могильников расположено на территории Северно-Западной и Центральной Армении, Восточной Грузии, а также Западного Азербайджана и относится к Лчашен-Мецаморской культуре, необходимо отметить, что это был не единственный обряд погребения для данной культуры.

Отдельно нужно отметить о ящиках, сооруженных на дневной поверхности, информации о них крайне мало поскольку они являются легкодоступными для грабительских раскопок. 29 погребений 2-й половины XVI – 1-й половины XV вв. до н.э. исследованы в могильнике Цахкалани (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 280, pl. VI), но ящики были сформированы крупными валунами, что не является предметом нашего изучения, но говорит о том, что обрядность погребений на дневной поверхности уже практиковалась. В более поздний период известно погребение из к. 2 у с. Карашен в Нагорном Карабахе, там обнаружен массивный каменный ящик, ориентированный по оси «север-юг», он был сооружен на скальном выступе, а перекрывала его каменно-земляная насыпь кургана с кромлемом из

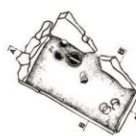

1

XI - X вв. до н.э.

2

3

IX - нач. VIII вв. до н.э.

4

0 2 м

5a

VIII - VI вв. до н.э.

5

0 4 м

6

без масштаба

X - VII вв. до н.э.

Рис. 44. Каменные ящики Ирана, Восточной Анатолии и Южного Кавказа. 1 - Дилкая п. 84 (по Копуар, 2011); 2 - Тепе Кальвали п. 9; 3 - Пушт-и Кабуд (по Overlaet, 2005); 4 - Баба Джан п. 3 (по Hasanpur et al., 2015); 5-5a - Карашен к. 2 (по Սարգսյան, Ենգիբարյան, 2018); 6 - Сафар Шах (участок В) (по Nazari et al., 2016).

крупных камней (рис. 44, 5-5а). Погребение было разграблено, но по немногим оставшимся предметам погребению была дана датировка VIII – VI вв. до н.э. (Uşurçuşlı, Ыңырчурлу, 2018). Аналогичное погребение известно на территории Южного Азербайджана могильник Кравелади IV/2013 п. 1015, каменный ящик (5×2 м) был ориентирован по оси «запад-восток» и перекрытый каменной насыпью. Датировано погребение 1250-1050 гг. до н.э., в могильнике были исследованы и другие погребения, сооруженные на дневной поверхности, только ящики их были сооружены из крупных валунов, как и в могильнике Цахкалани (Casanova et al., 2016, p. 204, fig. 7).

Прежде чем продолжить рассмотрение памятников на Кавказе нам необходимо расширить географию исследования, ведь в это же время появление каменных ящиков фиксируется в Восточной Анатолии, в доурартский период они известны в могильнике Дилкая расположенном на восточном берегу оз. Ван (рис. 44, 1) (Konyar, 2011, p. 224, fig. 22). В могильнике обнаружено три таких погребения, в п. №84 был зафиксирован обряд подзахоронения, из обнаруженных восьми погребенных семеро костяков были сдвинуты к южной части, а восьмой костяк был в скорченной позе расположен с северо-западной части гробницы. В п. № 91 была перегородка, делящая гробницу на две части, а в п. №88 было парное погребение, все погребенные в скорченной позе (Özfirat, 2018, s. 172). Нужно отметить, что Восточная Анатолия в целом наиболее слабо изученный регион Турции, его даже называют «темным местом турецкой археологии», а исследователи концентрировали внимание более на поселенческих памятниках и крепостях, к тому же многие погребения подвергались разграблению, как и упомянутые нами выше, которые были датированы лишь по оставшемуся в них материалу. Поэтому со временем представление о географии и хронологии каменных ящиков в этом регионе сможет измениться.

Довольно интересная ситуация наблюдается в Западном Иране, там широко распространенным обрядом погребения были коллективные захоронения в могилах овальной или округлой формы стены которых обкладывались крупным булыжником в один или два ряда, характерные для периодов Iron IA-IIA (XIII – X вв. до н.э.). В периоде Iron IIB (IX – начало VIII вв. до н.э.) происходит смена погребального обряда, на могильниках поселений: Пушт-и Кабуд, Тепе Кальвали, Баба Джан, Вар Кабуд появля-

ются погребения рядной планировки, совершенные в каменных ящиках северо-восточной, восточной или юго-восточной ориентировки. Индивидуальные погребения имели каменные перекрытия и кромлехи из крупных камней, положение погребенного было скорченно на правом боку (рис. 44, 2-4). В следующий период Iron III (1-я половина VIII – VII вв. до н.э.) преимущественно в могильнике Вар Кабуд происходит увеличение количества погребений и помимо индивидуальных становятся известны парные и коллективные захоронения. Хотя Б. Оверлайт связывает это с малым количеством известных погребений предыдущей эпохи, не дающей нам хорошей репрезентативной подборки (Hasanpur et al., 2015, pl. 8; Overlaet, 2005, p. 12-16, pl. 7, 10). Любопытно отметить, что, имея столь схожий обряд погребений кавказских и западноиранских могильников на территории Северо-Западного Ирана подобные погребения неизвестны вовсе.

Помимо этого, ящики сооружались на дневной поверхности перекрытые курганной насыпью, место для могильников выбиралось на возвышенностях или склонах холмов (рис. 44, 6). Такой тип погребений малоизвестен поскольку практически все известные погребения подверглись разграблению, аналогично, как и на Южном Кавказе, ведь эти курганы хорошо заметны на местности, а сами погребения находятся недалеко от поверхности насыпи. В исследовании группы иранских ученых была собрана разрозненная информация о таком типе погребений в провинции Карманшах и были ими датированы периодом Iron IIА-III (X – VII вв. до н.э.) (Nazari et al., 2016).

Необходимо упомянуть о распространении такой обрядности и на Балканском полуострове где аналогичные каменные ящики с индивидуальными погребениями начнут фиксироваться с XIV в. до н.э. (Bz C1) в регионе обоих Македоний, Эпира и Южной Албании, а само появление такой обрядности считается центральноевропейским влиянием на Балканы. Доминирующей ориентировкой было юго-западное направление, реже северо-восточное, погребенные были скорчены на правом или левом боку, начиная с XII в. до н.э. (Ha A1) поза погребенных меняется со скорченной на вытянутое на спине, а уже в XI в. до н.э. (Ha A2/субмикенский период) носители этой обрядности вытесняются пришедшими с севера племенами на территорию Греции, Д. Митревски объясняет это событие масштабными миграциями, охватившими весь полуостров (Ruppenstein, 2020, s. 108,

110-111, 115). После субмикенского периода такие погребения на территории Греции не известны (Kurts, Boardman, 1971, p. 36, pl. 1).

Каменные ящики с индивидуальными и коллективными захоронениями будут встречаться в Западной Анатолии, погребения там датируются XI – VII вв. до н.э. хотя известны они также и в более поздние периоды, но необходимо заметить, что такую обрядность, в виду малого числа известных погребений, нельзя назвать сколь ни будь значимой для этого региона (Kizil, Dogan, 2018, s. 144-145, 150, res. 6 *a-b*).

В конце II тыс. до н.э. каменные ящики становятся известны в Полесье, в Карпато-Подунавском регионе и Северо-Западном Причерноморье, каменные ящики, в большей степени для более позднего периода, могли быть сформированы как облицовка грунтовых ям или же сооружены на дневной поверхности и перекрыты курганной насыпью с кромlexом, трупоположение скорчено на боку, погребения совершались индивидуальные, парные или реже коллективные, господствовала южная или юго-восточная ориентировка. В начале I тыс. до н.э. такой обряд погребения присутствовал на многих могильниках региона наравне с другими обрядностями, при этом грунтовые и курганные ящики бытуют одновременно (Кашуба, 1999, с. 380; Кашуба, 2000, с. 275, 284-285).

Известны погребения срубной культуры в каменных ящиках, расположенных локально в районе Северного Приазовья, Р.А. Литвиненко соотносит погребения с вертикально стоящими плитами с раннесабатиновским этапом, в более позднее время в этом регионе каменные ящики уже будут оформляться выкладкой из мелкого камня (Литвиненко, 1999, с. 20 рис. 13).

И завершим рассмотрение андроновской культурой, где для памятников Центрального Казахстана была характерна аналогичная погребальная обрядность, скорченные погребения имели западную, восточную или северо-восточную ориентировки. В большей степени это касается алакульских степных погребений, хотя известны они и среди федоровских памятников (Кузмина, 1994, с. 39-40, 43). Традиция это носит местные корни где подобные конструкции хорошо известны в нуртайской культуре степного Казахстана (2-я половина III тыс. до н.э. – XVIII/XVII вв. до н.э.) (Ткачев, 2003, с. 68, 136, 201).

Как мы видим из рассмотренного нами довольно значительного региона с середины II тыс. до н.э. традиция погребений в каменных ящиках начинает территориально распространяться. Если для балканского региона и казахских степей мы имеем представление о источнике появления такой погребальной традиции, то для территории Кавказа и Ирана этот вопрос остается открытым и возможно ответ на него со временем будет дан, перспективным регионом, на наш взгляд, для данного исследования является Восточная Анатолия.

На Северо-Восточном Кавказе каменные ящики становятся известными во втором периоде каякентско-харачоевской культуры (XV – XIII вв. до н.э.) где костяки, скорченные на правом или левом боку, были ориентированы в сторону юга или юго-запада, хотя имелись и исключения с западной ориентировкой. Некоторые курганы имели кромлехи, сложенные из речных булыжников, а сами могильники имели рядную планировку, что дало основание В.И. Марковину провести сравнение с могильниками Северо-Западного Кавказа (Марковин, 1969, с. 30-41 рис. 9, 11-12, 14-15). Погребение в каменных ящиках на Северо-Восточном Кавказе будет практиковаться и в раннем железном веке, и даже более позднее время (Багаев, 2005, с. 293).

На Центральном Кавказе наблюдается немного иная картина, к примеру, в регионе примыкающим к каякентско-харачоевской культуре известен Белгатовский могильник каменные ящики которого имели широтную ориентировку, датированный XI – IX вв. до н.э. или Зандакский могильник, где в ящиках с южной ориентировкой появляются парные и коллективные погребения. В раннескифскую эпоху традиция погребений в ящиках станет более широкой, особенно для восточной части Центрального Кавказа, ориентировка погребений будет южной с небольшими отклонениями, но В.Б. Виноградовым замечена одна особенность, что помимо индивидуальных погребений, которые сохраняли доминирующее положение, стали достаточно широко распространены парные, коллективные погребения (до 7 человек) или подзахоронения со сдвигом предыдущих погребенных. (Виноградов, 1972, с. 269-271; Козенкова, 1977, с. 21, табл. XII, 6-7).

Параллельно в районе Пятигорска распространяются индивидуальные погребения в ящиках, где ранее такой обрядности не фиксировалось. Интересна ситуация во всех шести Березовских могильниках, где ящики с

юго-восточной ориентировкой (75% от общего числа), датированные Д.Е. Крупновым IX – VI вв. до н.э., не имели стены с северо-запада (в ногах), аналогично, как и погребения могильника Талин, рассмотренные нами выше (Виноградов, 1972, с. 190, рис. 21).

Для западного варианта кобанской культуры В.И. Козенковой указывается, что каменные ящики из вертикально стоящих плит характерны для всех ее этапов (XII – IV вв. до н.э.). Будучи не единственной обрядностью для группы общее количество погребений в ящиках довольно значительно. Трупоположение скорченно на боку, мужские погребения на правом женские на левом, с редкими исключениями, также редка и поза сидя. В основном погребения индивидуальные, но имеется незначительное количество парных захоронений. Ориентировка погребений в западном варианте различна, но погребения внутри самих могильников однообразны, что является признаком разнородного населения региона. Большая часть могильников имеет северо-западную и западную ориентировку, но есть и могильники с северо-восточной ориентировкой (Козенкова, 1989б, с. 75-76, 79-80).

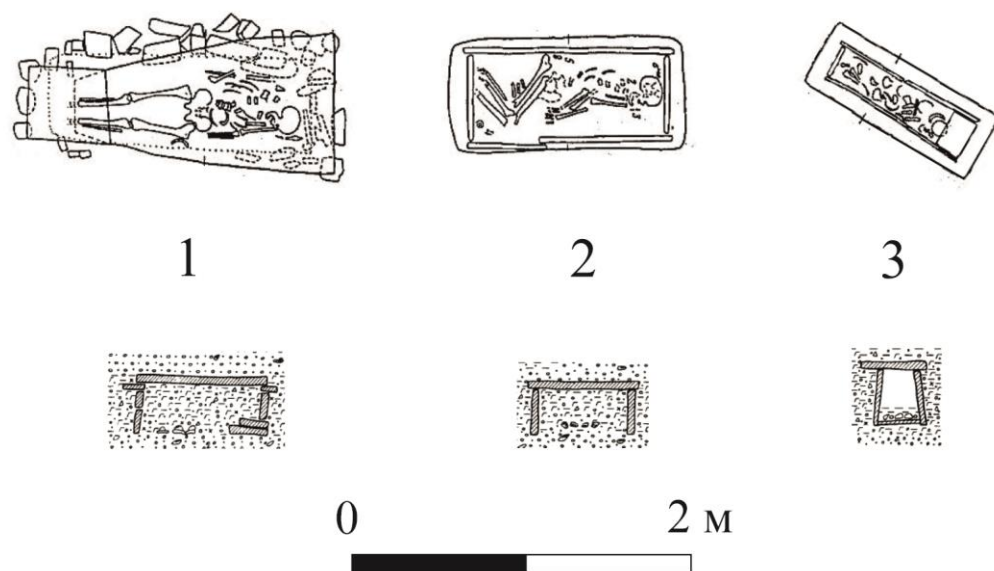

Рис. 45. Погребения VIII - VII вв. до н.э. в Северо-Восточном Причерноморье. Мог-к Псыбе: 1 - п. 13, 2 - п. 14, 3 - п. 11 (по Тешев, 1983).

Что касается приморских памятников, то появление обрядности погребений в ящиках датируется с VIII – VII вв. до н.э. Так, например, в могильнике Псыбе, в районе современного г. Туапсе, было исследовано 14

одинокных погребений (рис. 45, 1-3), расположенных по линии «запад-восток», где мужские погребения были вытянуты на спине, а женские скорчены на левом боку. Ориентировка погребенных была восточной и юго-восточной (Тешев, 1983).

Аналогичные погребения мы видим из рассмотренных выше погребений района г. Геленджик VIII – VII вв. до н.э. Как уже отмечалось, не смотря на практически полное разграбление погребений удалось зафиксировать обряд трупоположения по четырем неграбленным могилам и остаткам погребенных в тех случаях, когда они сохранились. В большей части погребений осуществлялись коллективные погребения, по немногочисленным останкам И.И. Аханов предположил, что все погребения как одиночные, так и коллективные имели положение скорченно на боку, с редкими исключениями сидячих поз. В п. 6 2-й группы и п. 2 4-й группы количество погребенных достигало 12-15 человек (Аханов, 1954а, л. 18).

Помимо этого, можно указать могильник Шесхарис с одиночными и парными погребениями с преимущественно юго-восточной ориентировкой раннескифского и античного периодов. Из могильника Широкая Балка известна могила 3 с четырьмя погребенными северной ориентировки, а также погребения могильника Большие Хутора, с коллективными погребениями (до 3-4-х человек) имевших северную ориентировку (Эрлих, 2005, с.76-77).

Таким образом мы видим, что с VIII в. до н.э. в приморской зоне начинают фиксироваться погребения в каменных ящиках восточной, северо-восточной и северной ориентировки. В Геленджике и Псыбе имеются скорченные погребения, в остальных случаях погребенные вытянуты на спине. Часть погребений в Геленджикском могильнике была сооружена на поверхности, остальные впущены в грунт. Теперь же надо обратиться к керамическому материалу этого периода.

Керамическая коллекция погребений не так богата, но известные образцы достаточно интересны, например, кернос – специализированный культовый сосуд с дополнительными горлышками из могильника Большие Хутора п. 10 (рис. 46, 1). Появление таких сосудов известно с эпохи энеолита Восточного Средиземноморья, откуда в более позднее время распространяются на Балканы (Дараган, 2011, с. 463). Сосуд из Больших Хуторов имеет общую основу с несколькими горлышками, такой тип стано-

вится известен на Кавказе с находки в могильнике Цахкалани п. 17 датированным 2-й половиной XV в. до н.э. – 1-й половиной XIII вв. до н.э. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 280, pl. VIII). В начале I тыс. до н.э. они известны уже во Фригии, а в IX – VIII вв. до н.э. керносы фиксируются в северной и северо-западной части Ирана и Урарту (Дараган, 2011, с. 463). В Северном Причерноморье они появляются в предскифский и раннескифские периоды, М.Н. Дараган считает их происхождение связанным с наследием культуры Гава по причине наличия каннелюра на стенках сосудов (Дараган, 2011, с. 462), хотя надо заметить, что на Кавказе такой тип орнамента тоже известен, но вот именно керносов с каннелюрами неизвестно, как и на сосуде из п. 10 могильника Большие Хутора.

Рис. 46. Материалы раннего железного века Северо-Восточного Причерноморья. 1 - сосуд-кернос Большие Хутора п. 10 (по Малышев, Новичихин, 2022); 2 - Рассвет п. 157 (по Новичихин, 2010); 3 - Псыбе (по Тешев, 1983); 4-6 - Победа 5 (по Шишлов и др., 2011). 1-6 - глина.

Интересен черпак из п. 10 могильника Псыбе (рис. 46, 3), такие глубокие черпаки с петлевидной ручкой, прикрепленной к венчику помимо Северо-Западного Кавказа известны также и в Северном Причерноморье.

Так на поселении Жаботин встречены очень похожие изделия, выделенные в 3 тип черпаков и датированные концом VIII – серединой VII вв. до н.э. (Жаботин III) (Дараган, 2011, с. 405, 411, рис. IV.5, 3, 11), единственное отличие находится в оформлении венчика, лесостепные образцы имеют форму плавного изгиба, а не выступающий наружу венчик от прямых стенок, М.Н. Дараган находит параллели с черпаками чернолесской культуры, но между ними имеется разрыв в столетие. Мы считаем, что данный черпак имеет явные аналогии с чашами, имеющими расширяющийся к краю венчик (рис. 48, 6, 9, 6, 39), на них мы остановимся подробнее ниже, лишь укажем, что в раннем железном веке на Северо-Западном Кавказе такие черпаки довольно хорошо представлены, например, в Абинском могильнике к. 1 пп. 20, 22, Пшиш п. 58-59, Пшиш-1 п. 51 и пр. (Эрлих, 2005, рис. 119-124).

Теперь нам необходимо обратиться к поселенческому материалу раннего железного века Победа 5 возле ст. Натухаевской, конечно, это не совсем корректно, ведь предметом нашего исследования являются погребения, но по причине дефицита материала для ранних погребений хотя бы затронуть тему керамики поселений нам кажется необходимо.

Грушевидный сосуд с уплощенной ручкой (рис. 46, 5) (Шишлов и др., 2011, рис. 3, 3) хорошо известен в Северном Причерноморье и являются ярким маркером раннескифского периода. Так, например, они известны в лесостепных памятниках: Берестяги к. 82, Лазурцы к. 2, Журовка к. 406 и других погребений, оставленных скифским населением, появление их отнесено к горизонту Жаботин III и бытовать они будут до конца VI в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 535, рис. IV.6, 14, 17-18; Пеляшенко, 2014, с. 61). Происходят они из Передней Азии, где широко известны на Северо-Западном Иране в периоде Хасанлу IVB (IX в. до н.э.) (Danti, 2013, p. 358, fig. 17.13, o). Так же известны они и в Фригии, в слое Гордиона YHSS 7A/6A до середины VIII в. до н.э. (Voigt, Henrickson, 2000, p. 50, fig. 4, 4). Помимо этого, аналогичные сосуды представлены в Лчашен-Мецаморской культуре урартского периода (Avetisyan, 1999/2000, fig. 58, 2).

Сосуды с орнаментом в виде двойного горизонтального ряда округлых, треугольных вдавлений или насечек (рис. 46, 4) (Шишлов и др., 2011, рис. 2, 1) подробно рассмотрены нами выше (глава I), в данном случае

важно отметить присутствие такой керамики на памятнике раннего железного века.

Рассмотренные образцы керамики хорошо показывают связь с Южным Кавказом или шире Передней Азией, но кажется этого мало, и мы считаем, что рационально расширить обзор материалов из погребений более позднего периода, VI – V вв. до н.э.

Прекрасную коллекцию лепной керамики мы видим в материалах могильника у х. Рассвет (рис. 47, 1-5). В могильнике известно четыре типа захоронений, если считать с одиночным склепом, каменные ящики там составляют 55,6% или 89 могил, у них преобладает восточная ориентировка, из них тринадцать парных захоронений, пять могил имели по три и в одном случае четыре погребенных. В остальных случаях погребения были индивидуальные или костяки не сохранились совсем, преобладающей позой погребенных была вытянуто на спине и редкие случаи со скорченно на боку. (Новичихин, 2010, с. 194, 196).

Стоит начать с черпака, орнаментированного роговидным навершием на ручке из п. 157, нами выше они были отнесены к периоду последней четверти VIII – VII вв. до н.э. и как один из возможных регионов их появления на Северо-Западном Кавказе указывалась Колхида (глава 2.3). Можно добавить, что в этом же погребении было найдено железное копье ланцетовидной формы (Крушкол, Новичихин, 2010, с. 188, рис. 209, 5) аналогичное находке из Геленджикского могильника (глава 2.4), а также находкам из Южного Кавказа и в частности на территории Колхиды, датируются они в рамках VII – IV вв. до н.э. (Gamkrelidze et al., 2016, p. 210-211, pl. III, 5-7).

Массив лепной керамики (рис. 48, 1-15) находит много параллелей на памятниках Северного и Южного Кавказа. Широкое распространение имеет чаша с вертикальными стенками с ребром при переходе к сужающемуся дну (рис. 48, 5, 22, 38), такая форма чаш на Ближнем Востоке является одной из самых архаических и самых распространенных форм, имея различия в орнаментальной традиции, наличию или отсутствию ручек все же сохраняет морфологические особенности на протяжении длительного времени. В верховьях Тигра и Евфрата она известна с середины V тыс. до н.э., в Иране с начала IV тыс. до н.э., присутствуют такие сосуды и в Лча-

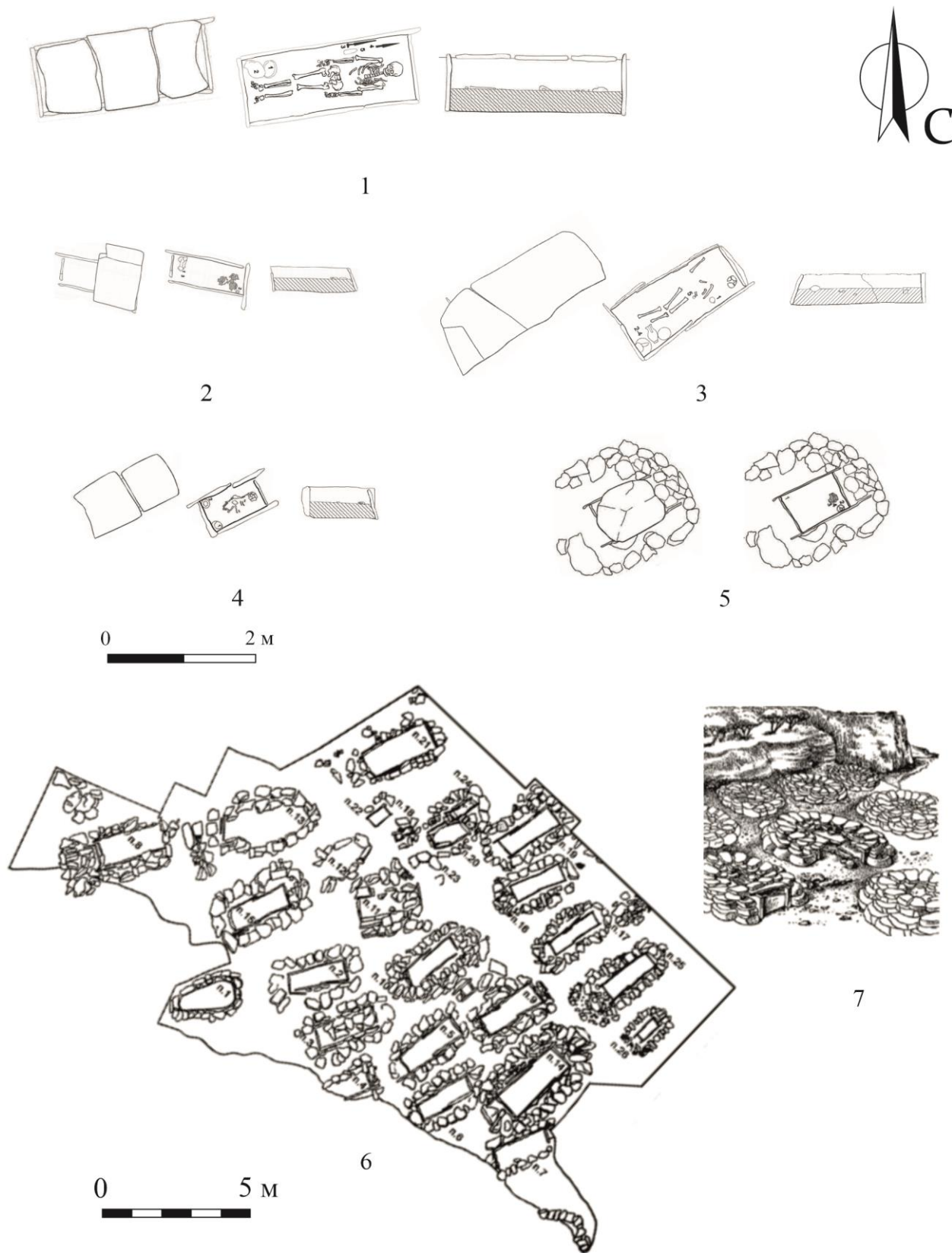

Рис. 47. Погребения могильника у хут. Рассвет и устье Лобановой Щели. Рассвет: 1 - п. 49, 2 - п. 56, 3 - п. 65, 4 - п. 66, 5 - п. 75 (по Крушкол, Новичихин, 2010); мог-к в устье Лобановой Щели: 6 - общий план, 7 - современная реконструкция погребений (по Малышев, Горланов, 2020).

шен-Мецаморской культуре (Akkermans, 1988, p. 231, pl. 69, 24; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 240, pl. IX, 3; Lamberg-Karlovsky et al., 2001, p. 65, fig. 2.11). Помимо п. 117 могильника у х. Рассвет, мы ее видим и в кобанской культуре из погребения Пантелемоновский, а также поселении ахеменидского периода Бениамин II на Северо-Западе Армении (Козенкова, 1998, табл. XXXV, 11; Крушкол, Новичихин, 2010, с. 152, рис. 169, 2; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 13, 13).

Миски по морфологии схожие с уже рассмотренными выше, имеющие вертикальные стенками и ребро при переходе к сужающемуся дну, имеют различие лишь в том, что вместо ребра идет плавный переход к вертикальной стенке (рис. 48, 3, 19, 36). На территории Южного Леванта они фиксируются с середины-конца периода Iron Age I (XI – X вв. до н.э.) (Maeir, 2012, p. 277, pl. 13:2:5-6, 13:5:4-6), на территории Северо-Западного Ирана они появляются достаточно поздно, в постурартский период (середина VII – середина VI вв. до н.э.) и будут широко распространены в ахеменидский период в т.ч. и на территории Западного Ирана, как например, в поселениях Годин II и Баба Джан (Kroll, 1976, s. 120-121; Summers, Burney, 2012, p. 272, fig. 18, 4). На Северном Кавказе такие находки единичны, помимо п. 100 могильника у х. Рассвет нам известна находка миски, только небольших размеров, из поселения Сержень-Юрт, причем еще В.И. Козенковой указывалось на закавказское происхождение этого типа мисок (Козенкова, 1982, с. 78, табл. LIII, 3; Крушкол, Новичихин, 2010, с. 134, рис. 149, 2).

К широко распространенным формам относится и чаша с плоским дном, плавно переходящим в вертикальную стенку и расширяющимся к краю венчиком которые мы видим на поселении Победа 5 и п. 30 могильника у х. Рассвет (рис. 48, 6, 9, 6) (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 52, 1; Шишлов и др., 2011, рис. 2, 8). Появляются такие сосуды во 2-й половине III тыс. до н.э. в Юго-Западной Анатолии в т.н. «западно-анатолийском наборе для питья», там они были представлены с двумя ручками (Ünlü, 2016, p. 349, fig. 2), а позже будут встречаться с одной как черпаки или без них как чаша, так, на территории в Греции в периоде LH IIIB (XIV в. до н.э.) (Thomas, 2005, p. 478, 509-510, fig. 9, 12, 25, 19). В Восточном Средиземноморье они станут широко распространены и будут известны в те-

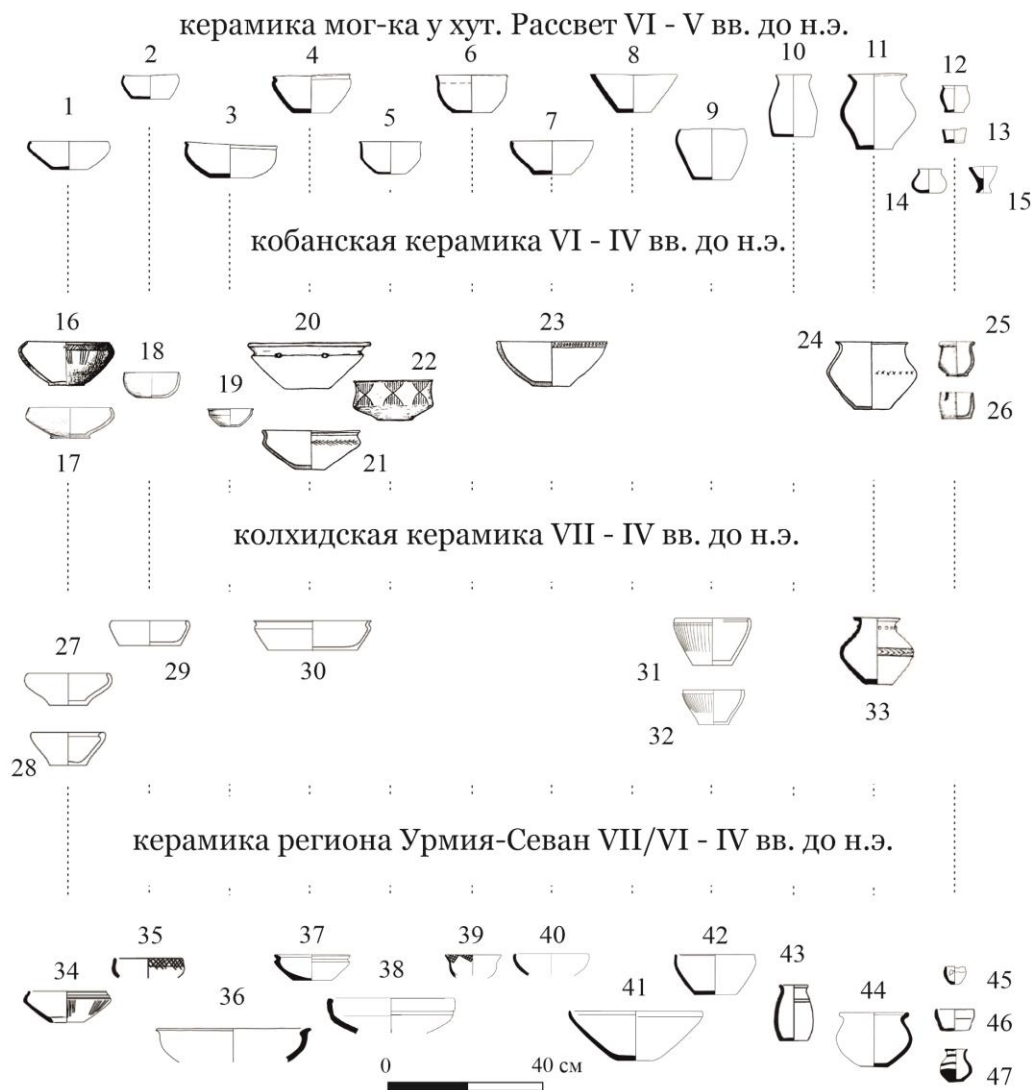

Рис. 9. Сравнительная таблица типологических форм керамики могильника у хут. Рассвет с материалами кобано-колхидской культурной общности и керамикой региона Урмия-Севан. Мог-к Рассвет: 1 - п. 82, 2 - п. 71, 3 - п. 100, 4 - п. 65, 5 - п. 117, 6 - п. 30, 7 - п. 101, 8 - п. 130, 9 - п. 86, 10 - п. 135, 11 - п. 157, 12 - п. 83, 13 - п. 107, 14 - п. 73, 15 - п. 74; кобанская керамика: 16 - Инжиичукунский п. 1, 17, 19, 26 - пос. Сержень-Юрт, 18 - мог-к Сержень-Юрт п. 25, 20 - Клинярский 2-й п. 1, 21 - Исправная п. 2, 22 - Пантелемоновский, 23 - Исправная п. 11, 24 - Исправная п. 1/2, 25 - Нестеровский п. 2; колхидская керамика: 27-32 - основные типы колхидской керамики, 33 - Вани; постурартская и ахеменидская керамика: 34, 41, 45 - Эребуни, 35, 43 - Азатан, 36, 44, 47 - Яник тепе, 37, 39 - Хасанлу IIIA, 38, 40, 42, 46 - Бениамин II.1-15 (по Новичихин, 2010); 16, 20-24 (по Козенкова, 1998); 17-19, 25-26 (по Козенкова, 1982); 27-32 (по Gamkrelidze, 2021); 33 (по Castelluccia, 2019); 34, 41, 45 (по Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012); 35, 38, 40, 42-43, 46 (по Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022); 36, 44, 47 (по Summers, Burney, 2012); 37, 39 (по Dyson, 1999). 28-32 - без масштаба. 1-46 - глина.

чении всего II тыс. до н.э. в форме чаш и черпаков (Bagh, 2013, p. 127, 131, fig. 77, *m-r*, 79, d; Panitz-Cohen, Mazar, 2009, pl. 15, 3). На территории Северо-Западного Ирана аналогичные чаши хорошо известны с периода MB III (XV – середина XIV вв. до н.э.), а в урартский период (IX – середина VII вв. до н.э.) уже и на Южном Кавказе (Abedi et al., 2014, fig. 57, 5; Avetisyan, 1999/2000, fig. 39, 6; Danti, 2013, p. 333, fig. 17.1, *e*) и где они будут бытовать до конца ахеменидского периода Хасанлу IIIA и Яник тепе (рис. 48, 39) (Dyson, 1999, fig. 1, *a*, 2, *d*; Summers, Burney, 2012, fig. 17, 9). Любопытно нахождение такого сосуда на поселении Шушук датированное радиоуглеродным методом XIII – XII вв. до н.э., но поскольку разрыв с рассматриваемым нами периодом составляет полтысячелетия, а находка единичная, то мы не можем говорить, что эти сосуды имели на Северо-Западном Кавказе какое-либо распространение в течении всего этого времени (Эрлих и др., 2022, с. 16, рис. 7, 27).

Миски закрытых форм (рис. 48, 1, 16-17, 27-28, 34) хоть и встречаются в разных регионах, но более характерны для Северо-Западного Ирана и гальштатской керамической традиции. На Балканах они присутствуют в группе Босут, культурах Гава и Басарабь-Шолдэнешть, в Северном Причерноморье будут известны в чернолесской культуре и в периодах Жаботин II-III (середина VIII – середина VII вв. до н.э.) (Дараган, 2011, с. 397-398, 532, 534, рис. IV.2). На Северо-Западном Иране они уже фиксируются с середины II тыс. до н.э. на поселении Хавтавана VIB, а на территории Лчашен-Мецаморской культуры они появятся только в урартский период (Avetisyan, 1999/2000, fig. 32, 3, 5-6; Edwards, 1981, fig. 18, 1-14, 19, 6). Миске из п. 82 могильника у х. Рассвет синхронные аналогии будут известны на Кавказе не только в кобанской культуре, но и на Колхиде (Козенкова, 1982, табл. LII, 3; Козенкова, 1998, табл. XXXV, 15; Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 122, 1; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 6, 14-15), еще мы можем привести пример из раскопок Эребуни на территории Армении периода постурарту, найденная там миска датирована началом - 1-й половиной VI в. до н.э., что интересно у этой миски совпадает орнаментальный мотив с кобанской миской из могильника Инжиччукунский п. 1 (рис. 48, 16, 34) (Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012, p. 119, fig. 18, 12).

Миски полусферической формы (рис. 48, 7, 23, 40) распространены очень широко географически и хронологически, поэтому мы ограничимся

лишь упоминанием того, что на Кавказе такие миски тоже есть. Мы можем привести примеры мисок аналогичных найденной в п. 101 могильника у х. Рассвет, из могильника кобанской культуры Исправная п. 11 и из поселения Бениамин II в Армении (Козенкова, 1998, табл. XXXV, 3; Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 151, 1; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 12, 8-9). Но стоит отметить отсутствие таких мисок на Колхиде.

Миски с резко обозначенным плечиком (рис. 48, 4, 20-21, 30, 37) становятся известны на территории Южного Леванта в период LBA IIb (2-я половина XIV в. до н.э.), а широкое распространение получают уже в конце II тыс. до н.э. (Maer, 2012, p. 276, pl. 13:12:12). В Лчашен-Мецаморской культуре такие миски фиксируются с периода EIA (XII – X вв. до н.э.) и будут бытовать в более позднее время, в т.ч. и на территории Колхиды (Avetisyan, 1999/2000, fig. 34, 7, 9; Avetisyan, 2009, p. 71, fig. 3, 4; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 13). Миски аналогичные найденной в п. 65 могильника у х. Рассвет отнесенной к концу VI – началу V вв. до н.э. (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 95, 2) будут достаточно широко распространены, например, в Северо-Западном Иране мы их видим на поселении Хасанлу IIIA (Dyson, 1999, fig. 8, f). На Северном Кавказе аналогии известны на могильниках Клинярский 2-й п. 1 и Исправная п. 2 (Козенкова, 1998, с. 97, табл. XXXV, 5, 7).

Воронкообразные миски (рис. 48, 8, 41) аналогично полусферическим достаточно широко распространены, однако надо указать, что на Северном Кавказе авторам не известны более аналогии миски из п. 130, на Колхиде они тоже не представлены, а вот в Лчашен-Мецаморской культуре они хорошо известны с урартского периода и позже они будут известны на поселении Эребуни (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 183, 1; Avetisyan, 1999/2000, fig. 10-11; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012, fig. 10, 8, 10).

Миски широким дном аналогичные из п. 71 могильника у х. Рассвет (рис. 48, 2, 18, 29, 35) достаточно хорошо известны на памятниках Южного Кавказа, Ст. Кролл указывает, что помимо этого они будут широко распространены в урартский, постурартский и ахеменидский периоды на Северо-Западном Иране и северной части Восточной Анатолии, вполне возможно, что истоком для данного типа мисок являются указанные им памятники Годин II (Западный Иран) и Персеполис (Крушкол, Новичихин, 2010, рис.

103, 1; Kroll, 1976, s. 112). Они известны в Колхиде, кобанской и кизил-кобинской культурах (Козенкова, 1982, табл. LIII, 7; Крис, 1981, с. 27, табл. 25, 2; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 7-8, 10-12), о распространении на степных памятниках в раннежелезном веке подобных мисок автору не известно.

Глубокие сосуды закрытой формы (рис. 48, 9, 31-32, 42) аналогичные находке из п. 86 могильника у х. Рассвет известны в период LBA-EIA (XV – X вв. до н.э.) в районах Карса и Эрзурума, на Южном Кавказе мы их видим на территории Колхиды с VII в до н.э. и в поселении Бениамин II ахеменидского периода (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 128, 1; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 4-5; Işıklı, 2013, s. 225-226, fig. 6; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 12, 5). Известны такие находки и в кизил-кобинской культуре на поселениях Инкерманское и Ашлама-Дере (Крис, 1981, табл. 24, 5-8).

Сосуды бутылочной формы (рис. 48, 10, 43) аналогичные находке из п. 135 могильника у х. Рассвет известны на Северо-Западном Иране с середины II тыс. до н.э. на поселении Хавтавана VIB и будут встречаться в периодах Iron I-II (середина XIII – IX вв. до н.э.), известен такой сосуд и на могильнике Талин п. 57 (середина XII – конец XI вв. до н.э.) описанный нами выше (рис. 43, 6), а в VI в. до н.э. мы его уже видим на поселении Азатан, на территории Северо-Западной Армении (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 188, 2; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 254, pl. VIII, 13; Edwards, 1981, fig. 7, 1, 8, 2; Danti, 2013, p. 333, fig. 17.9, j, 17.11, m; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 7, 4). В Северном Причерноморье есть аналогичная находка на поселении Ашлама-Дере в Крыму (Крис, 1981, табл. 30, 15).

Биконические сосуды (рис. 48, 11, 24, 33, 44) аналогичные найденному в п. 157 могильника у х. Рассвет (отнесенного к раннескифскому периоду нами выше при описании черпака с роговидными навершиями) широко известны на территории Северо-Западного Ирана еще с середины II тыс. до н.э. и бытуют вплоть до постурартского периода, когда они практически полностью уходят из обихода. На территории Южного Кавказа мы их видим еще на памятниках Лчашен-Мецаморской культуры периода LBA (XV – XIII вв. до н.э.). В ахеменидский период мы знаем такие сосуды из раскопок поселений Яник тепе в Северо-Западном Иране и Вани в Колхиде, а в

кобанской культуре можно привести пример сосуда из могильника Исправная п. 1/2. (Козенкова, 1998, табл. XXXIII, 6; Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 209, 2-3; Badalyan et al., 2008, fig. 23, *a-c, e*; Castelluccia, 2019, p. 98, fig. 13, 15; Danti, 2013, p. 350, fig. 17.9, *l*; Edwards, 1981, fig. 10, 1, 11, 14, 13, 41-43; Summers, Burney, 2012, fig. 23, 7.11).

Миниатюрные сосуды (рис. 48, 12-14, 25-26, 45-47) встреченные в пп. 73, 74, 83 и 107 могильника у х. Рассвет находят аналогии в Восточном Средиземноморье. Появление их зафиксировано в Южном Леванте в периоде МВ ПА (XIX вв. до н.э.), где они стали дешевой альтернативой египетским алебастровым сосудам и будут бытовать в регионе все II тыс. до н.э., хорошо известны они и в Греции с периода ЛН IIIB (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 106, 3, 124, 1, 159, 1; Maeir, 2012, p. 280, pl. 13.11, 22, 13.18, 21; Oren, 2019, p. 272-273, pl. 4.1.14, 1-15; Thomas, 2005, p. 468-470, fig. 6, 1-8). На территории Северо-Западного Ирана они известны на поселении Хавтавана VIB, Геой тепе и пр. середины II тыс. до н.э. и будут бытовать в период Хасанлу IV (середина XI – IX вв. до н.э.) (Danti, 2013, p. 350, fig. 17.1, *l, o-p, 17.11, k-l, o-s, q*; Edwards, 1981, fig. 8-9). С XII – X вв. до н.э. такая керамика появляется в Лчашен-Мецаморской культуре (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 255-256, pl. IX, 15-16, X, 2). В рассматриваемый нами период миниатюрные сосуды известны на поселениях Эребуни, Яник тепе и Бениамин II региона озер Севан-Урмия (Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012, fig. 10, 5; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 15, 21; Summers, Burney, 2012, fig. 10, 3). В кобанской культуре они также хорошо известны, в качестве примера можно привести сосуды из поселения Сержень-Юрт и могильника Нестеровский п. 2 (Козенкова, 1982, табл. XLVIII, 5, 9).

Отдельно необходимо сказать о миниатюрном сосуде на ножке (рис. 48, 15), на составленной нами таблице не обозначены аналогии для ахеменидского периода, однако такой тип сосуда был достаточно широко распространен в VIII – VII вв. до н.э. на памятниках Ирана, таких как Персеполис, Зендан, Бастам и пр., Армавир и Кармир Блур на Кавказе, Патнос в Восточной Анатолии и Гордион во Фригии, и пр. (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 108, 1; Kroll, 1976, s. 129). В кобанской культуре В.И. Козенкова относит их к ритуальным сосудам, называет бокалами, и датирует диапазоном X – VII вв. до н.э., но поскольку имеются более узкие даты для подобных сосудов в Передней Азии, то имеет смысл скорректировать столь

широкий диапазон, вовсе не означающий, что с X в. до н.э. бокалы уже бытовали на Северном Кавказе, в сторону VIII–VII вв. до н.э., тем более, что В.И. Козенковой было учтено всего четыре находки (Козенкова, 1982, с. 81, табл. LV, 2-4). На территории Колхиды они станут известны в VI – I вв. до н.э. на Эшерском городище и поселении на холме Верещагина, так же поздно, как и на Северо-Западном Кавказе, известные фрагменты сосудов не выразительны и поэтому мы их не включили в сравнительную таблицу (Джопуа, 2009, с. 105-107, 137 рис. 91, 5-6, 121, 5-10).

Теперь, когда коллекция разобрана необходимо дать общие комментарии. Первое, мы не разделили лепную керамику могильника у х. Рассвет по типам погребений поскольку она представляет из себя культурное единство, да и второй по количеству погребений тип обрядности (38,8% от общего числа) также имеет аналогии в Лчашен-Мецаморской культуре. Погребения в неглубоких ямах, обложенных по краю камнями известны к примеру, на могильнике Кходжабахер Лчашен-Мецаморской культуры, где они датируются XIV – XIII вв. до н.э., встречаются такой тип погребений среди поздних погребений могильника Тли, а с VI в. до н.э. известны они и на Северном Кавказе (Виноградов, 1972, с. 208-209; Новичихин, 2010, с. 192; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 175, pl. II, III, 1-3), зафиксированы аналогичные погребения также и в Крыму (Крис, 1981, с. 42). Данная обрядность является отдельным субъектом, а значит имеет свое пространство и время, и соответственно она требует отдельного исследования, но все же разделение керамики по типам погребений мы сочли не целесообразным.

Второй и очень важный момент, коллекция лепной керамики могильника, за редким исключением, как например черпак с роговидным навершием, является ахеменидской керамикой. Уточним терминологию. В керамической традиции Лчашен-Мецаморской культуры не было резких изменений, шла поэтапная эволюция, обогащаемая нововведениями и как мы уже видели описанные типы керамики пришли на Кавказ еще до ахеменидского периода, поэтому термины керамика «урартского», «постурартского» и «ахеменидского» периодов несут прежде всего хронологический смысл. И поскольку аналогичная керамика региона Севан-Урмия со второй половины VI до н.э. определяется как ахеменидская, то и для могильника у х. Рассвет – это определение верное. Если сместить акцент с хронологии,

то ее можно назвать переднеазиатской, а еще уже южнокавказской керамикой.

В-третьих, мы не будем затрагивать тему бронзовых и железных изделий, поскольку она всесторонне рассмотрена исследователями, тем более, что в этом регионе нет никакого сырья для занятия металлургией и она априори является импортом.

Подытоживая рассмотренные нами материалы, мы видим, что аналогичные погребальные и керамические традиции известны на протяжении всего Северного Кавказа, необходимо дополнить, что в это время ахеменидская керамика бытует и в т.ч. на территории Северо-Восточного Кавказа (Багаев, 2005). Соответственно встает вопрос, является ли появление таких погребений на территории Северного Причерноморья миграцией с территории Лчашен-Мецаморской культуры или они связаны с кобанской культурой.

Из рассмотренных нами могильников мы видим, что обряд погребения в каменных ящиках первенствовал на Южном и Северо-Восточном Кавказе, с периода XII – X вв. до н.э. эта традиция приходит на территорию кобанской культуры, но тут мы видим важную особенность, некоторые могильники имеют лчашенскую обрядность, некоторые сохраняя местную ориентировку погребенных и лишь меняют тип могил с ям на ящики, хотя это не было повсеместно, а с VII в. до н.э. возрастает количество парных погребений (Козенкова, 1989б, с. 83). На Северо-Восточном Кавказе к традиционной обрядности каякентско-харачоевской культуры добавляются традиции парных и коллективных захоронений, появляется поза сидя. Что касается керамики, то несмотря на присутствие южнокавказской керамики на территории Северного Кавказа параллельно ей бытует и местная керамическая традиция. Соответственно для кобанских памятников корректно говорить о влиянии, конечно часть могильников непосредственно связана с мигрантами и выявление их решаемая задача, но не входящая в задачи данного исследования, но в целом для региона это конечно можно назвать влиянием.

Для Северо-Западного Кавказа картина немного иная, тут не присутствует какая-либо местная обрядность кроме захоронений в дольменах и вовсе не известна местная керамическая традиция в погребениях, если не считать таковым колхидский материал, который так же известен на этой

территории. К сожалению исследование дольменных памятников упирается в чрезвычайно малую часть опубликованных материалов, мы лишь можем опираться на сообщения, о том, что в дольменах находился материал раннего железного века или античной эпохи. Из чего сложно сказать дольмены просто использовались пришлым населением или это традиция захоронения автохтонных племен. Только опираясь на то, что аналогично Северо-Западному Кавказу распространенным обрядом погребения дольмены были также в Колхиде, погребения в которых совершались вплоть до античного времени, мы можем лишь предположить, что это могло быть колхидское население (Гогодзе, Панцхава, 1997, с. 66). Но сделать вывод о том, что погребения в дольменах совершались как до появления каменных ящиков на Северо-Западном Кавказе, так и синхронно им мы можем.

На территории наибольшего распространения каменных ящиков, в Крыму, мы видим ту же обрядность, выбор возвышенностей для могильников, их рядность, наличие коллективных погребений, скорченная поза костяков северо-восточной, а иногда и южной ориентировки (в тех случаях, когда удавалось фиксировать трупоположение), есть упоминание и о сидячей позе. Х.И. Крис также проводила параллели в наличие кобанских бронз из таких погребений, отмечала схожесть керамики с кавказскими материалами, Е.А. Кравченко уточняет и дополняет выводы Х.И. Крис, что кавказская керамика присуща исключительно погребениям в каменных ящиках, помимо этого могильники аналогичны кавказским и в плане социально-иерархической структуры, т.е. наличием нескольких рядов в могильнике содержащих разные по количеству погребенных в могилах, что мы уже видели в Геленджикском могильнике. Е.А. Кравченко выделяет несколько этапов кизил-кобинской культуры и появление каменных ящиков в Крыму она определяет, как основной маркер для таврского периода культуры (2-я половина VIII – середина IV вв. до н.э.), мы можем говорить, что примерно в это же время появляются и ранние погребения в ящиках на Северо-Западном Кавказе (Кравченко, 2010, с. 95-108; Крис, 1981, с. 32, 34-43, 46-47).

Что касается изменения трупоположения со скорченного на вытянутое на спине, то такую позу В.И. Козенкова считает не характерной для кобанской культуры, а появление ее определяет серединой VI в. до н.э. для памятников западного варианта и VII – VI вв. до н.э. для восточного (Ко-

зенкова, 1977, с. 23; Козенкова, 1989б, с. 83-84). В Крыму мы можем этот переход отнести к этому же периоду, по крайней мере с VI в. до н.э. такое трупоположение в каменных ящиках уже известно (Колтухов, 2014, с. 54).

В восточной части Северного Причерноморья положение вытянуто на боку становятся известны с VIII в. до н.э., но наибольшее распространение, вытянутое трупоположение получит ближе к концу VIII в. до н.э. – VII в. до н.э., именно влияние степной традиции В.И. Козенкова считает причиной изменения обрядности на памятниках Северного Кавказа (Козенкова, 2018, с. 291; Лукьяшко, 2012, с. 247, 251; Эрлих, 2005, с. 84).

Тема появления и распространения керамики урартского и ахеменидского периодов на Северном Кавказе и Крыму достаточно большая поэтому мы рассмотрели ее через коллекцию всего одного могильника у х. Рассвет, но даже это позволяет нам сделать некоторые выводы. Во-первых, распространение керамики характерно для территорий, на которых присутствуют захоронения, связанные с погребальной традицией Южного Кавказа. Так, к примеру, такая керамика малоизвестна в степных памятниках для столь раннего периода, мало распространена она и на Колхиде, что мы видим на примере составленной нами таблицы сравнения типов керамики для VII – IV вв. до н.э. (рис. 48). Во-вторых, мы видим по материалам могильника у х. Рассвет, что связи Северо-Западного Кавказа и региона оз. Севан-Урмия не прекращались и в VI – V вв. до н.э., что мы считаем важным фактором.

В итоге мы видим, что для памятников Северного Причерноморья характерно культурное единство с памятниками Лчашен-Мецаморской культуры и последующими постурартским и ахеменидским периодами выраженное в единстве могильной конструкции, обряда трупоположения (для ранних погребений) и единстве керамической традиции.

Необходимо также указать и иные особенности погребений, к которым можно отнести сооружение оградок или кромлехов из крупных камней как мы можем видеть на примере могильника Лобанова Щель и п. 75 могильника у х. Рассвет (рис. 47, 5-7) (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 109; Малышев, Горланов, 2020, рис. 5, 1-2). Аналогичную конструкцию описывает И.И. Аханов в Геленджикском могильнике п. 6 2-й группы курганов, хотя отмечалось, что симметрии в выкладке не было (Аханов, 1954а, л. 16). Для памятников кобанской культуры В.И. Козенкова отмечает, что такая особенность погребений в каменных ящиках появляется только в скифский

период (Козенкова, 1989, с. 77, табл. XXVIII, 8), распространены кромлехи и на крымских памятниках (Крис, 1981, с. 38, 42). Касательно наличия отверстия в каменных ящиках Геленджикского могильника, то их, на наш взгляд, стоит рассматривать как влияние местного населения, практиковавшего обряд погребения в дольменах, во всех иных аспектах они соответствуют традиции погребениям в каменных ящиках Южного Кавказа. Наличие же подпорок у боковых стен некоторых погребений Геленджикского могильника также находит аналогии в кобанской культуре (Козенкова, 1989, с. 77, табл. XXVIII, 2).

Обратим внимание на возможную причину побудившую к миграции население, ответ как нам кажется можно найти в клинописных текстах VIII в. до н.э. Во время правления урартского царя Аргишти I (786-764 гг. до н.э.) начинается политика военной экспансии на Кавказ. Военные походы имели целью разграбление населения, но параллельно началось основание новых городов и крепостей. Так, к примеру, к западу от оз. Севан был основан город Аргиштихинили и в это же время прекращает функционировать расположенный в том же районе могильник Талин, описанный нами выше. В текстах указывается, что город Аргиштихинили был основан в стране Ази (Ачи) и что это враждебная земля для царства Урарту. Поселение Ирпуни так же строилось для усмирения вражеского населения. Помимо этого, мы знаем, что объектами военной экспансии Аргишти I на Южном Кавказе стали страны: Этиуни, Гулутахи, Аништиргасе, параллельно там начинают появляться новые погребальные традиции, как погребения в урнах и обряд кремации, а характерный для Лчашен-Мецаморской культуры каменные ящики начинают появляться в других регионах Урарту (Есаян и др., 1992, с. 22; Меликишвили, 1953, с. 263, 269, 271; Yengibaryan, 2019, p. 25). Военная экспансия продолжилась при Сурдари II (764-735 гг. до н.э.), а окончательное покорение региона произошло при царе Руса I (735-714 гг. до н.э.) после которого в текстах нет упоминаний о военных походах на Кавказ (Yengibaryan, 2019, p. 25-26). Начало военной экспансии Урарту на Кавказ совпадает с появлением погребений в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и Крыму, и, мы считаем, это и стало главной причиной миграции населения.

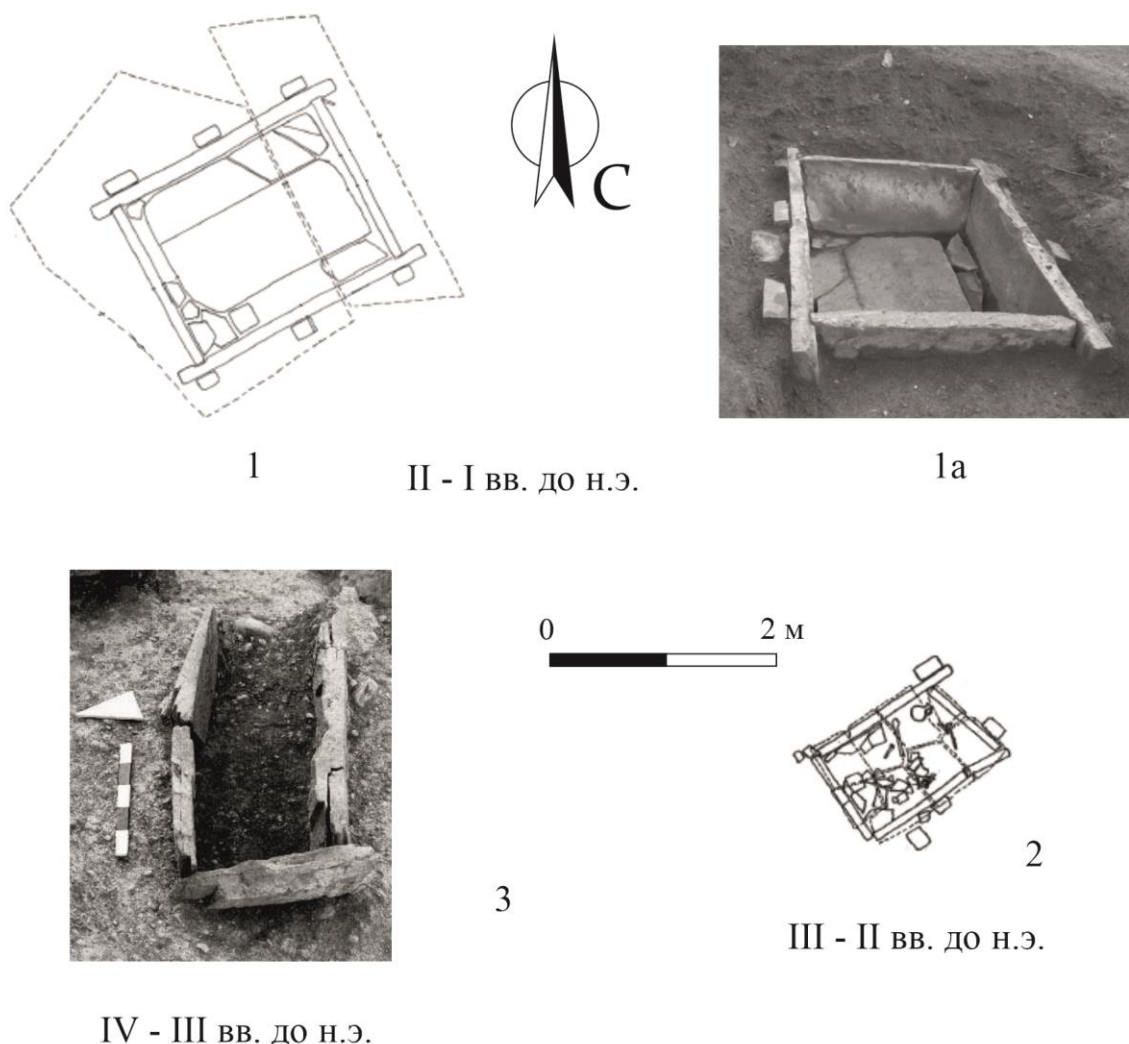

Рис. 49. Погребения Южного Кавказа эллинистического и римского периодов. 1-1а - Хавхмела п. 1, 2 - Хавхмела п. 4 (по Shatberashvili, 2012); 3 - Самтавро п. 7 (по Sagona et al., 2010).

Все же мы должны указать, что миграция могла носить не одномоментный характер, а растянуться во времени на несколько волн. Господство Урарту на Кавказе продлилось до середины VII в. до н.э., после военного поражения и упадка Урарту в регионе наступает постурартский период, традиционно в отечественной историографии военный разгром Урарту связывают со скифскими походами, зарубежные исследователи склоняются к версии о совместном вторжении скифов, мидийцев и вавилонян, а один из ведущих урартоведов Ст. Кролл предположил, что это было скорее восстание местного населения нежели внешнее вторжение, по крайней мере

разрушению подверглись только те города и крепости которые строились урартскими царями на территории Кавказа, Северо-Западного Ирана и части Восточной Анатолии (Kroll, 2014, p. 204).

Погребения в каменных ящиках будут бытовать на территории Южного Кавказа весь античный период и будут известны вплоть до средневековья на территории Армянского царства и Иберии, сохранив восточную и северо-восточную ориентировку, а с периода позднего эллинизма помимо традиционной позы возрастет число погребений с вытянутыми на спине костяками (рис. 49, 1-3) (Кошеленко, 1985, с. 66, 89, табл. XXXVI, 2, 7; Sagona et al., 2010, fig. 21, 4; Shatberashvili, 2012, pl. II, VII, 1-2).

Как мы видим из проведенного исследования позиции Е.М. Алексеевой и Ю.Н. Воронова верны в той логике, но лишь в тех рамках, в которых они рассматривали проблему. Если Е.М. Алексеева рассматривала ближайшие памятники кобанской культуры и видя там аналогии пришла к выводу о «генетической» связи памятников, то Ю.Н. Воронов рассмотрел проблему в рамках всей кобано-колхидской культурной общности и, видя на восточном ареале погребения в каменных ящиках, еще имеющих весьма редкие погребения с вытянутыми костяками, да еще и с традицией подзахоронения в них, пришел к выводу о миграциях из этого региона. Проблема была в том, что кобано-колхидская субъектность определяется металлургической традицией, поэтому Ю.Н. Воронов хоть и указывал о наличии таких погребений в более широких географических рамках все же не вышел за рамки обозначенной субъектности и ограничился указанием восточных погребений колхидской культуры, этим же критерием он апеллировал при выделении локального варианта в Северо-Восточном Причерноморье. Для решения поставленных задач мы выделили сами погребения в качестве отдельного субъекта, рассмотрев их в широком хронологическом и географическом надкультурном пространстве и приведенные аргументы считаем достаточными для утверждения о миграции населения Лчашен-Мецаморской культуры Южного Кавказа на территорию Северо-Восточного Причерноморья и Крыма в раннем железном веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Ранний железный век – период бурных изменений на Кавказе и Северном Причерноморье, в представленном исследовании сделана попытка систематизации и осмысления материалов этой эпохи, обнаруженных в районе г. Геленджик, в контексте археологических памятников сопредельных территорий и регионов.

Были уточнены хронологические рамки для каменско-ливенцовской группы памятников и Геленджикской стоянки, относимых ранее к более древним периодам. Также были подняты вопросы культурной атрибуции погребений, выявлено значительное влияние Закавказья на рассматриваемый регион, прежде всего Колхиды и Лчашен-Мецаморской культуры. Относительно последней, выявлена миграция населения практиковавшего погребения в каменных ящиках на территорию Северо-Западного Кавказа и Крым.

В заключении хотелось бы уделить больше внимания перспективам в исследовании региона. В книге представлены не все известные материалы раннего железного века, как уже сообщалось, южнее г. Геленджик было исследовано селище Дивноморское, давшее богатый и очень интересный материал доантичной эпохи. В перспективе планируется публикация археологических находок селища, которые существенно дополняют представление о культурных связях данной эпохи приморского региона.

Также острым вопросом является переосмысление дольменных захоронений, уточнение хронологии и атрибуции материалов является важнейшим направлением, без которого понимание процессов всего Северо-Западного Кавказа эпохи бронзы, раннего железа и античности нельзя назвать полноценным. В данный момент идет подготовка к публикации раскопок дольмена, исследованного И.Б. Брашинским в 1965 г. возле с. Дивноморское.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Рис. 1. Место расположения стоянки на плане г. Геленджик (по Аханов, 1958, 2-1/1). С. 6.

Рис. 2. Профили хозяйственных ям №№5-6 (по Аханов, 1958, 2-1/12). С. 7.

Рис. 3. Материалы Геленджикской стоянки с валиковой орнаментацией из фондов ГИКМ. №№301-8; 535-8, 12; 1012 - 1-4, 11. С. 8.

Рис. 4. Керамика Северной Колхиды. Тамышское поселение: 1-4 - шаровидные сосуд, 11-14 - горшки; Бамборское поселение: 5-6 - раструбные сосуды, 7-9 - сосуды с валиком, 10, 15-16 - горшки, 17-18 - фрагменты орнаментированных стенок (по Габелия, 2014); 19 - венчики пифосов, 20 - венчики горшков доантичного периода из комплекса памятников у с. Эшера (по Джопуа, 2009). 1-20 - глина. С. 9.

Рис. 5. Орнаментальная техника и композиции Тамышского поселения (по Габелия, 2014). С. 10.

Рис. 6. Керамика Южного Кавказа периода LBA. Сафар-Хараба: 1- п. 69, 2 - п. 94, 3, 3а - п. 116, 4- п. 120, 5 - п. 107, 6 - п. 2, 7 - п. 11, 8 - п. 17, 9 - п. 10 (по Narimanishvili, 2010); 10-18 - Гехарот (по Badalyan et al., 2008); Цахкалани: 19 - п. 23, 20 - п. 12, 21 - п. 18; 22-24 - Талин п. 8; 25-26 - Гехарот п. 1; 27-28 -к. Саснашен; 29 - Газанотс п. 3 (по Badalyan, Avetisyan, 2007). 1-29 - глина. С. 12.

Рис. 7. Керамика Южного Кавказа EIA-MIA и ахеменидского периодов. Мастара: 1-2 - п. 24, 3-4 - п. 5, 5-6 - п. 17, 7 - п. 9; Талин: 8 - п.18 (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 9 - Талин п. 14 (по Avetisyan, 2009); 10 - Аргиштихинили; 11-12 - Кордлар (по Медведская, 2018); 13 – Бамборское (по Габелия, 2014); 14-16 - Иберия (по Gamkrelidze, 2021); 17 - Цахкаовит (по Khatchadourian, 2018). 1-17 - глина. С. 13.

Рис. 8. Карта расположения памятников иллюстрации материалов которых использовали в главе I. 1- Геленджикская, 2 - Дивноморское, 3 - Бамборское, 4 - поселение на холме Верецагина, 5- Тамышское, 6 - Ноахвamu, 7 - Сафар-Хараба, 8 - Хором, 9 - Артик, 10 - Гехарот, 11 - Гехарот, 12 - Мастара, 13 - Цахкаовит, 14 - Талин, 15 - Цахкалани, 16 - Саснашен, 17 - Аргиштихинили, 18 - Газанотс, 19 - Ханлар, 20 - Картахбур, 21 - Ганджачая, 22 - Джафар Абад, 23 - Кордлар, 24 - Тли, 25 - Маджалис, 26 - Харачой, 27 - Берикей, 28 - Манас, 29 - Тарки, 30 - Каякент, 31 - Гинчи, 32 - Гатын-Кале, 33 - Нестеровский, 34 - Аманкол, 35 - Хабазское, 36 - Клинярское, 37 - пос. у Кисловодска, 38 - Былым, 39 - Этокское, 40 - пос. у Железноводска, 41 - Гамовская Балка, 42 - Анапская I, 43 - Каменка, 44 - Ливенцовско-Каратаевская, 45 - Нижнегниловское, 46 - Симферопольское, 47 - Бамбур. С. 14.

Рис. 9. Керамика Северо-Восточного Кавказа XV-XIII вв. до н.э. Харачой: 1 - п. 50, 2 - п. 49, 3 - п. 38, 8 - п. 29, 12 - ящик 1; 4 - Маджалис п. 1; Каякент: 5 - п. 4, 6 - п. 23; 7 - Берикей п. 3; 9 - каменный ящик у с. Тарки; 10 - случайная находка в г. Махачкала; 11, 14 - Манас к. 2 п. 4; 13 - находка у с. Согунты. 1-4 (по Круглов, 1958), 5-14 (по Марковин, 1969). 1-14 - глина. С. 16.

Рис. 10. Керамика кобанской культуры. 1 - Хабазское; 2-3 - Клинярское; 4 - пос. у Кисловодска; 5 - Этокское 1; 6 - Былым; 7 - Аманкол (по Козенкова, 1989). 1-7 - глина. С. 19.

Рис. 11. Керамический материал Гамовской Балки. 1-12 - сосуды с валиковой и штампованой орнаментацией, 15-17 - сосуды с «рифленой» орнаментацией (по Каминская, Шарафутдинова, 1999). 1-17 - глина. С. 20.

Рис. 12. Сосуды из могильника Анапская I. 1 - к. 10 п. 8; 2 - к. 9 п. 2; 3 - к. 7 п. 13 (по Трифонов, 1991). 1-3 - глина. С. 21.

Рис. 13. Реконструкция Ливенцовско-Каратаевской крепости (по Братченко 2006). С. 23.

Рис. 14. Ливенцовско-Каратаевская крепость: 1 - медальон из каратаевского участка (по Мимоход, 2022б); 2 - медальон из п. 6; 3 - топор (по Братченко, 2006). Каменка: 4 - скульптурное изображение лягушки; 5 - роговой псалий; 6 - медальон; 7 - булава (по Рыбалова, 1974). 1-2, 4-6 - кость, 3, 7 - камень. С. 26.

Рис. 15. Медальоны и материалы комплексов. Ганжачая ж. 58: 1 - медальон, 2 - браслет, 3 - пуговица (по Гуммель, 1940); 4 - медальон Ливенцовско-Каратаевская крепость (по Братченко, 2006); Гатын-Кале п. 7: 5 - булава, 6 - медальон, 7 - медальон, 8 - кинжал (по Марковин, 1960); 9 - медальон, Джафар Абад к. 8 (по Ghadim, 2011); Гинчи: склеп №2, 2-й ярус: 10 - медальон, 11 - булава, 12 - стрела, 13-16 - керамика (по Гаджиев, 1969); 17 - медальон, Ханлар п. 18 (по Гуммель, 1940; 18 - медальон Донифарс (по Козенкова, 1990). 1, 4, 6, 9, 10, 12, 17-18 - кость, 2-3, 5, 7-8, 11 - бронза, 13-16 - глина. Масштаб: а - для кости и бронзы, б - для керамики. С. 28.

Рис. 16. Керамика Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сооружение 4: 1-2, 9, 19; сооружение 1 - 3-4, 12-14, 20; сооружение 5 - 5, 15, 18; сооружение 6 - 6-7, 11, 17; сооружение 8 - 8, 10; сооружение 7 - 16 (по Братченко. 2006). 1-20 - глина. С. 32.

Рис. 17. Керамика Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сооружение 1 - 1, 4; сооружение 5 - 2, 7, 9; сооружение 7 - 3; сооружение 6 - 5, 8; сооружение 2 - 6; сооружение 4 - 10 (по Братченко, 2006). 1-10 - глина. С. 36.

Рис. 18. Материалы погребений Ливенцовско-Каратаевской крепости. 1 - п. 3; 2 - п. 13; 3 - п. 10; 4 - п. 9; 5-6 - к. 11 п. 22 (по Братченко, 2006). 1-3, 5-6 - глина, 4 - бронза. С. 37.

Рис. 19. Керамика поселения Каменка ранний и поздний этапы. Жилища 1,2 и 6 - 1-12; жилища 3-5 и 7-12 - 13-26. 1-25 (по Рыбалова, 1974), 26 (по Братченко, 2006). 1-26 - глина. С. 38.

Рис. 20. Керамика с двойным рядом кольчатого штампа. А - керамика Южного Кавказа: 1 - Цахкалани п. 39; 2 - Картахбур п. 10; 3 - Мастара п. 7; 4 - Талин п. 5; 5 - Хором; 6 - Картахбур п. 14; 7 - Ноахвamu; 8 - Тамышское. Б - керамика Северного Кавказа и Северного Причерноморья: 9-10 - Каменка; 11-12 - Нижнегниловское; 13 - Нестеровский п. 37; 14 - пос. у Железноводска; 15 - Хабазское; 16 - Дивноморское. 1, 3-4 (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 2, 6 (по Engibaryan и. а., 2013); 5 (по Badaljan et al., 1992); 7 (по Куфтин, 1950); 8 (по Габелия, 2014); 9-10 (по Рыбалова, 1974); 11-12 (по Шарафутдинова, 1980); 13 - (по Козенкова, 1982); 14-15 (по Козенкова, 1989). 14-15 - без масштаба. 1-16 - глина. С. 41.

Рис. 21. Материалы Геленджикской стоянки из фондов ГИКМ. №№ 301 - 8, 13, 27; 535 - 2, 3, 8, 12, 20, 25. 1012 - 1-4, 6-7, 10-11, 14, 20. №№ 301, 535 и 1012 - 1-4, 6-7, 10-11 - глина, 1012 - 14, 20 - камень. С. 44.

Рис. 22. Рисунки материалов Геленджикской стоянки из отчета И.И. Аханова. 1 - табл. IX, л. 7; 2 - табл. VIII, л. 6; 3 - табл. V, л. 4; 4 - табл. III, л. 2; 5-7 - табл. VII, л. 5; 8-9 - табл. IV, л. 3. (по Аханов, 1958, 2-1/14); 10-11 - орнаменты лепных сосудов, (по Аханов, 1958, 2-1/15); 12 - каменное грузило; 13 - кремневая пилка, (по Аханов, 1961б). 1-11 - глина, 12 - галька, 13 - кремль. С. 45.

Рис. 23. Керамика имеющая аналогии с материалами Северного Кавказа. 1-2 - Бамбур (по Matthews et al., 2022); 3 - Тли п. 43 (по Техов, 1977); 4 - Артик (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 5-6 - Симферопольское (по Крис, 1981). 1-2 - без масштаба. 1-6 - глина. С. 47.

Рис. 24. Карта расположения погребений. 1 - мог-к Фальшивый Геленджик; 2 - дольмен Бетта; 3 - погребение Михайловский перевал; 4 - Береговое; 5 - Толстый мыс; 6 - Геленджикский мог-к. С. 53.

Рис. 25. План-схема погребений мог-ка Фальшивый Геленджик (по Щеглов, 1957). С. 54.

Рис. 26. Материалы погребения №4 мог-ка Фальшивый Геленджик: 1-2 - копья; 3-4 - поясные обоймы; 5 - бляха; 6 - ворворка; 7-8 - височные кольца; 9 - обойма; 10 - лунница; 11 - нож; 12 - оселок. 1-10 - бронза, 11 - железо, 12 - камень. С. 55.

Рис. 27. Материал погребения Михайловский перевал: 1 - кольцо; 2 - браслет; 3 - привеска «лабрис-вотив»; 4 - височная подвеска; 5 - пластина. 1-4 - бронза, 5 - железо. С. 57.

Рис. 28. Материалы погребения в дольмене Бетта: 1-5 - бляхи; 6-8 - браслеты; 9-10 - височные кольца; 11 - роговидное навершие ручки черпака; 12-13 - венчики лепных сосудов; 14 - фрагмент ручки; 15 - бронзовая пряжка. 1-10, 15 - бронза, 11-14 - глина. С. 60.

Рис. 29. Бронзовые бляхи (зеркала). 1-3 - погребение Фу Хао (Северный Китай); 4 - мог-к Тяньшаньбейлу (Синьцзянь); 5-6 - мог-к Мохачан (Синьцзянь); 7-8 находки из музея г. Клуж-Напока (Румыния). 1-8 - бронза. 1-6 (по Shulga, Shulga, 2020); 7-8 (по Petrescu-Dimbovita, 1977). С. 61.

Рис. 30. Материалы погребения Мэришелу к. 5. 1, 4 - керамические сосуды; 2 - фибула; 3 - пряслице; 5 - ракушки каури; 6 - бусины; 7 - бронзовый предмет; 8 - нож; 9-11 - наконечники стрел; 12 - зеркало; 13 - план погребения (по Bader, 1983). С. 65.

Рис. 31. Материалы погребения кургана Чеснок. 1 - браслет; 2 - браслет со змеевидными головками; 3-4 - зеркало; 5 - нож; 6 - булава; 7 - крышка; 8 - наконечники стрел; 9 - колечко; 10-12 - бусы. 1-4, 6, 8-9 - бронза; 5 - железо; 7 - глина; 10 - кость, глина, стекло; 11 - топаз, горный хрусталь; 12 - янтарь (по Самоквасов, 1887). С. 67.

Рис. 32. Схема расположения погребений, исследованных в 1950-1952 гг. на Толстом мысу г. Геленджик. Составлена на основе карты И.И. Аханова (по Аханов, 1954а). С. 72.

Рис. 33 - продольный профиль курганов 1 группы; 2 - профиль кургана 1. Материалы погребения 1: 3 - обломок колечка с продольным желобком и поперечным отверстием; 4 - отщеп черного кремня. 5 - застежка из погребения 2. 1 - сурьма, 2 - кремень, 3 - кость. С. 73.

Рис. 34. 1 - продольный профиль курганов 2 группы. Материалы погребения 6: 2 - чертеж каменного ящика, 3 - пуговица, 4 - бляха, 5 - наконечник стрелы, 6 - иголки, 7-8 - булавы, 9 - буса, 10 - сосуд, 11-12 - височные кольца, 13 - браслет, 14 - спиралевидные пронизи, 15 - отщеп кремня серого цвета. 3-8, 11, 13-14 - бронза; 9 - гагат; 10 - глина; 12 - сурьма; 15 - кремень. С. 75.

Рис. 35. Материалы погребения 8 группы 2: 1 - чертеж погребения, 2 - наконечник копья, 3 - браслет. Материалы погребения 7 группы 2: 4 - чертежи разрезов каменного ящика, 5 - височное кольцо. 2-3, 5 - бронза. С. 77.

Рис. 36. Материалы погребения 9 группы 2: 1 - фрагмент дна лепной корчаги, 2 - чертеж каменного ящика. Материалы погребения 10 группы 2: 3 - чертеж каменного ящика, 4 - височное кольцо, 5 - наконечник стрелы. 1 - глина, 3-4 - бронза. С. 78.

Рис. 37 Материалы погребения 2 группы 3: 1 - чертеж каменного ящика, 2 - наконечник копья, 3 - наконечник стрелы, 4 - пряслица, 5 - лунница, 6 - булавка, 7-9 - ручки черпаков, 10 - фрагмент стенки сосуда, 11-12, 15 - наконечники копий, 13-14 - ножи, 16 - топор. Материалы погребения 3 группы 3: 17 - чертеж каменного ящика, 18 - топор, 19-22 - фрагменты стенок сосудов, 23 - бутероль, 24 - обойма ножен меча, 25-26 - бляхи, 27 - пряслице. 2-3, 5, 23-26 - бронза; 4, 7-10, 19-22, 27 - глина; 6, 11-16, 18 - железо. С. 80.

Рис. 38. 1 - продольный профиль курганов группы 4; 2, 2а - венчик и фрагменты стенок корчаги погребения 1; 3 - пряслице из погребения 2. 2-3 - глина. С. 84.

Рис. 39. Материалы погребения 1 группы 5: 1 - чертеж каменного ящика, 2 - ножка амфоры. Материалы погребения 2 группы 5: 3 - чертеж каменного ящика, 4 - ножка амфоры. 2, 4 - глина. С. 85.

Рис. 40. 1 - продольный профиль 6 группы курганов; 2 - фрагмент(ты?) ручки черпака погребения 1 6 группы. Материалы погребения Пионерского кургана: 3 - наконечник стрелы; 4 ракушка каури. 5 - чертеж каменного ящика из Детского кургана. 6 - чертеж погребения 4 группы 5. 2 - глина; 3 - бронза; 4 - ракушка. С. 86.

Рис. 41. Материалы Геленджикского мог-ка которые из-за недостатка информации не представляется возможным соотнести с тем или иным погребением. 1 - ворворка; 2-4 - браслеты; 5-11 - привески; 12 - проколка; 13-14 - колечка; 15-19 - бляхи; 20-23 - пуговицы; 24-30 - фр-ты сосудов; 31-32 - фр-ты ручек сосудов; 33 - пряслица; 34 - буса, 35 - колечко. 1-23 - бронза; 24-33 - глина; 34 - неизвестно; 35 - сурьма. С. 87.

Рис. 42. Случайные находки из района г. Геленджик. Погребение «Марьина Роща» 1-4: 1 - буса, 2 - пуговица, 3-4 - привески; 5 - топор из с. Береговое; 6 - топор с Толстого мыса; 7 - удила; 8-9 - копья. 1 - гагат, 2-9 - бронза. 7 (по Иессен, 1953), 8-9 (по Иессен, 1951). С. 89.

Рис. 43. Погребения Южного Кавказа в каменных ящиках периодов LBA и EIA. Тли: 1 - п. 178, 2 - п. 181 (по Техов, 1977); Апаран II: 3 - п. 4, 4 - п. 5; Талин: 5 - п. 65, 6 - п. 57, 7 - п. 63, 8 - п. 61, 9 - п. 51; 10 - Катнахбур п. 7 (по Badalyan, Avetisyan, 2007). С. 97.

Рис. 44. Каменные ящики Ирана, Восточной Анатолии и Южного Кавказа. 1 - Дилкая п. 84 (по Konyar, 2011); 2 - Тепе Кальвали п. 9; 3 - Пушт-и Кабуд (по Overlaet,

2005); 4 - Баба Джан п. 3 (по Hasanpur et al., 2015); 5-5а - Карашен к. 2 (по Ушрқуши, Ёнқиршрши, 2018); 6 - Сафар Шах (участок В) (по Nazari et al., 2016). С. 99.

Рис. 45. Погребения VIII - VII вв. до н.э. в Северо-Восточном Причерноморье. Мог-к Псыбе: 1 - п. 13, 2 - п. 14, 3 - п. 11 (по Тешев, 1983). С. 104.

Рис. 46. Материалы раннего железного века Северо-Восточного Причерноморья. 1 - сосуд-кернос Большие Хутора п. 10 (по Малышев, Новичихин, 2022); 2 - Рассвет п. 157 (по Новичихин, 2010); 3 - Псыбе (по Тешев, 1983); 4-6 - Победа 5 (по Шишлов и др., 2011). 1-6 - глина. С. 106.

Рис. 47. Погребения могильника у хут. Рассвет и устье Лобановой Щели. Рассвет: 1 - п. 49, 2 - п. 56, 3 - п. 65, 4 - п. 66, 5 - п. 75 (по Крушкол, Новичихин, 2010); мог-к в устье Лобановой Щели: 6 - общий план, 7 - современная реконструкция погребений (по Малышев, Горланов, 2020). С. 109.

Рис. 48. Сравнительная таблица типологических форм керамики могильника у хут. Рассвет с материалами кобано-колхидской культурной общности и керамикой региона Урмия-Севан. Мог-к Рассвет: 1 - п. 82, 2 - п. 71, 3 - п. 100, 4 - п. 65, 5 - п. 117, 6 - п. 30, 7 - п. 101, 8 - п. 130, 9 - п. 86, 10 - п. 135, 11 - п. 157, 12 - п. 83, 13 - п. 107, 14 - п. 73, 15 - п. 74; кобанская керамика: 16 - Инжиччукунский п. 1, 17, 19, 26 - пос. Сержень-Юрт, 18 - мог-к Сержень-Юрт п. 25, 20 - Клинярский 2-й п. 1, 21 - Исправная п. 2, 22 - Пантелемоновский, 23 - Исправная п. 11, 24 - Исправная п. 1/2, 25 - Нестеровский п. 2; колхидская керамика: 27-32 - основные типы колхидской керамики, 33 - Вани; постурартская и ахеменидская керамика: 34, 41, 45 - Эребуни, 35, 43 - Азатан, 36, 44, 47 - Яник тепе, 37, 39 - Хасанлу IIIA, 38, 40, 42, 46 - Бениамин II. 1-15 (по Новичихин, 2010); 16, 20-24 (по Козенкова, 1998); 17-19, 25-16 (по Козенкова, 1982); 27-32 (по Gamkrelidze, 2021); 33 (по Castelluccia, 2019); 34, 41, 45 (по Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012); 35, 38, 40, 42-43, 46 (по Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022); 36, 44, 47 (по Summers, Burney, 2012); 37, 39 (по Dyson, 1999). 28-32 - без масштаба. 1-46 - глина. С. 111.

Рис. 49. Погребения Южного Кавказа эллинистического и римского периодов. 1-1а - Хавхмела п. 1, 2 - Хавхмела п. 4 (по Shatberashvili, 2012); 3 - Самтавро п. 7 (по Sagona et al., 2010). С. 121.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Аханов И.И., 1954а. Отчет о доследовании геленджикских гробниц эпохи поздней бронзы // ГКМ – ф.2 д. 13.
2. Аханов И.И., 1954б. Энеолитическая стоянка в Геленджике. Статья Аханова И. для ИИМК №60 // ГКМ – ф.2, д.2.
3. Аханов И.И., 1958. Опись материалов // ГКМ – ф.2, д.1.
4. Аханов И.И., 1961а. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. №1. – М. С. 139-150.
5. Аханов И.И., 1961б. Древняя стоянка в Геленджике // СА. №3. – М. С. 276-280.
6. Багаев М.Х., 2005. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. - XII в. н.э.). – М. 856 с.
7. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев. 168 с.
8. Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев. 252 с.
9. Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С., 1996. Ливенцовский могильник I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1996 г. Вып. 16. – Азов. С. 160-215.
10. Братченко С.Н., 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Матеріали та дослідження з археології Східної України. Збірник наукових праць (за ред. С.М. Санжарова). Випуск 6. – Луганськ. С. 32-311.
11. Брашинский И.Б., 1966. Отчет о работе Восточно-Причерноморского отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1965 году // ГКМ – ф.2 д.13.
12. Брумяко И.В., 2005. Ранние кочевники в Европе. X – V до Р.Х. – Кишинев. 360 с.
13. Василенко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. – Краснодар. С. 21-38.
14. Ворошилов А.Н., Кашаев С.В., 2010. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // Древности Боспора. – М. С. 66-87.
15. Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). – Грозный. 391 с.
16. Внуков С.Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э. (морфология). – М. 234 с.

17. Воронов Ю.Н., 2006. Научное наследие // Научные труды в семи томах. Т. 1. – Сухум. 456 с.
18. Воронов Ю.Н., 2009. Научные труды // Научные труды в семи томах. Том 2. – Сухум. 610 с.
19. Вязьмитина М.И., 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. №3 – М. С. 158-170.
20. Габелия А.Н., 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум. 505 с.
21. Гаджиев М.Г., 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). – Махачкала. 178 с.
22. Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Под ред. Н.В. Анфимова. – Майкоп. С. 74-103.
23. Гей А.Н., 2005. Исследование древних памятников Западного Кавказа (О работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) // КСИА. Вып. 219. – М. С. 36-49.
24. Гершкович Я.П., 1997. Происхождение и эволюция сабастиновского керамического комплекса // Археологический альманах. №6. – Донецк. С. 125-144.
25. Гогодзе Э., Панцхава Л., 1997. Колхидская культура эпохи бронзы и раннего железа // Вестник Государственного музея Грузии. Т. 42. – Тбилиси. С. 64-91.
26. Григорьев А.Б., 2008. Изучение памятников археологического наследия Геленджика (XIX-XX вв.) // Наследие Кубани. Вып. 1. – Краснодар. С. 354-376.
27. Григорьев С.А., 2022. Роговые и костяные псалии Евразии начала позднего бронзового века // Уфимский археологический вестник. Т. 22. № 1. С. 162–177
28. Гуммель Я.И., 1940. Археологические очерки. АзФАН. – Баку. 166 с.
29. Дараган М.Н., 2010. Памятники раннескифского времени среднего Поднепровья и Гальштатт: поиск хронологических реперов // Revista arheologica. Vol VI., nr. 2. – Chisinau. С. 85-113.
30. Дараган М.Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев. 842 с.
31. Дараган. М.Н., 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Труды государственного Эрмитажа. Т. 77. – СПб. С. 127-170.
32. Джопуа А.И., 2009. Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия). – М. 398 с.

33. Дмитриев А.В., Дрыга Д.О., Малышев А.А., Моор В.В., 2018. Дольмены в антропогенном ландшафте полуострова Абрау // Сибирские исторические исследования. №3. – Томск. С. 139-157.
34. Дударев С.Л., 1999. Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII вв. до н.э.). – Армавир. 357 с.
35. Енгибарян Н., 2019. Змеиный орнамент на керамике эпохи бронзы и железа Армении: II тысячелетие – I тысячелетиях до н.э. // Вишاپ на стыке сказки и реальности. – Ереван. С. 282-288. (на арм. яз.).
36. Есаян С.А., Биягов Л.Н., Амаякян С.Г., Канемян А.Г., 1992. Урартские памятники. Биайнская гробница в Ереване. Т. 2. // Археологические памятники Армении. Т. 15. – Ереван. 47 с.
37. Иванов А.В., Сударев Н.И., 2013. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. Вып. 17. – М. С. 176-185.
38. Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии. Т. 2. – М. 324 с.
39. Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. №23. – М. С. 75-124.
40. Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА. XVIII. – М. С. 49-110.
41. Ильина В.А., 1973. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // СА. №3. С. 3-24.
42. Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1999. Жилой комплекс Гамовская Балка – новый памятник средней бронзы на Северо-Западном Кавказе // Археологические вести. №6. – СПб. С. 86-101.
43. Кашуба М.Т., 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. №3. – Кишинёв. С. 369–389.
44. Кашуба М.Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. №3. – Кишинев. С. 241-488.
45. Кашуба М.Т., 2022. Ареал каменных топоров бородинской группы в Восточной Европе // Записки ИИМК РАН. №27. – СПб. С. 117-128.
46. Кислый А.Е., 2003-2004. Население и памятники каменной культуры восточного Крыма. // Stratum plus. №2. – Кишинев. С. 93-126.
47. Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М. 87 с.

48. Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М. 177 с.
49. Козенкова В.И., 1989а. Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития): автореф... дис. док. ист. наук. – М. 52 с.
50. Козенкова В.И., 1989б. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-6. – М. 196 с.
51. Козенкова В.И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. №3. – М. С. 64-92.
52. Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М. 165 с.
53. Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. Т. 5. – М. 200 с.
54. Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). – М. 252 с.
55. Козенкова В.И., 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. – М. 113 с.
56. Козенкова В.И., 2018. Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений // Археологические вести. Вып. 24. – СПб. С. 290-311.
57. Колотухин В.А., 1983. Многослойное поселение в Юго-Восточном Крыму // СА. №1. – М. С. 277-282.
58. Колотухин В.А., 2003. Поздний бронзовый век Крыма. – Киев. 139 с.
59. Колтухов С.Г., 2014. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. – Симферополь. С. 45-73.
60. Кошеленко Г.А. (отв. ред.), 1985. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. – М. 496 с.
61. Кравченко Е., 2010. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. – Киев. 276 с.
62. Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. №46. – М. 167 с.
63. Крис Х.И., 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7. – 128 с.

64. Круглов А.П., 1958. Северо-Восточный Кавказ во II – I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. МИА. №68. – М. С. 7-147.
65. Крушкол Ю.С., Новичихин А.М., 2010. Описание погребальных комплексов. Каталог // Наследие архаической синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет). Под ред. А.А. Малышева. Некрополи Черноморья. Т. III. – М. С. 21-192.
66. Кузнецова Т.М., 2002. Зеркала Скифии VI – II вв. до н.э. Т. 1. – М. 350 с.
67. Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М. 463 с.
68. Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. – Тбилиси. 332 с.
69. Кушнарера К. Х., Марковин В. И., 1994. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология СССР. – М. 392 с.
70. Ларенок О.П., 2023. Относительная хронология Ливенцовско-Каратаевских крепостей: от северокавказских истоков до военного столкновения // Самарский научный вестник. Т. 12. №1. – Самара. С. 153-156.
71. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). – Краснодар. 312 с.
72. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2014. Новые протомеотские комплексы из Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // Археологические Вести. №20. – СПб. С. 165-182.
73. Литвиненко Р.А., 1999. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк. С. 4-23.
74. Литвиненко Р.О., 2009. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабіне // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Збірник наукових праць (за ред. С.М. Санжарова). Випуск 9. – Луганск. С. 44-91.
75. Лукьяшко С.И., 2012. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX-IV вв. до н.э.). – Ростов-на-Дону. 802 с.
76. Лысенко С.Д., 2011. К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье // КСИА. Вып. 225. – М. 123-144.
77. Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. ДНЦ РАН. – Махачкала. 378 с.

78. Малышев А.А., 2010. Новое в хроностратиграфии Раевского городища // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.-Киев. С. 175-178.
79. Малышев А.А., 2011. Погребальный обряд и планиграфия некрополя в Широкой Балке // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке. Отв. ред. А.А. Малышев. Некрополи Черноморья. Т. IV. – М. С. 242-303.
80. Малышев А.А., Горланов С.С., 2020. О погребальных сооружениях населения полуострова Абрау в эпоху раннего железа // Теория и практика археологических исследований. Т. 32, № 4. – Барнаул. С. 67-82.
81. Малышев А. А., Новичихин А. М., 2022. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 4. – М. С. 162-186.
82. Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. №93. – М. 152 с.
83. Марковин В.И., 1969. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. – М. 116 с.
84. Марковин В.И., 1972. Памятники дольменной культуры в Краснодарском крае // АО за 1971. Отв. Ред. Б.А. Рыбаков. – М. С. 131-132.
85. Марковин В.И., 2011. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Издательский отдел КВИГИ. – Нальчик. 84 с.
86. Медведская И.Н., 2018. Урартская керамика VIII – VII вв. до н.э. и вопрос урартского присутствия в Приурмийском районе Ирана в VII в. до н.э. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 95 – СПб. С. 196-213.
87. Меликишвили Г.А., 1953. Урартские клинописные надписи (продолжение) // ВДИ. №3. – М. С. 231-276.
88. Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-04. – М. 91 с.
89. Микеладзе Т.К., 1982. Основные результаты полевых исследований Колхидской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 (Краткие сообщения). – Тбилиси. С. 31-35.
90. Мимоход Р.А., 2022а. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. Т. 2. – М. 305 с.
91. Мимоход Р.А., 2022б. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. (Приложения). Т. 3. – М. 464 с.

92. Мошинский А.П., 2019, Керамический комплекс с кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 255. С. 153-169.
93. Николаева Н.А., 2011. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. МГОУ. – М. 536 с.
94. Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья первой половины I тыс. до н.э. – Анапа. 220 с.
95. Новичихин А.М., 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Наследие архаической синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет). Под ред. А.А. Малышева. Некрополи Черноморья. Т. III. – М. С. 192-204.
96. Новичихин А.М., 2014. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Издательский отдел КБИГИ РАН. – Нальчик. С. 110-121.
97. Онайко Н.А., 1980, Архаический Торик - Античный город на северо-востоке Понта. – М. 179 с.
98. Пелих А.Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы. – Армавир. 323 с.
99. Пеляшенко К.Ю., 2014. Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья // Stratum plus. №3. – Кишинев. С. 51-64.
100. Погребова М.Н., 2011. История Восточного Закавказья: вторая половина II - начало I тыс. до н.э.: (по археологическим данным). – М. 422 с.
101. Потапов В.В., 2010. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья. – М. 361 с.
102. Рогудеев В.В., 2015. Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 11. – Саратов. С. 64-112.
103. Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. №16. – Л. С. 19-50.
104. Рябкова Т.В., 2003. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. – СПб. 392 с.
105. Савва Е.Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). – Кишинев. 225 с.

106. Самоквасов Д.Я., 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда в Тифлисе. – М. С. 37-60.
107. Санжаров С.Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. ВНУ. – Луганск. 488 с.
108. Сенаторов С.Н., 2001. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология) – СПб. 480 с.
109. Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. – М. 183 с.
110. Скаков А. Ю., Джопуа А. И., 2014. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. – М. С. 99-109.
111. Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н.э. – М. 240 с.
112. Тешев М.К., 1983. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе // СА. №4. – М. С. 209-213.
113. Ткачев А.А., 2003. Бронзовый век Центрального Казахстана. – М. 582 с.
114. Топал Д., 2021. Акинак на западе скифского мира. – Кишинэу. 648 с.
115. Тощев Г.Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. ЗНУ. – Запорожье. 304 с.
116. Трифонов В.А., 1991. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев. С. 101-116.
117. Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А., 2012. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб. С. 100-107.
118. Трифонов В.А., 2014. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // ЗИИМК РАН. №10. – СПб. С. 104-131.
119. Тушишвили Н., Амиранашвили Дж., 1980. Результаты работ Алгетской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1977 (Краткие сообщения). – Тбилиси. С. 118-125.
120. Фелицын Е.Д., 1904. Западно-Кавказские дольмены // МАК. Вып. IX. – М. С. 1-86.
121. Формозов А.А., 2008. О Борисе Сергеевиче Жукове (материалы к биографии) // Формозов А.А. Статьи разных лет. ГОУ ВПО КГМУ. – Курск. С. 71-84.

122. Черниенко Ю.А., 2014. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // *Stratum plus*. №2. – Кишинев. С. 15-112.
123. Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М. 301 с.
124. Шаншишвили Н., Нариманишвили Г., Нариманишвили Г., 2016. Торговля и торговые пути между Южным Кавказом и Ближним Востоком. Национальный Музей Грузии. – Тбилиси. 282 с.
125. Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев. 160 с.
126. Шарафутдинова Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. Вып. В1-11. – Л. 128 с.
127. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2011. Особенности поселений раннего железного века в приморской зоне Северо-Западного Кавказа // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). – Сухум. С. 75-78.
128. Шрамко Б.А., 2016. Більське городище в наукових працях Б.А. Шрамка. – Харків. 608 с.
129. Щеглов Д.Е., 1957. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Геленджикского района за период 1955-1957 гг. // ГКМ – ф. 2, д. 6.
130. Щеглов Д.Е., 1958. Геленджикская неолитическая стоянка, материалы раскопок 1949-1950 гг. К истории раскопок геленджикской неолитической стоянки // ГКМ – ф.2, д.1.
131. Эрлих В.Р., 2005. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). – М. 718 с.
132. Эрлих В.Р., 2021. Закавказские и протокобанские связи постдольменного поселения Шушук (Северо-Западный Кавказ) // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В. И. Козенковой: сборник статей. Под ред. А. А. Малышева, А. Ю. Скакова. – М. С. 29-44.
133. Эрлих В.Р., Клещенко А.А., Гак Е.И., Годизов Г.Л., 2022. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней-поздней бронзы // РА. №1. – М. С. 7-23.
134. Abedi A., Shahidi H.K., Chataigner C., Niknami K., show all 5 authors., 2014. Excavation at Kul Tepe (Hadishahr), North-Western Iran, 2010: First preliminary report // *Ancient Near Eastern Studies*. 51. – P. 33-165.

135. Akkermans P.M.M.G., 1988. The period IV pottery // Hammam et-Turkman. Ed. by M.N. Van Loon. Nederlands Historisch-Archeologisch Instituut. – Te Istanbul. P. 181-285.
136. Avetisyan H., 1999/2000. Urartian Ceramics from the Ararat Valley as a Cultural Phenomenon (A Tentative Representation) // Iran & the Caucasus. Vol. 3-4. – Leiden; Boston. P. 293-314.
137. Avetisyan H., Avetisyan P., Bobokhyan A., Navasardian K., Ghuni A., 2019. Notes on Urartian period pottery traditions in Armenia // Armenological Issues №1 (16) – Yerevan. P. 84-102.
138. Avetisyan P., Bobokhyan A., 2008. The pottery traditions of the Armenian Middle to Late Bronze Age «transition» in the context of Bronze and Iron Age periodization // Ceramics in Transitions Chalcolithic Through Iron Age in the Highlands of the Southern Caucasus and Anatolia. Ed. by K.S. Rubinsos and A. Sagona. Ancient Near Eastern Studies. Supplement 27. – Peeters; Leuven; Paris; Dudley, MA. P. 123-185.
139. Avetisyan P., 2009. On Periodization and Chronology of the Iron Age of Armenia // ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies. Vol. 2. Issues 2. – Yerevan. P. 55-76.
140. Avetisyan P., Bobokhyan A., 2012. Archaeology of Armenia in regional context: achievements and perspectives // Archaeology of Armenia in regional context. National Academy of Sciences of Republic of Armenia Institute of Archaeology and Ethnography – Gitutyun, Yerevan. P. 7-22.
141. Avetisyan P., 2017. On the issues of chronology and periodization of the Armenian Middle Bronze Age archaeological cultures // ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies. Vol. XI. Issues 1-2. – Yerevan; Oxford. P. 57-88.
142. Badaljan R.S., Edens C., Kohl F.L., Tonikjan A.V., 1992. Archaeological Investigations at Horom in the Shirak Plain of Northwestern Armenia (1990) // Journal of the British Institute of Persian Studies. Iran. Vol. 30. №1. – P. 31-48.
143. Badalyan R., Avetisyan P., 2007. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia I: Mt. Aragats and its Surrounding Region. BAR IS 1697 – Oxford. 319 p.
144. Badalyan R., Smith A.T., Lindsay I., Khatchadourian L. and Avetisyan P., 2008. Village, fortress, and town in Bronze and Iron Age Southern Caucasia: A preliminary report on the 2003–2006 investigations of Project ArAGATS on the Tsaghkahovit Plain, Republic of Armenia. // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut V. 40. – Berlin. S. 45-105.
145. Bader T. 1983. Die Fibeln in Rumanien. Abt. XIV, B.6. C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. – Munchen. 144 s.

146. Bagh T., 2013. Tell el-Dab`a XXIII: Levantine Painted Ware from Egypt and the Levant // *Denkschrift der Gesamtakademie. Band XXXVII.* – Wien. 342 p.
147. Brodbeck-Jucker S., Kunze R., 2023. Work- and Lifescapes in 1st Millennium BC Udabno // *On the Shoulders of Prometheus: International Collaboration and the Archaeology of Georgia.* Ed. by E.E. Intagliata and P. Everill. – P. 59-84.
148. Casana J., Goodman D.D. & Ferwerda C., 2023. A wall or a road? A remote sensing-based investigation of fortifications on Rome's eastern frontier // *Antiquity.* Vol. 97. Issue 396. Published by Cambridge University Press. – P. 1516-1533.
149. Casanova M., Lorre C., Alekberov A., Fahimi H., Sauvage M., Haze M., Vella M-A., 2016. The necropolises of Azerbaijan during the Bronze and Iron Ages in the Lenkoran and the Lerik areas (NABIALLA Project, Azerbaijan): Preliminary report of the 2012-2013 campaigns // *Quaternary International.* №395 (2016). – P. 194-207.
150. Castelluccia M., 2019. Some Remarks on Achaemenid Era Pottery. Assemblages from Transcaucasia // *Ceramics and the Archaeological Achaemenid Horizon: Near East, Iran and Central Asia.* Series Minor LXXXVI. Ed. by Genito B., and Maresca G. – Napoli. P. 90-109.
151. Chuan-Chao Wang, Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., show all 46 authors., 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications.* 10 (1): 590. – P. 1-13.
152. Danti M., 2013. The Late Bronze and Early Iron Age in Northwestern Iran // *The Oxford Handbook of Ancient Iran.* Ed. by D.T. Potts. Oxford University Press. – Oxford; New York. P. 327-376.
153. Deschamps S., Fichet de Clairfontaine F., 2012. La céramique ourartéenne et post-ourartéenne du secteur du temple de Haldi - Erenuni (milieu VIIe av. Début VIe av. J.-C.) // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies.* Vol. 7 Issues 1. – Yerevan. P. 105-143.
154. Deschamps S., Fichet de Clairfontaine F., in collaboration 7 authors., 2022. Achaemenid ceramics from the site Beniamin II (Shirak, Armenia): the end of the 6th to the mid 4th centuries BC // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies.* Vol. 15 Issues 1-2. – Yerevan. P. 202-250.
155. Dyson R.H. Jr., 1999. The Achaemenid Painted Pottery of Hasanlu IIIA // *Anatolian Studies: Journal of the British Institute at Ankara.* Cambridge University Press. Vol. 49. – P. 101-110.
156. Edwards M.R., 1981. Pottery of Haftavan VIB (Urmia Ware) // *Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies.* Vol. XIX. Issue 1. – London. P. 101-140.

157. Engibaryan N., Bobokhyan A., Kunze R., 2013. Ausgrabungen in Karchaghbyur, Provinz Gegharkunik // Veröffentlichungen des landesamtes für Denkmalpflege und archäologie Sachsen – Anhalt. Archäologie in Armenien II. Band 67. – P. 109-163.
158. Gamkrelidze G., Shatberashvili V., Pirtskhalava M., Charkviani M., Davlianidze R., 2016. Typological analysis and statistical data of weapons from the cemeteries of 5th – 4th centuries BC excavated in Georgia // IBERIA-COLCHIS. №12. – Tbilisi. P. 209-231.
159. Gamkrelidze G., 2021. Archeology of Georgia (5th century BC - 5th century AD). Journal IBERIA-COLCHIS. Supplement I. – Tbilisi. 685 p. (на груз. яз.).
160. Ghadim F.İ., 2011. Jafar Abad VIII. Kurgan Kazıları, Kuzeypatı İran // Karadeniz'den Fırat'a Bilgi Üretimi, Önder Bilgi'ye Armağan Yazıları. Eds. A.Öztan, Ş.Dönmez – Ankara. S. 119-216.
161. Greene A.F., 2012. Where pottery and politics meet: mundane objects and complex political life in the Late Bronze Age South Caucasus // The Archaeology of Power and Politics in Eurasia: Regimes and Revolutions. Ed. by C.W. Hartley, G.B. Yaziciolu, A.T. Smith. Cambridge University Press. – P. 302-322.
162. Guarducci G., 2019. Nairi land. Catalogue. – Oxford & Philadelphia. 794 p.
163. Hasanpur A., Hashemi Z., Overlaet B., 2015. The Baba Jilan graveyard near Nurabad, Pusht-I Kuh, Luristan // Iranica Antiqua. Vol. L. – P. 171-212.
164. Işıklı M., 2013. Some comments on the Late Bronze Age process in Erzurum and the adjacent region // Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Gebieten in der Spätbronze- / Früheisenzeit. Schriften 22. – S. 223-237.
165. Khatchadourian L., 2011. The Iron Age in Eastern Anatolia // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia: (10,000-323 BCE). Ed. by G. McMahon, S. Steadman. Oxford University Press. – Oxford; New York. P. 464-499.
166. Khatchadourian L., 2018. Pottery Typology and Craft Learning in the Near Eastern Highlands // Iranica Antiqua. Vol. LIII. – P. 179-265.
167. Kizil A., Dogan T., 2018. The Geometric and Archaic Period Tombs Uncovered in the South Necropolis at Euromos // TÜBA-AR Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi. – Ankara. S. 137-157.
168. Konyar E., 2011. Tomb Types and Burial Traditions in Urartu // Urartu Doğu'da Değişim. Transformation in the East – İstanbul. P. 206-234.
169. Kroll St., 1976. Keramik urartäischer Festungen in Iran - Ein Beitrag zur Expansion Urartus in Iranisch-Azərbaycan. Archäologische Mitteilungen aus Iran Erg. Bd. 2. – Berlin. 184 s.

170. Kroll. St., 2014. Notes on the Post-Urartian (Median) horizon in NW-Iran and Armenia // Essays in Honor Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology. Ed. by A. Özfirat. – Istanbul. P. 203-210.
171. Kurts D.C., Boardman J., 1971. Greek Burial Customs. – London. 390 p.
172. Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D. T., Pittman H. and Kohl P.L., 2001. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975: The Third Millennium. American School of Prehistoric Research. Bulletin 45. – Harvard University; Cambridge; Massachusetts. 340 p.
173. Maeir A.M. (ed. by), 2012. Tell es-Safi/Gath I: The 1996 – 2005 Seasons. Ägypten und Altes Testament. Band 69. – Harrassowitz Verlag; Wiesbaden. 311 p.
174. Makarowicz P., Górski J., Lysenko S.D., 2013. Pontic and Transcarpathian cultural patterns in the Trzciniec circle between the Prosna and Dnieper // The Ingul-Donets Early Bronze Civilization as Springboard for Transmission of Pontic Cultural Patterns to the Baltic Drainage Basin 3200 - 1750 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 18. – Poznań. P. 162-203.
175. Matthews R., Nashli H.F. and Richardson A., 2022. The Archaeology of Iran from the Palaeolithic to the Achaemenid Empire. – London; New York, p. 652.
176. Metzner-Nebelsick C., 2002. Der “Thrako-Kimmerische” Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Vorgeschichtliche Forschungen. Band 23. T. 1. – Rahden/Westf. 542 s.
177. Mitrevski D. 2006. Genesis of the Iron Age Culture in Macedonia Folia archaeologica I. In: Honorem Verae Bitakova Grozdanova. – Skopje. p. 85-96.
178. Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. – New York. 501 p.
179. Muscarella O.W., 2021. Urartian Metalwork // Archaeology and History of Urartu (Biainili). Ed. by G.R. Tsetschladze. – Peeters; Leuven; Paris; Bristol, CT. P. 331-376.
180. Narimanishvili G., 2010. Trialeti in the 15th and 14th centuries BC // Rescue Archaeology in Georgia: Baku-Tbilisi-Ceyhan South Caucasian Pipelines. Georgian National Museum. – Tbilisi. P. 308-366.
181. Nazari S., Sha'rbaf1 M., Parseh S., Salahshoor A.A., 2016. Introduction and Preliminary Assessment of Cist Tombs in Gahvāre District, Kermanshah Province, Western Iran // International Journal of Archaeology. Vol. 4, No. 6-1. – P. 1-7.
182. Oren E.D., 2019. Middle Bronze Age II–Late Bronze Age II Egyptian and Egyptian-Type Pottery // The Ancient Pottery of Israel and its Neighbors from the Middle Bronze through the Late Bronze Age. Ed. by S. Gitin. – Jerusalem. P. 259-338.

183. Overlaet B., 2003. The Early Iron Age in the Pusht-i Kuh, Luristan. Luristan Excavation Documents. Vol. IV. – Peeters. 668 p.
184. Overlaet B., 2005. The chronology of the Iron Age in the Pusht-I Kuh, Luristan // *Iranica Antiqua*. Vol. XL. – P. 1-33.
185. Özfirat A., 2018. The Early Iron Age Cemeteries of the Lake Van Basin: An Overview of Burial Tradition of Pre-Urartians // *TÜBA-AR Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi*. – Ankara. S. 149-187.
186. Palumbi G., 2007. From Collective Burials to Symbols of Power. The Translation of Role and Meanings of the Stone-lined Cist Burial Tradition from Southern Caucasus to the Euphrates Valley // *Scienze dell'Antichità*. 14. – Sapienza Università di Roma. P. 17-44.
187. Panitz-Cohen N. and Mazar A., 2009. Excavations at Tel Beth-Shean 1989-1996. Volume III: The 13th–11th Century BCE Strata in Areas S and N. The Institute of Archaeology. The Hebrew University of Jerusalem – Jerusalem. P. 791.
188. Petrescu-Dimbovita M. 1977. Depozitele de bronzuri din Romania. Editura Academiei Republicii Socialiste Romania. – Bucuresti. 388 p.
189. Puturidze M., 2016. Some Evidences for the South Caucasian – Aegean World Relationship // *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. International Workshop*. – Tbilisi. P. 139-163.
190. Putzolu C., Cavazzuti C., 2019. L'appennino emiliano nell'età del Bronzo: la frontiera meridionale delle terramare // *Trent'anni di tutela e ricerca preistorica in Emilia occidentale*. – Piacenza. P. 251-264.
191. Reinhold S., Belinskij A.B., Korobov D.S., Fassbinder J.W.E., Borisov A.V., und Peters S. 2007. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus: Erste Ergebnisse der Untersuchung der Vorgebirgslandschaft bei Kislovodsk während der Spätbronze- und frühen Eisenzeit // *Eurasia Antiqua*. Band 13. – P. 139-180.
192. Reinhold S., 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 144. – Bonn. 533 s.
193. Rezaloo R., Alizadeh sola M., Kazempour M., 2015. Study of Iron Age Burials Ceramics at Khanghah Gilvan Cemetery in Northwestern Iran // *The International Journal of Humanities Winter*. Vol. 22 (1). – P. 131-150.
194. Ruppenstein F., 2020. Migration Events in Greece at the End of the Second Millennium BC and Their Possible Balkanic Background // *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. Band 350. – Bonn. S. 107-123.

195. Sagona A., Nikolaishvili V., Sagona C., Ogleby C., Pilbrow V., Briggs C., Giunashvili G., Manjegaladze G., 2010. Excavations at Santavro, 2008–2009: An Interim Report // *Ancient Near Eastern Studies. Supplement* 47. – Peeters; Leuven; Paris. P. 1-136.
196. Shatberashvili V., 2012. Khevkhmela Gorge in Classical period // *IBERIA-COLCHIS*. №8. – Tbilisi. P. 98-116. (на груз. яз.).
197. Shanshashvili N., Narimanishvili G., 2016. Dynamics and Nature of the Relations Between South Caucasus and Aegean World in the Bronze Age // *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. International Workshop*. – Tbilisi. P. 11-49.
198. Shulga P.I., Shulga D.P., 2020. The cultures of the Early Iron Age in China as a part of the Scythian World // *МАИАСН*. №12. – С. 111-147.
199. Summers G.D., Burney C.A., 2012. Late Iron Age Pottery from Northwestern Iran: The Evidence from Yanik Tepe // *Ancient Near Eastern Studies. Supplement* 39. – Peeters; Leuven; Paris; Walpole, MA. P. 269-317.
200. Tanko K. 2005. «Horn-handled» of the Central European Iron Age. In: H. Dobrozańska, V. Megaw, P. Polenska (eds.): *Celts on the Margin*. – Krakow, P. 153-162.
201. Thomas P.M., 2005. A deposit of Late Helladic IIIB1 pottery from Tsoungiza // *Hesperia*. Vol. 74. №4. – P. 451-573.
202. Triskova J. 2015. Symbolika byka ve strednim eneolitu v Cechach. *Zapadoceska univerzita. Fakulta filozoficka*. – Plzen. 84 p.
203. Ünlü E., 2016. The Handle Wagging the Cup. Formal Aspects of Alcohol Consumption in the Transfer of Ideology: Anatolia and the Aegean Towards the End of the Third Millennium BC // *Oxford Journal of Archaeology*. 35 (4). – P. 345-358.
204. Voigt M.M., Henrickson R.C., 2000. Formation of the Phrygian State: The Early Iron Age at Gordion // *Anatolian Studies*. Vol. 50. British Institute at Ankara. – P. 37-54.
205. Woods C.E., 2004. The Sun-God Tablet of Nabû-apla-iddina Revisited // *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. 56. – P. 23-103.
206. Yengibaryan N., 2019. Middle Iron Age tombs from Noratus (Sevan region, Armenia) // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 13 Issues 1. – Yerevan. P. 1-44.
207. Սարգսյան Գ., Ենգիբարյան Ն., 2018. Արցախի Կարկառ քաղաքի երկաթեդարյան դամբարանները // *Армения и восточнохристианская цивилизация – III (доклады и тезисы докладов)*. – Ереван. Էջ. 250-255.